

A detailed oil painting of Prince Mikhail Sergeevich Vorontsov in a dark military uniform with a prominent red collar and gold epaulettes. He is adorned with several medals and orders, including the Order of St. Anna and the Order of St. Vladimir. The background is a dark, textured brown.

С. С. ЛАЗАРЯН

КАВКАЗ ПОД УПРАВЛЕНИЕМ
КНЯЗЯ М. С. ВОРОНЦОВА
(1844–1854 ГГ.)

Сергей Лазарян

**Кавказ под управлением князя
М. С. Воронцова (1844–1854 гг.)**

«Издательство Проспект»

2022

УДК 94(479)"1844-1854"

Лазарян С. С.

Кавказ под управлением князя М. С. Воронцова (1844–1854 гг.) /
С. С. Лазарян — «Издательство Проспект», 2022

ISBN 978-5-39-237594-3

Данная монография является продолжением серии публикаций автора, посвященных различным аспектам деятельности князя М. С. Воронцова в годы его наместничества в Кавказском крае. Заслуга М. С. Воронцова состоит в том, что ему удалось заложить прочные основания для модернизационных преобразований, инициировавшихся Россией на Кавказе. Автор уделяет внимание всему комплексу мер, направленных на развитие и укоренение имперской государственно-политической и экономической системы на Кавказе, развитию просветительских и культурных учреждений, которые находились в поле зрения российской кавказской администрации. Делается акцент на благотворительности, в которой князь-наместник непосредственно принимал участие сам и подвигал к служению обществу многих других, а также на вопросах, связанных с развитием лечебных заведений и курортных мест в Кавказском регионе. Финальные страницы монографии повествуют о спорах вокруг имени князя-наместника и оценки его кавказского наследия, которые развернулись после его отъезда с Кавказа и не утихали в течение многих десятилетий.

УДК 94(479)"1844-1854"

ISBN 978-5-39-237594-3

© Лазарян С. С., 2022

© Издательство Проспект, 2022

Содержание

Введение	7
Глава 1	14
Глава 2	29
2.1. Кавказский край в 1840-х гг	29
2.2. Даргинская экспедиция	45
2.3. Военные действия на Кавказской линии	64
Конец ознакомительного фрагмента.	73

С.С. Лазарян
Кавказ под управлением князя
М. С. Воронцова (1844–1854 гг.)

© Лазарян С. С., 2022

© ООО «Проспект», 2022

Введение

Изучение политики Российской империи в Кавказском крае требует глубокого осмысления с исторической точки зрения, т. е. исходя из присущих историческому моменту обстоятельств и условий, избегая пристрастий и искажений современного видения. Это позволяет сохранить всю сложность бывшей реальности и не обеднять существовавшей социокультурной палитры разного рода упрощениями. Кроме того, данный подход способствует объективной оценке как позитивных, так и негативных моментов освоения Российским государством кавказского социально-культурного мира и географического пространства.

Существует яркое и образное сравнение истории, в котором она выступает не просто процессом, протекающим во времени, но мостом, который связывает прошлое с настоящим. В связи с этим хотелось бы, чтобы наши современники помнили и приняли достаточно простую, но не теряющую от этого своего значения мысль, что прошлое всегда с нами и в нас, повсюду и часто проявляется в многоголосии современной социально-политической или социально-культурной жизни.

Предметом исследования данной работы является комплекс проблем, связанных с особенностями развития политической истории Кавказского края в середине XIX столетия. Автор на примере краткого исторического фрагмента, уместившегося в рамки одного десятилетия (1844–1854 гг.), стремился представить картину неоднозначных и сложных явлений, в центре которых осуществлялась деятельность Кавказского наместника М. С. Воронцова, призванного реформировать кавказский социокультурный мир таким образом, чтобы он хотел быть с Россией и увидел себя частью России.

Важным моментом является то обстоятельство, что М. С. Воронцов принадлежал к наиболее образованной группе российского истеблишмента, обладавшей широким политическим кругозором, неиссякаемой энергией и большим административным опытом в деле инкорпорации порубежной периферии и насыщении ее имперскими смыслами и ценностями.

Кавказское поприще князя М. С. Воронцова, ставшее вершиной его политико-административной практики, представляет в целом положительный пример долговременного служения делу и долгу. Автор старался показать разнородные перипетии деятельности князя-наместника во всем ее разнообразии, избегая мемориальной бронзы и панегириков.

Князь М. С. Воронцов был призван императором Николаем I исправить негативно развивавшуюся ситуацию, которая подрывала основы «русского дела» на Кавказе. К середине 40-х гг. XIX в. производившиеся российской администрацией преобразовательные действия потеряли динамичность, породив большое количество проблем, ставших препятствием для успешного решения задачи по «водворению» кавказской окраины в состав Российской империи и превращению кавказского фронта в мирные и благоустроенные южные рубежи государства.

В северной части Кавказа российские власти утратили на время стратегическую инициативу, которую попытался вырвать у них из рук имам Шамиль, чей авторитет в горах достиг своего апогея. Основным условием, обеспечившим успех Шамилю, явилась его способность укрепить солидарность среди многих горских обществ Чечни и Дагестана, призывом их под знамена мюридизма и газавата.

В Петербурге выражали большое недовольство мероприятиям и мерам, которые реализовывали российские кавказские власти и которые, несмотря на значительные усилия и затраты, приносили весьма посредственный результат, по крайней мере, он был далек от ожидавшегося.

Немало беспокойства приносил Петербургу и Южный Кавказ, признанный быть витриной преобразований имперского характера и благотворного влияния имперского цивилизаторства.

Сменявшим друг друга главноуправляющим не удавалось достичь окончательной стабильности ни в одной сфере социального пространства в крае. Кавказский мир быстро адаптировался к российским усилиям, включив многовековые механизмы противоборства и сохранения основ своей социально-политической, духовно-нравственной и бытовой идентичности, и относился к русским не как к новаторам-преобразователям, а видел в них очередных врагов, непрошенных пришельцев, против которых кавказские племена применяли традиционные системы мобилизации.

Присутствие России в пространстве Кавказского края воспринималось большинством горцев как ухудшение общей ситуации в горских социумах, что делало кавказские старины – обычное традиционное существование – более привлекательными. Горцы держались своей патриархальности как средства сохранения их идентичности и прежнего «вольного» образа жизни.

Горская культура была по преимуществу культурой борьбы и для борьбы, присущая социумам родоплеменной стадии развития, стирая всякую границу между мирным и немирным каждодневным существованием. «Во всех странах света годы войны сменялись годами мира, но на Кавказе время войны вполне никогда не прекращалось. Если не было нападений извне, то для мирной части кавказского народонаселения постоянно продолжалась необходимость защищать свой край от нападений горцев, которых <...> никто не успевал еще покорить своей власти и не мог заставить отказаться от полудикой хищнической жизни, препятствовавшей развитию благосостояния в соседних с ними мирных частях края»¹.

Трудно сокрушаемый традиционный изоляционизм придавал горской культуре необходимую ей гомогенность, наделяя ее мощным конфликтным потенциалом, дающим способность противостоять любой другой гетерогенной и открытой культуре, в том числе и русской культуре.

Во многих местностях и областях жизни Кавказа России приходилось конкурировать с идеями и ценностями ислама, который пытался способствовать солидарности всех несогласных с российским присутствием в регионе.

Наличие мюридизма в качестве альтернативной русским идеологии и имамата в качестве политико-правовой альтернативы российской государственности сильно ослабило колонизаторские усилия России и многие десятилетия позволяло сопротивляться проникновению российского влияния в горскую среду.

Успех российской колонизации и модернизационного реформирования кавказского мира зависел от того, как скоро ей удастся покончить с организованными структурами имамата и мобилизационными усилиями мюридизма в северо-восточной части Кавказского края.

Сложность кавказской задачи заключалась в том, что традиция постоянно побивала модернизацию, у которой долгое время не было возможности пустить крепкие корни в кавказской среде и обзавестись там надежными союзниками и проводниками.

Следует также подчеркнуть, что для исламской части Кавказа модернизация была крайне болезненной не только сама по себе, но и потому, что исходила от неприятеля, и всего хуже – от иноверцев.

Для противодействия традиционалистским твердыням необходимы были надежные и верные коммуникаторы – ретрансляторы новых ценностей и мотиваций. Без нахождения какой-либо культурно-нравственной и экзистенциальной универсальности, равно приемлемой обеими сторонами, нельзя было надеяться на успешное сосуществование альтернативных друг другу миров.

¹ Романовский Д. И. Кавказ и Кавказская война: публичная лекция, прочитанная в зале Пассажа в 1860 г. Генерального штаба полковником Романовским. М., 2004. С. 23.

В связи с этим князь М. С. Воронцов оказался тем положительным примером, чья преобразовательная деятельность в крае, понимавшаяся им как миссия-модернизация, не только постепенно изменила общую обстановку в Кавказском крае в лучшую для Петербурга сторону, но заложила фундамент всем последующим победам «русского дела» на Кавказе.

В первую очередь полем усилий наместника стала Грузия, где было больше возможностей заниматься благоустройством и демонстрировать преимущества мирной жизни под покровительством могущественного царя Российской империи.

Понимая значение благоприятной репутации российской администрации, М. С. Воронцов перестраивает ее таким образом, чтобы привлечь к делу управления краем наиболее способных к тому людей, как русских, так и представителей кавказской «туземной» среды. Одновременно наместник очищал ряды военных и гражданских чиновников от людей малодостойных, жуликов или откровенных воров.

Деятельность князя М. С. Воронцова во все продолжение его пребывания в должности наместника была отдана, прежде всего, административным заботам, поскольку гражданское управление Кавказом оказалось наиболее трудным. Тифлис превратился в настоящий административный, торговый и культурный центр края. В целом князю-наместнику удалось развернуть вектор развития российской политики в сторону реального сближения с кавказскими народами, обаять их прелестями имперского способа существования и развить в них стремление приобретать имперскую идентичность.

В этом деле наместник мог опереться на особенность российской имперской структуры. Россия представляла собой тот тип имперского государства, в котором центр и периферии связывались друг с другом не столько процессом изъятия прибавочного продукта в пользу метрополии, сколько регулярным администрированием провинций со стороны имперского центра. Петербург не только не изымал ресурсы из своих периферий, но чаще всего инвестировал в них цивилизационные, инфраструктурные и логистические проекты, давая тем самым Кавказу новый жизненный импульс.

Российское государство в деле воздействия на горцев обладало значительной силой и разнообразием инструментальных возможностей. В России не существовало культурного абсолютизма, только доминирование (например, русский язык, традиции, православие). Россия представляла собой структуру поликультурного сообщества, в которой единство всех частей скреплялось абсолютностью самодержавной имперской власти, а не социально-культурным единообразием. Присутствовавшие внутри российского социального поля культуры инкорпорировались, а не ассимилировались. Это отодвигало проблему этнокультурной согласованности на второй план, выводя на авансцену значение государства. В этом состояла главная сила имперского проекта, которому трудно было противостоять или что-либо аналогичное противопоставить.

Немало потрудился князь М. С. Воронцов и на военном поприще, поскольку именно там обеспечивались условия для мирных гражданских преобразований и учреждений. Уроки Даргинской экспедиции стали отправной точкой к обновлению стратегии покорения Кавказа: от штурма и натиска перешли к поступательности и настойчивой осаде, создания на основных направлениях противостояния системы крепостных кордонов и открытия горных ущелий широкими просеками и устройством дорог.

Постепенно, но настойчиво всем, кто не принимал нововведений, показывались преимущества мирной и созидательной жизни, отнимая у явных противников средства и возможности вредить российской миссии-модернизации. Военные и административно-гражданские преобразования наместником направлялись таким образом, чтобы локализовать влияние имамата на кавказскую социальную среду, подготовив комплексными мерами его поражение.

Кроме того, князь М. С. Воронцов активно задействовал возможности дипломатии, которые позволяли ему разрешить большое количество спорных ситуаций невоенными средствами.

Однако не стоит забывать о том, что дипломатия в руках наместника оставалась действенным орудием продолжения борьбы в военных условиях.

В результате усилий и опыта многих людей, которыми руководил наместник, в результате его собственного умения соединять вместе задачи империи и находившегося под его управлением края, российским властям удалось к началу 50-х гг. XIX в. выработать гибкие механизмы и определить приемлемые подходы в отношении с кавказскими этническими сообществами. Была создана система отношений, учитывавшая особенности кавказского социально-культурного пространства и кавказского менталитета. Креативный подход к делу, ум, управленческие способности позволили князю М. С. Воронцову стабилизировать общую обстановку в Кавказском крае, предопределив дальнейший ход событий в пользу реализации имперских целей.

Реализация государственной политики Российской империи в Кавказском крае во многом определялась не только волей высших имперских властей, но и теми людьми, которым поручалось ее непосредственное воплощение.

Петербург давал стратегический план-задание: «сливать» Кавказ и Россию в единое целое, расширять и укреплять пространство имперского мира, вплетая мир кавказских народов в систему русско-европейской цивилизации.

Воплотители монаршей воли – наместники – искали пути и способы исполнения порученной им задачи. Не у всех получалось в равной степени, но все в меру своих сил и способностей старались и не жалели своих трудов.

Заслуга князя Михаила Семеновича Воронцова состоит в том, что он был в когорте тех немногих успешных имперских администраторов, которым удалось заложить достаточно прочные основания по большинству направлений и сфер экономической и социально-культурной жизни Кавказа, позволивших приступить к развертыванию преобразованной деятельности в крае в более благоприятных условиях.

Князь М. С. Воронцов стремился убеждать горские и все другие народы Кавказа в том, что русский мир не только не враждебен их историческим перспективам, но с Россией они наилучшим образом способны будут самоопределиваться в мире, предъявлявшем им новые вызовы. Его усилия были направлены на то, чтобы научить горские народы видеть в качестве своей родины не только горы и аулы, но всю Россию.

Князь М. С. Воронцов предлагал Кавказу обновление мотивации повседневной жизни при сохранении и поддержании устоявшихся социальных состояний, условия благополучного существования, опиравшегося на мирные и созидательные способы деятельности без перманентной вражды и противоборства.

Не все и не сразу откликнулись на его предложения. В воспоминаниях, рапортах, записках и письмах русских военных и гражданских лиц, в произведениях русских писателей XIX века рассыпано множество полярных свидетельств и оценок жителей Кавказского края. Не все горцы могли избавиться от вражды и нелюбви к русским, ворвавшимся в их замкнутый мир устоявшейся традиции. Не всегда у самого князя находилось достаточно аргументов и средств придерживаться избранной тактики, но его никогда не покидало терпеливое спокойствие и уверенность в том, что мирная и благоустроенная жизнь, в конце концов, сделается выбором жителей Кавказского края.

Князь М. С. Воронцов считал, что многие не соглашались или противятся русским начинаниям не в силу какой-то изначальной несовместимости русского и кавказского миров, а только в силу незнания или непонимания сути предлагавшихся инноваций, в силу новизны предлагавшихся ценностей и жизненных устоев, а также малого по историческим меркам периода их взаимодействия.

В то же время опыт жизни говорил о сходности человеческой природы всех живущих под Солнцем. Необходима была активная работа и уверенность в том, что «покорение Кав-

каза должно быть скорее нравственное, чем военное»². В этом направлении сосредоточивалось большинство усилий князя-наместника.

Обращаясь к прошлому и определяя его актуальность, следует помнить простую истину, формулу которой дал известный российский историк В. О. Ключевский: «Прошлое надо изучать не потому, что оно уходит, а потому, что, уходя, оно оставляет свои последствия».

Сегодняшний день и политико-экономическая и социально-культурная ситуация, сложившаяся на Северном Кавказе, тому прямое продолжение и подтверждение, а потому опыт и способы прошлого нельзя придавать забвению или игнорировать.

В настоящее время, когда происходит обновление многих сторон и форм общественного существования в России, когда определяется сущность, направленность и перспективы российского социума в целом, когда многие политические, экономические и духовно-нравственные феномены переживают процесс институализации, получив возможность возрождения и свободного развития, возрастает роль историко-политических, историко-экономических и историко-культурных исследований.

Незнание особенностей кавказского региона, самонадеянность или чуждость используемых социально-политических технологий, применяемых без учета опыта и знаний особенностей русско-кавказских отношений, развивающихся в условиях непреодоленной фронтности, приводит к ошибочным решениям в современной административно-правовой практике, экономической и культурной политике, реализуемой на протяжении ряда десятилетий российским правительством в кавказском регионе.

Для выстраивания и конструирования жизнеспособных и созидательных отношений между различными цивилизационными традициями, конфессиями, социально-этническими группами в рамках многонационального современного государства, изучение прошлого опыта становится общественно значимым и своевременным.

В этой связи важнейшей стороной феноменов большого общественного значения становится личностный фактор, определяющий качественные способности, как всего исторически сложившегося социума, так и его элит, их умение определять приоритеты и направленность развивающихся процессов, избирать необходимые средства и инструментарий для достижения желаемых целей.

Князь Михаил Семенович Воронцов принадлежит к когорте администраторов Российского государства, давших пример в целом позитивного взаимодействия двух цивилизационных традиций – христианской и исламской в рамках многонационального государства. Его деятельность есть пример и опыт укрепления оснований имперской государственности, которая была инструментом не только сплочения, но и спасения, защиты многих народов, способом обретения исторической перспективы и национальной состоятельности.

После распада СССР и начала становления на месте распавшейся государственности новой социально-политической системы более тридцати лет продолжаются поиски модели государственной структуры, способной адекватно отвечать на вызовы современности и продолжать оставаться наследницей российской национальной традиции.

В этой связи возрождается интерес к понятию и практике империи, как формы, в рамках которой Россия самоосуществлялась как социально-политическая и социально-культурная общность многонациональной системы российского мира в различных вариациях на протяжении почти трех последних столетий.

Одним из неизбывных процессов российского государственностроения – собирание земель – было изначальным способом устройства русского, а потом и российского миров. Потому российский мир не мог состояться ни в какой иной форме, кроме империи; не мог не сделаться

² Девятнадцатый век. Сборник исторический. М., 1872. Кн. 1. С. 44.

«гигантской оболочкой, вмещающей в себя разнородные социально-экономические, политические и культурно-духовные элементы»³.

Более того, Российская империя на всех ее этапах существования представляла собой форму многонародного сосуществования – спасения перед лицом перманентно нараставших локальных, внутренних или глобальных угроз различного типа и генеза.

Новизна исследовательского взгляда на сложившуюся в ту пору реальность определяется комплексным подходом при рассмотрении деятельности Кавказского наместника князя М. С. Воронцова как представителя верховной власти Российской империи в Кавказском крае, которая получила форму культурно-цивилизаторской миссии. Автор обратил внимание на то, что действия князя-наместника носили часто новаторский характер и приобретали форму модернизационного переустройства кавказского мира, реализуясь и связываясь с параметрами имперского модернизационного проекта.

Князь М. С. Воронцов коренным образом изменил структуры повседневности и социального сознания многих представителей местных кавказских элит, особенно грузинских и армянских, отчасти горских. Меры и средства, применявшиеся князем-наместником, постепенно убеждали жителей Кавказского края в преимуществах пророссийской ориентации и способствовали не только военной, но и социокультурной победе над имамом Шамиля в борьбе за умы народов Кавказа.

Поставив в центр своей преобразовательной деятельности смыслы и ценности созидательного характера, князь Воронцов подготавливал условия для преодоления социокультурных барьеров, существовавших между коренными жителями Кавказа и носителями социокультурных традиций империи, заложил основы для изживания фронтальной неопределенности в регионе.

Во главу угла данной книги поставлена преимущественно невоенная проблематика в противоположность тому, как то обычно происходит с работами, посвященными колониальным усилиям Российской империи на Кавказе. Не избегая и не умаляя этой стороны существовавших отношений между империей и горскими народами северной части Кавказа, автор показал и старался доказать, что, начиная с середины 40-х годов XIX века, центральной задачей российских властей в интерпретации князя М. С. Воронцова была задача преобразовательная, мироустроительная, которая предлагала народам Кавказа занять подобающее им место в составе многонародного государства и обрести новые исторические перспективы своего развития.

Кроме того, автор отметил важную сущность и новизну политики, проводимой князем М. С. Воронцовым, которая была направлена на всемерное сбережение людей, как русских, так и кавказцев, при помощи развития сети рекреационных площадок и лечебно-профилактических мест, которые в изобилии предоставляли естественные условия Кавказского края, и которые в умелых руках не только помогали бороться с телесными недугами, но сделались мощным средством культурного обновленчества.

Новизна авторского подхода заключается также в трактовке проводившихся в Кавказском крае экономических преобразований, которые направлялись на пользу всех жителей, без различия их этносоциальной принадлежности, поскольку князь-наместник видел в том универсальный инструмент убеждения всех несогласных или сомневавшихся.

Многосложное явление – Кавказская война – представлено в книге не как столкновение цивилизационное или военно-политическое по преимуществу, но как коммуникационная реакция архаики на модернизацию, поводом в которой было не столько злоумыслие, а, скорее,

³ Дегоев В. В. Россия, Кавказ и постсоветский мир: прощание с иллюзиями (Историко-политическая эссеистика). М.: Русская панорама, 2003. С. 12–13.

предубеждение сторон, находившихся в условиях фронта и не нашедших на то время адекватных форм приемлемого взаимодействия и понимания целей друг друга.

Князь М. С. Воронцов и многие люди его окружения понимали, что «многоликий, формировавшийся веками этнический и культурный мир Кавказа не способен в принципе стать абсолютно русским», но «его можно превратить в неотъемлемую часть Российской империи»⁴, хотя это потребует много времени и трудной работы.

В силу большой культурной дистанции величина культурного шока, который переживали обе стороны, была значительной, и не имела объективных возможностей для быстрого преодоления выявленных различий.

Реакцией на культурный шок в кавказских условиях одна сторона отвечала набегами, при помощи которых стремилась запугать противников, остановить их социально-культурное и хозяйственное присутствие в регионе, в то время как другая отвечала карательными экспедициями в горы, надеясь таким образом вынудить непримиримых к покорности.

Межкультурное взаимодействие Российской империи и этнических обществ Северного Кавказа весьма быстро приобрело острый и непримиримый характер, вылившись в эксцессы, которые более поздние исследователи стали квалифицировать как Кавказская война⁵.

Однако продолжительное инокультурное воздействие, которое приобретало характер систематического присутствия и социального фона в сферах идеологии, хозяйства и политико-правового устройства, постепенно подготовляло перемены в позициях горских обществ.

Они стали понимать силу инокультурности и невозможность привычными средствами из арсенала собственных этнических культур остановить вторжение инноваций, исходивших от чужаков. Не приобретя доверия к чужим культурным феноменам, им приходилось примиряться с их присутствием, что становилось началом позитивной аккультурации.

⁴ Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: Русская панорама, 2001. С. 326.

⁵ Блшев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. М.: Росет, 1994; Гордин Я. А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб.: Журнал «Звезда», 2000; Покровский Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: РОССПЭН, 2009 и др.

Глава 1

Теория, методы и историография

Изучение управленческого поприща и опыта графа, а затем князя М. С. Воронцова, связанные и сопровождавшиеся процессами трансформации кавказского мира в целом и кавказских обществ в частности, потребовало осмысления исторических фактов и процессов, дающих ключ к пониманию сущности, содержания и целеполагания его преобразовательных усилий.

Например, переносимые на почву Кавказа административно-правовые институты, секторы и типы экономики, развитие транспортной системы и инфраструктуры, системы светского образования и развитие в городах коммунального хозяйства знаменовали собой становление нового, привносимого Россией политического, экономического и социально-культурного образа экзистенциального бытия, тесно связанного со структурами имперской государственности.

В настоящее время существует достаточно широкий спектр подходов в определении термина «Империя». Автор данной работы принадлежит к тем, кто определяет империю как политическую систему, объединяющую под началом жесткой централизованной власти гетерогенные этнокультурные и административно-территориальные образования на основе отношений центр – провинция, центр – окраины⁶.

Для князя М. С. Воронцова, как одного из наиболее успешных творцов имперского конструктивизма, Кавказ был поприщем и ипостасью строительства российской государственности посредством собирания земель. Поскольку исторически так сложилось, что российский мир не мог состояться ни в какой иной форме, кроме империи – многонародного государства, вмещающего в себя «разнородные социально-экономические, политические и культурно-духовные элементы»⁷.

Империя, как самостоятельный тип государственности, обладает большим потенциалом выживаемости. Исторически продолжительность существования государств такого типа в среднем превышает продолжительность существования государств неимперского типа⁸.

Преимуществами империи является ряд факторов, которых лишены политические структуры иного типа. Например, в отличие от унитарного государства в состав империи входят провинции, населенные различными этносами, которые сохраняют в рамках имперского государства свое культурное своеобразие, в большинстве случаев свои обычаи и правовую систему или ее элементы, даже свою политическую элиту, включенную в состав имперской элиты.

Кроме того, спланивающим стержнем имперской государственности, вокруг которого собираются провинции, выступает имперский этнос. Его роль чрезвычайна: с ним связаны два момента – продолжительность существования империи и ее распад. Имперское государство «распадается с обскурацией имперского этноса»⁹.

В то же время цементируют империю не только определенные отношения с провинциями, не только наличие стержневого имперского этноса, возглавляемого имперской элитой, которая в российском варианте формировалась из представителей всех народов, инкорпориро-

⁶ Политология: Энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. Ю. И. Аверьянов. М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. С. 119.

⁷ Дегоев В. В. Россия, Кавказ и постсоветский мир: прощание с иллюзиями. (Историко-политическая эссеистика). М.: Русская панорама, 2001. С. 12–13.

⁸ Махнач В. Л., Елишев С. О. Политика. Основные понятия: справочник, словарь. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 147.

⁹ Там же. С. 151.

вавшихся в мир России, но также сила и мощь, воплощающаяся в ее военно-силовых и административно-бюрократических структурах.

Необходимость быть сильным государством вынуждает все империи реализовываться на монархическом принципе правления или насыщать составные части своей структуры монархическими элементами.

Кавказ для князя М. С. Воронцова сделался площадкой имперского строительства, приращения силы и мощи имперской государственности силами и мощью кавказской ойкумены, которую, однако, еще только предстояло убедить принять участие в данном строительстве.

Князь М. С. Воронцов направлял большие усилия на включение населения кавказских провинций в состав большого имперского этноса, по крайней мере, старался привить им желание взаимного тяготения.

Для этого князь-наместник проводил в Кавказском крае имперскую политику, которая реализовывалась на уровне цивилизационных устоев. Князь М. С. Воронцов никогда не обижал «местных богов» и святынь, восстанавливал и возводил не только христианские храмы, но и мусульманские мечети, рядом с русскими светскими школами учреждал школы для детей грузин и армян, для детей мусульман.

Кроме того, насыщая край инфраструктурными объектами, основывая города или устраивая пароходства на Черном или Каспийском море, преобразовательная деятельность князя-наместника, оставаясь в рамках русско-европейской цивилизационной парадигмы, не предъявляла категорических требований изменения культурных оснований, существовавших в провинциях. Его задача состояла в том, чтобы распространение русско-европейских цивилизационных смыслов совпадало с имперской идеей общего блага для всех имперских жителей, каковыми, без сомнения, он считал большинство людей, проживавших во всех частях Кавказа.

Проблема, однако, состояла в том, что поскольку перемены, по большей части, реализовывались российскими военно-гражданскими администрациями, многочисленными колонистами, всеми другими акторами широкоформатного процесса вторжения обновленчества в традиционную кавказскую среду, даже безотносительно способов, это вызывало неоднозначную реакцию местных обществ.

Столкнувшись с силовой оппозицией, российские власти и все иные субъекты обновленчества вынуждены были учитывать в своих преобразовательных действиях устоявшийся в отдельных частях Кавказа миропорядок, создавая социально-культурные и политико-правовые институты, воплощавшие в себе синтез новации и традиции (приставства, военно-народные суды и т. д.).

Переносимые на традиционную почву Кавказа политико-правовые, социально-экономические, идейно-культурные феномены и отношения имперского типа испытывали сопротивление со стороны традиционных структур и в то же время сами оказывали на них намного большее трансформирующее влияние. Эти отношения стали мощным стимулом роста государственных имперских структур в пространстве кавказского мира.

На Кавказе на месте прежде почти монолитной в своих базовых основаниях экзистенциальной парадигмы стала формироваться многоукладная и многофакторная система переходного или пограничного характера, свойственная ситуации фронта, в том смысле, в каком понимал данный термин Ф. Тернер и его последователи¹⁰.

Рядом с количественно преобладающим традиционным способом существования, быта, хозяйствования, социальными отношениями и определяющими жизненное пространство иде-

¹⁰ Тернер Фредерик Дж. Фронтир в американской истории. М.: весь Мир, 2009; Замятина Н. Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // *Общественные науки и современность*. 1998. № 5. С. 75–89; White R., Limerick P. N. *The Frontier in American Culture*. Chicago, Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1994; Басалаева И. П. Критерии фронта: к постановке проблемы // URL: <http://www.teoria – practica/ru/2-2012/philosophy/basalaeva> (дата обращения: 12.08.2014).

ями постепенно стали появляться и проявляться элементы имперской российской государственности, различной по качеству и масштабам представленности.

Социально-культурный и хозяйственный синтез, коренившийся в самой невозможности быстрого и широкого преобразования прежних и традиционных форм существования и мировоззрения, сопровождался всякого рода эксцессами и противоборствами, особенно в северной части Кавказского края, вылившимися в широкоформатное противостояние горского мира российскому влиянию – Кавказскую войну.

Переходность форм с постепенно укоренявшейся тенденцией включения Кавказа в систему российского имперского развития сохранялась в течение долгого времени. Перелом наступил только с окончанием активных военных действий в крае и последовавших в 60–80-е гг. XIX столетия реформ, когда тенденция обновленчества приобрела устойчивый характер.

В новых условиях традиция, под влиянием российских властей и лояльными к ним кавказскими элитами, стала постепенно наполняться новым содержанием, не слишком при этом меняя форму своего существования. Именно к этому стремился князь М. С. Воронцов. В этом случае новация не приобретала негативной окраски и не несла угрозу традиции, а традиционалистски настроенное население, в таком случае, способно было принять новацию, по крайней мере, перестать активно ей противодействовать. Отсюда пролегал прямой путь к согласию на мирное сосуществование.

В силу того обстоятельства, что термин «*Модернизация*» (modernization) в классической социологии осмысливался как процесс обновления общества, под которым понимается переход от традиционного общества к современному, от аграрного – к индустриальному обществу, автор воспользовался возможностью, чтобы приложить постулаты этой теории к миру Кавказа и попытаться описать закономерности и принципы трансформации кавказских реалий 40–50-х гг. XIX в.

В то же время и в силу того, что термин «*Модернизация*» включает более широкий диапазон социальных процессов, чем индустриализация, в данном исследовании делалась ставка на специфичность модели общественного развития, которую предложили американские функционалистские социологи 50–60-х гг. XX века. С их точки зрения, решающим фактором модернизации является преодоление, а также замена традиционных ценностей, враждебных к социально-культурному изменению и экономическому росту¹¹.

Использующийся в данной книге термин «*Модернизация*» следует понимать как процесс обновления кавказского мира, связанный с переходом на русско-европейские стандарты жизнедеятельности или приближения к ним.

Большим напряжением материальных и человеческих ресурсов князю М. С. Воронцову в Кавказском крае удалось подготовить условия, с помощью которых были достигнуты значительные успехи в материальном переустройстве колонизируемых территорий. Главным стимулом к согласию и примирению с русскими было новое качество обстоятельств жизни, сопряженное с расширением сферы безопасности. Удалось также добиться относительного повышения жизненного уровня для разных групп пришлого и местного населения, чтобы перейти к формированию важнейших структурных элементов имперского общества.

В связи с этим термин «*Модернизация*» в настоящей работе имеет классический смысл, подразумевающий обновление, изменение чего-либо применительно к новым требованиям. Автор исходит из того, что модернизировать – означает делать современным (актуальным историческому моменту), изменять социум соответственно потребностям и вкусам исторической современности. И хотя ареал модерна нигде на Кавказе не был доминирующим ни в социально-культурном, ни в экономическом, ни в техническом аспектах, дух новизны, хозяйствен-

¹¹ Большой толковый социологический словарь (Collins): в 2 т. / сост. Д. Джерри и Дж. Джерри; пер. с англ. М.: Вече; АСТ, 2001. Т. 1 (А–О). С. 434.

ная и социально-культурная практика, особенно в элитных слоях кавказских обществ, претерпевала заметные перемены и все более приобретала русско-европейские оттенки, если вести речь о периоде времени, которому посвящено данное исследование.

Само только, например, присутствие больших контингентов Русской армии, имевших на территории Кавказского края долговременные места пребывания – штаб-квартиры, само только присутствие русских, их быт становились стимулом к преобразовательной деятельности, и вызывалась потребность в адаптации к переменам.

Помимо прямого воздействия преобразовательных усилий российской стороны надо не забывать и о косвенном, опосредованном влиянии инноваций на те группы людей и те территории, которые оказывались наиболее непримиримыми противниками российского модерна. Как только сопредельные с ними территории и соседствующие общества получали хоть сколько-нибудь заметное преимущество в рамках внедрявшихся в их социально-культурное и экономическое пространство имперских стимулов, все иные и прежние механизмы существования начинали импортировать если не все, то отдельные элементы выявленного превосходства.

И только те, кто категорически и императивно не признавал российского модерна, постепенно вытеснялись на историческую обочину, либо вынуждены были прибегнуть к эмиграции (это случилось уже после М. С. Воронцова), не находя условий для сохранения традиции в бесповоротно изменявшемся привычном мире. Барьеры традиции оказались для этой части населения кавказских обществ непреодолимы. Время и обстоятельства, их ментальная ориентированность закрыли для них путь в модерн. Социопсихологические стереотипы, отсутствие достаточного времени, чрезвычайность обстоятельств войны или сложившийся исторически тип военного существования не оставляли им иного выбора. Данному обстоятельству много содействовало отсутствие во многих кавказских социумах достаточных по численности элитных групп, способных и желавших жить в системе парадигмы модерна, без привязки к характеру и принадлежности сил модернизации.

В то же время не стоит преувеличивать силу обновленчества, реализовавшегося в Кавказском крае в параметрах понятия «*Модернизация*» в 40–50-е гг. XIX столетия. Прежняя традиционалистская структура, не упраздненная и не подавленная настолько, чтобы перестать оставаться жизнеспособным механизмом ни в одной части Кавказа, не позволяла обновленчеству долгое время доминировать, незначительно сократив потенциал и силу прежней потенции, время от времени проявляясь в различных формах радикализма.

Кроме того, следует помнить, что общества, сумевшие сохранить наиболее архаизированные структуры, почти не восприимчивы к обольщениям материальных благ, так как экономическая составляющая здесь по своей природе малоактуальна, а потому применявшаяся система пропаганды модерна не срабатывала и оставалась чужой для мира устойчивой архаики. Модернизационные усилия князя М. С. Воронцова принесли плоды только в зоне относительного мира, там, где население успело прочувствовать и воочию увидеть позитивные результаты обновленчества, успело прикоснуться добровольно или невольно к феноменам мира модерна.

В силу того, что важным инструментом исторической науки после прецедентов, предложенных исследовательскому сообществу школой Анналов, сделалась междисциплинарность, на почве изучения Кавказа как части восточного историко-культурного ареала возникают многообразные исследовательские стратегии, объединенные единой идеологией научного анализа, базирующейся на принципах межкультурных коммуникаций.

В силу этого получение нового знания приобрело сложный и многогранный характер и открыло новые возможности проникновения, в сущности, исследуемых объектов путем привлечения взаимодополняющих исследовательских подходов, заимствованных у других научных дисциплин. Комплексность проблематики исследования обуславливала необходимость междисциплинарности, поскольку это дало возможность расширить инструментарий познания изучаемого объекта исторической реальности.

Следует добавить, что комплексность использования исследовательских подходов в определении сущностных сторон познаваемого объекта диктовалась потребностью выявления фундамента, существующей культурной, социально-психологической и иной специфики, которая выделяет Кавказ как особый культурно-исторический ареал и часть многонационального и поликультурного российского государства. Такой фундаментальной универсалией выступает переходивший из древности в современность традиционализм.

Ведя речь о традиционализме, автор имеет в виду прежде всего иерархию ценностей, которые опираются на авторитет истории, когда давность и постоянство определяют важность и ценность смыслового содержания в повседневном существовании каждого данного из кавказских народов.

Хотелось бы подчеркнуть, что позитивистские установки при взгляде на изучаемый объект и предмет исследований в большой степени позволили избежать политической и социальной ангажированности при получении результатов, в особенности тогда, когда всестороннему анализу были подвергнуты основные элементы системы Кавказского наместничества, воссозданного императором Николаем I в 1844 году.

Тщательному анализу подверглась деятельность наместнической администрации, формирование и принципы функционирования канцелярии наместника, ставшей штабом, генерировавшим и осуществлявшим всю номенклатуру идей и подходов по всему спектру социально-политической, экономической и культурной работы по преобразованию и модернизации Кавказского края, а также по вовлечению кавказского мира в систему ценностей и новых культурных смыслов имперского существования в Кавказском крае.

Сложность и многоаспектность содержания и характера управленческой деятельности князя Михаила Семеновича Воронцова в Кавказском крае, осуществлявшаяся с марта 1845 г. по октябрь 1854 г., а также сопровождавшие ее преобразования требуют привлечения самых разнородных по направленности и информативной насыщенности историографических источников.

Особую группу составили вопросы общетеоретического плана, позволяющие осмыслить и интерпретировать важные для данного исследования понятия и исторические факты, в том числе, например, понятия «*Фронтир*» и «*Модернизация*».

Немалый интерес представляют как отдельные работы¹², так и отдельные разделы указанных работ, которые используются автором для создания своих конструктов кавказской истории с точки зрения указанной проблематики. Прежде всего, речь идет о том, что состояние социального пространства Кавказского края под воздействием внутренних и внешних сил трансформировалось, охватывая почти все сферы социального бытия, реализуясь в форме столкновения традиции и инновации.

Ф. Тернер первым из исследователей отметил существование феномена фронта, как пограничной территории, для которой характерно состояние неопределенности, возникающее при соприкосновении разных по своему социально-культурному и социально-историческому содержанию. Фронт, с точки зрения Ф. Тернера, – это «территория, социальные и экономические условия которой определяются идущим на ней процессом освоения» <...> «точкой встречи дикости и цивилизации»¹³.

¹² Тернер Фредерик Дж. Фронт в американской истории. М.: Весь Мир, 2009. 304 с.; Замятина Н. Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // *Общественные науки и современность*. 1998. № 5. С. 75–89; White R., Limerick P. N. *The Frontier in American Culture*. Chicago, Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1994; Басалаева И. П. Критерии фронта: к постановке проблемы // URL: <http://www.teoria-practica.ru/2-2012/philosophy/basalaeva> (дата обращения: 12.08.2014).

¹³ Тернер Фредерик Дж. Указ. соч. С. 14.

Эту идею подхватили и продолжили осмысливать ряд других ученых, которые адаптировали ее к собственным научным конструктам¹⁴. Применительно к региону Северного Кавказа идею фронта реализовывал американский исследователь Т. М. Барретт¹⁵.

Анализ работ авторов досоветского, советского и постсоветского периодов российской историографии, а также иностранных наблюдателей, большей частью англичан (хотя не только их), освещавших многие стороны военно-политической ситуации в обозначенный период, дает возможность с разной степенью детализации рассмотреть существо исследуемых вопросов. Оставаясь на враждебных позициях в отношении России по кавказскому вопросу, иностранные авторы тем не менее позволили оценить исследуемую историческую ситуацию более объективно и сдержанно. Отталкиваясь от их полемического задора, мы можем получить представления о действиях наместника, какими они виделись третьей стороне.

Специфика военно-политических процессов, разворачивавшихся в Кавказском крае в 30–50-е гг. XIX в., их направленность, драматизм и результативность освещена в работах З. Д. Авалова¹⁶, сборнике, составленном А. А. Каспари¹⁷, Д. И. Романовского¹⁸, Р. А. Фадеева¹⁹, Н. А. Смирнова²⁰, А. В. Фадеева²¹, в совместной работе М. М. Блиева, В. В. Дегоева²², а также в монографиях каждого из них в отдельности²³, Л. В. Выскочкова²⁴, Я. А. Гордина²⁵, А. А. Епифанцева²⁶, Д. Баддели²⁷, Э. Осли²⁸.

В то же время все работы перечисленных авторов не замыкаются на обозначенных аспектах и временных рамках, их содержательная составляющая гораздо шире указанных аспектов, потому автор использовал в данном случае только ту их часть, которая помогла ему исследовать военно-политическую ситуацию конца 30-х – середины 50-х гг. XIX века.

Содержательные моменты, связанные с пониманием роли и значения Даргинской экспедиции в горы тогда еще графа М. С. Воронцова летом 1845 г., освещены в работах целой группы авторов, отметивших важные черты исследуемого вопроса, подчеркивая неизбежность последовавших за ней перемен в общей стратегии покорения Кавказа²⁹.

¹⁴ *Соболева Т. Н., Бобров Д. С.* Современная российская историография концепции фронта // Известия Алтайского государственного университета. Раздел История. 2011. № 4-1 (72); *Агеев А. Д.* Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М.: Аспект-Пресс, 2005 и др.

¹⁵ *Барретт Т. М.* Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. М., 2000. С. 163–193.

¹⁶ *Авалов З. Д.* Присоединение Грузии к России. СПб.: ЗАО журнал «Звезда», 2009.

¹⁷ *Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа.* Издание А. А. Каспари. СПб., 1904. М.: Надыршин, 2010.

¹⁸ *Романовский И. Д.* Кавказ и Кавказская война. Публ. Лекции, прочит. В зале Пассажа в 1860 г. Ген. Штаба полковником Романовским. М.: Изд-во ГПИИВ, 2004.

¹⁹ *Фадеев Р. А.* Кавказская война. М.: Эксмо, 2003.

²⁰ *Смирнов Н. А.* Мюридизм на Кавказе. М., 1963.

²¹ *Фадеев А. В.* Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М.: Изд-во Академии СССР, 1956.

²² *Блиев М. М., Дегоев В. В.* Кавказская война. М.: Росет, 1994.

²³ *Блиев М. М.* Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004; *Дегоев В. В.* Кавказ и великие державы 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М.: Изд. дом «Рубежи XXI», 2009.

²⁴ *Выскочков Л. В.* Николай I. М.: Молодая гвардия, 2003.

²⁵ *Гордин Я. А.* Зачем России нужен был Кавказ? Иллюзии и реальность. СПб.: Журнал «Звезда», 2008.

²⁶ *Епифанцев А. А.* Будет ли новая русско-грузинская война? М.: Яуза, 2010.

²⁷ *Баддели Д.* Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860. М.: Центрполиграф, 2007.

²⁸ *Осли Э.* Покорение Кавказа: Геополитическая эпопея и войны за влияние. М.: Плюс-Минус, 2008.

²⁹ *А.-Д. Г.* Поход 1845 года в Дарго // Военный сборник. Тифлис, 1859. № 5; *Огарков В. В.* Воронцовы. Их жизнь и общественная деятельность. СПб., 1892; *Гордин Я. А.* Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000; *Удовик В. А., Кацки В. О.* Светлейший князь Воронцов. Человек. Полководец. Государственный деятель. СПб., 2000; *Лисицина Г. Г.* Даргинская экспедиция 1845 года в мемуарах современников // «Даргинская трагедия. 1845 год». СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001; *Кльчишков Ю. Ю.* Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002.

Роль Кавказского наместника как главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом и организатора военно-политической стратегии нового образца, реализовывавшуюся после похода в Дарго, многочисленные перипетии военного быта и военных действий по всей протяженности всех кордонных линий были выявлены после изучения работ авторов досоветского периода, часто непосредственных свидетелей и участников описываемых событий³⁰.

Весьма ценными являются работы XIX в., освещающие ход событий Кавказской войны и быт горских обществ с противоположной стороны³¹, которые дополняются сведениями и интерпретацией происходившего в Кавказском крае в работах российских и зарубежных ученых более позднего времени³².

Профессиональный взгляд на развитие военной стороны дела содержится в исследованиях военных историков второй половины XIX века Н. Ф. Дубровина и Д. И. Романовского, перу которых принадлежат обобщающие труды, посвященные истории присоединения Кавказа к России. Авторы рефлексии данное событие с имперских позиций³³.

Что касается освещения проблематики Восточной войны вообще и ее кавказского участка в частности, то существенную помощь в разработке данного аспекта оказали работы военных историков М. И. Богдановича³⁴, А. М. Зайончковского³⁵, а также работы группы историков, которые высветили данную проблематику, увязав ее с международными событиями исследуемого периода³⁶.

Дипломатия и разведка в руках М. С. Воронцова были весьма действенным средством борьбы за Кавказ. Приступая к освещению этой специфической стороны исследуемой проблемы, автор книги посчитал необходимым выявить сначала сущностную сторону дипломатии и разведки как специфического явления военно-политических действий, извлекая необходимый материал работ специалистов-дипломатов и разведчиков³⁷.

³⁰ *Щербинин М. П.* Биография генерал-фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова. СПб., 1858; *Горчаков Н.* Вторжение Шамиля в Кабарду в 1846 г. // Кавказский сборник. Тифлис, 1879. Т. IV; *Юров А.* 1843 год на Кавказе // Кавказский сборник. Тифлис, 1882. Т. VI. С. 49; *Он же.* 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // Кавказский сборник. Тифлис, 1886. Т. 10; *Волконский Н. А.* Трехлетие в Дагестане. 1847 г. // Кавказский сборник. Тифлис, 1882. Т. VI; *Ржевусский А.* 1845 год на Кавказе // Кавказский сборник. Тифлис, 1883. Т. VII; *К.* Обзор событий на Кавказе в 1846 году // Кавказский сборник. Тифлис, 1895. Т. XVI; *Бобровский П. О.* История 13-го Лейб-Гвардии Эриванского Его Величества полка за 250 лет. 1642–1892 гг. СПб., 1904; *Немирович-Данченко В. И.* Горе забытой крепости. Нальчик: Эль-Фа, 1998.

³¹ *Казамбек М. А.* О значении имама, его власть и достоинство // Русское слово. 1859. Кн. 3; *Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1873. Вып. 7; Хроника Мухаммед-Тахира Ал-Карахи. О дагестанских войнах в период Шамиля. М.: Изд-во АН СССР, 1941; *Хавжого Шаукат Муфти.* Герои и императоры в черкесской истории. Нальчик: Эль-Фа, 1994.

³² *Дегоев В. В.* Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: Русская панорама, 2001; *его же.* Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М.: Русская панорама, 2001; Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: в 2 т. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 2; *Удовик В. А.* Воронцов. М.: Молодая гвардия, 2004; *Шишов В. А.* Схватка за Кавказ. XVI–XX вв. М.: вече, 2005; *Латин В. В.* Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008; *Покровский Н. И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: РОСПЭН, 2009; *Гаммер М.* Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М.: Крон-Пресс, 1998.

³³ *Дубровин Н. Ф.* Кавказская война в царствование императоров Николая I и Александра II (1825–1864 гг.). СПб., 1896; *Он же.* История войны и владычества русских на Кавказе: в 6 т. СПб., 1888. Т. 6; *Романовский Д. И.* Генерал-фельдмаршал князь А. И. Барятинский и Кавказская война // Русская старина. 1881. № 2.

³⁴ *Богданович М. И.* Восточная война 1853–1856 годов: в 4 т. СПб., 1876. Т. 1.

³⁵ *Зайончковский А. М.* Восточная война. 1853–1856. В 2 т. Т. 2. Ч. 1. СПб.: Полигон, 2002.

³⁶ *Шеремет В. И.* Османская империя и Западная Европа. Вторая треть XIX в. М., 1986; *Тарле Е. В.* Крымская война: в 2 т. М.: Изографус, Эксмо, 2003. Т. 1; *Скрицкий Н. В.* Крымская война. 1853–1856 годы. М.: Вече, 2006; *Медяков А. С.* История международных отношений в Новое время. М.: Просвещение, 2007; *Дегоев В. В.* Кавказ и происхождение Крымской войны 1853–1856 гг. // Кавказский сборник. М.: Русская панорама, 2008. Т. 5 (37); *Он же.* Кавказ и великие державы 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М.: Рубежи XXI, 2009.

³⁷ *Камбон Ж.* Дипломат. М., 1945; Военная разведка в России до 1917 г. // URL: http://www.Agentura.ru/dossier/Russia/gru/imperia/do_1917 (дата обращения: 17.05.2014); *Клаузевиц К.* О войне. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003; Политическая разведка // URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 17.05.2014); *Коллакиди А., Север А.* Спецслужбы Российской империи. Уникальная энциклопедия. М.: Яуза; Эксмо, 2010; *Попов В. И.* Современная дипломатия: теория и практика. Дипломатия – наука и искусство: курс лекций. М.: Международные отношения, 2010; *Рыбаков Ю. М.* Дипломатия. М.: Восток-Запад, 2010;

Особенности организации дипломатической службы и разведывательной деятельности, их проявления в условиях столкновения архаических обществ Кавказа, находившихся в культурном ареале восточной парадигмы, с имперским российским обществом, были выявлены, основываясь на работах Ф. А. Щербины³⁸, Н. А. Халфина и Е. Ф. Рассединой³⁹, В. М. Муханова⁴⁰, Е. П. Кудрявцевой⁴¹, А. А. Евдокимовой⁴², фундаментальном труде коллектива историков РАН⁴³.

В этой связи также интересен был опыт англичан. Типическим образчиком, рисовавшим британский имперский подход в контактах с восточным миром, продемонстрировал У. С. Черчилль⁴⁴. Этот подход в адаптированном к кавказским условиям виде трансформировался в деятельности князя М. С. Воронцова, который до конца жизни оставался англоманом и извлекал уроки из британского опыта в пользу России.

Все перечисленные историографические источники, несмотря на их разноликость, представляют для данной работы несомненную ценность, так как содержат обширный фактологический материал, предоставивший автору возможность реализовать интерпретацию, соответствующую его цели.

Вторую проблемную группу составили вопросы, связанные с административно-территориальными и правовыми преобразованиями, произошедшими в Кавказском крае за годы наместничества М. С. Воронцова. Вектор и этапы развития российской административно-правовой системы в условиях кавказских реалий первой половины XIX века освещены в работах целого ряда исследователей, которые выделяли не только сами усилия российской административной машины по переформатированию кавказского социально-политического пространства на имперский лад, но отмечали успехи и неудачи, возникавшие на этом пути, противоречия, выявившиеся в ходе реализации поставленных задач, между военным и гражданским ведомствами⁴⁵.

Издержки и неудачи в становлении и функционировании имперского административно-правового механизма в Кавказском крае долгое время возникали из-за неоднозначности подходов, существовавших в правительственных кругах в отношении статуса Кавказа. Существование этих подходов и борьба идей и мнений вокруг них отражены в работах А. М. Зулькарне-

Военная разведка // URL: <http://ctacya.ru/wp-content/uploads/2012/12/Voennaya.razvedka/pdf> (дата обращения: 17.05.2014); Черчилль У. С. Индия, Судан, Южная Африка. Походы Британской армии 1897–1900. М.: Эксмо, 2004.

³⁸ Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Т. II: История войны казаков с закубанскими горами. Екатеринбург, 1913.

³⁹ Халфин Н. А., Расседина Е. Ф. Н. В. Ханьков – востоковед и дипломат. М.: Наука, 1977.

⁴⁰ Муханов В. М. Покоритель Кавказа князь А. И. Барятинский. М.: Центрполиграф, 2007.

⁴¹ Кудрявцева Е. П. Русские на Босфоре: российское посольство в Константинополе в первой половине XIX века. М.: Наука, 2010.

⁴² Евдокимова А. А. История стран Востока в Новое время. Ростов н/Д: Феникс, 2011.

⁴³ Колониальная система в XIX – начале XX в. // История Востока: в 6 т. М.: Восточная литература, 2004. Т. 4. Кн. 1.

⁴⁴ Черчилль У. С. Индия, Судан, Южная Африка. Походы Британской армии 1897–1900. М.: Эксмо, 2004.

⁴⁵ Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. СПб., 1829; Градовский А. Д. Собрание сочинений. СПб., 1899. Т. 1; Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. 2; Эсадзе С. С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. 1; Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1983; Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 5; Карамзин Н. М. Записка о Древней и Новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991; Клычков Ю. Ю. Деятельность А. П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827). Ессентуки, 1999; Захарова О. Ю. Генерал фельдмаршал светлейший князь М. С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. М., 2001; Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: в 2 т. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. Т. 1; Блешева З. М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века: дис. ... д-ра. ист. наук. Владикавказ, 2004; Лисицына Г. Г. «Гражданское управление краем, самое трудное...» // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005; Маремкулов А. Н. Юридические формы политики Российской империи на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв.: историко-правовой аспект. Ростов н/Д, 2005; Тарасов Б. Н. Черты правления Николая I // Николай Первый. Рыцарь самодержавия. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007; Омельченко Н. А. История государственного управления в России. М.: Проспект, 2008.

ева⁴⁶, Л. С. Гагаевой и Д. И. Исмаил-Заде⁴⁷, И. И. Якубовой⁴⁸, А. Ш. Мильмана⁴⁹, в коллективных трудах обобщающего характера⁵⁰ и в антологии идей русских политических мыслителей⁵¹.

Особую группу составляют работы, посвященные перипетиям сосуществования имперского законодательства Нового времени с бытовавшими на Кавказе обычно-правовыми нормами адатов и шариата, а также стремление российской стороны ослабить позиции шариата, покровительствуя адатам⁵².

Наконец, не лишены интереса работы зарубежных авторов, представивших западный взгляд на российскую административную систему вообще, на деятельность М. С. Воронцова на Кавказе в частности, выделяя в том числе и административно-правовую сторону его реформаторских усилий. Оставаясь на позициях, близких русофобии, данные авторы в то же время в целом дают лестную оценку князю М. С. Воронцову⁵³.

Важную роль в преобразовательной деятельности князя М. С. Воронцова в Кавказском крае играла его команда, которую он сформировал из людей разного возраста, управленческого опыта, этнического происхождения, по большей части из людей военных, составивших канцелярию наместника. Именно эта организованная группа лиц, будучи главным штабом, который разрабатывал меры и способы воздействия на военно-политические, административно-правовые и социально-культурные процессы, пытаясь направлять их в русло имперского развития, была ответственна за все удачи и провалы эпохи воронцовского правления.

К числу работ, объектом внимания которых, в той или иной мере, были проблемы организации и функционирования управленческого аппарата наместнической администрации, следует отнести труды А. И. Левшина, М. Ф. Федорова, В. А. Матвеева, В. А. Удовика совместно с В. О. Кацником, Д. И. Олейникова, с. Н. Гаврова⁵⁴.

Аспектам борьбы со злоупотреблениями в кавказской администрации и разбойничеством всех оттенков посвящены работы А. А. Фелькнера, А. Л. Зиссермана⁵⁵. Кроме того,

⁴⁶ *Зулькарнеев А. М.* Закавказье для России: «колония» или губерния? Имперские проекты освоения региона 1820–30-х гг. // Уральское Востоковедение. 2008. № 3. С. 74–83.

⁴⁷ *Гагаева Л. С., Исмаил-Заде Д. И.* Россия и Кавказ // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М., 1998.

⁴⁸ *Якубова И. И.* Политика России на Северном Кавказе в системе международных отношений в XVIII – первой половине XIX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Нальчик, 2004.

⁴⁹ *Мильман А. Ш.* Политический строй Азербайджана в XIX – начале XX в. Баку, 1966.

⁵⁰ Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20–60-х гг. XIX в. М.; Л., 1936. Ч. 1; История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., 1999.

⁵¹ Просвещенный консерватизм: Российские мыслители о путях развития Российской цивилизации: Политическая антология. М.: Грифон, 2012.

⁵² *Ковалевский М. М.* Современный обычай и древний закон: Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М.: Тип. В. Гатцук, 1886. Т. 1–2; *Кондрашова А. С.* К проблеме отношения обычноправных норм и официального законодательства на примере правового развития Кавказа (вторая половина XIX) // Обычное право и правовой плюрализм. М., 1999; *Ковлер А. И.* Антропология права. М.: Норма, 2002; *Мисроков З. Х.* Адат и шариат в российской правовой системе: Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. М.: Изд-во МГУ, 2002; *Бочаров В. В., Рябишкин А. И.* Обычное право в российском политическом дискурсе в периоды реформирования отношений собственности на землю // Журнал социологии и социально антропологии. 2005. Т. VIII. № 1.

⁵³ *McKenzie, Walter Pintner.* Russian Economic Policy under Nicholas I. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1967; *Rhineland A. L. H.* Prince Michael Vorontsov. Viceroy to the Tsar. Montreal & Kingston: McGill-Queens University Press, 1990; *Уортман Р. С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. М.: ОГИ, 2004. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I.

⁵⁴ На память юбилея А. И. Левшина. СПб., 1868; *Федоров М. Ф.* Поездка князя М. С. Воронцова в Ставрополь 27 сентября 1845 г. Приложения к «Походным запискам» // Кавказский сборник. Тифлис, 1879. Т. 3; *Удовик В. А., Кацник В. О.* Светлейший князь Воронцов. Человек. Полководец. Государственный деятель. СПб., 2000; *Матвеев В. А.* Российский универсализм и этничность на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008; *Олейников Д. И.* Бенкендорф. М.: Молодая гвардия, 2009; *Гавров С. Н.* Модернизация во имя империи: Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М.: Едиториал УРСС, 2010.

⁵⁵ *Фелькнер А. А.* О деле флигель-адъютанта Копьева // Русская старина. 1873. Кн. 5; *Зиссерман А. Л.* По поводу кавказских воспоминаний М. И. Венюкова // Русский архив. 1884. Кн. 3; *Толстой В. С.* Характеристика русских генералов на Кавказе //

большой пласт социально-культурного и этнографического материала, проливающего свет на социокультурные основы жизненной стратегии и повседневных традиционных форм существования горских народов, содержится в целом ряде работ ученых-кавказоведов и выдающихся российских литераторов⁵⁶. В большинстве своем они содержат богатый фактический материал, а кроме того, там встречаются оригинальные наблюдения, интересные идеи, позволившие по-новому трактовать известные и устоявшиеся факты.

Особняком в этом ряду стоят многотомный труд известного военного историка В. А. Потто⁵⁷ и двухтомный сборник, составленный из трудов российских историков и этнографов XIX века, переизданный в городе Нальчике, в составе которого наиболее интересными, с точки зрения исследуемой проблематики, являются работы П. Зубова⁵⁸, П. П. Короленко⁵⁹, К. Ф. Сталья⁶⁰.

Надо отметить, что весь корпус перечисленных выше работ дал интересную и полезную информацию, позволившую избежать односторонности в суждениях и оценках, особенно о процессах, носивших этнографический оттенок.

Третья проблемная группа вопросов связана с различными сторонами экономического развития Кавказа в исследуемый период. Следует подчеркнуть, что экономическая тематика в истории Кавказа достаточно хорошо исследована учеными разных поколений, и к настоящему времени накоплен обширный фонд работ, содержащий самый разнообразный материал, в котором хозяйственная жизнь кавказских народов и колонистов представлена во всем разнообразии и многоцветии. Заслуживают внимания, прежде всего, базовые работы общетеоретического характера⁶¹. Отталкиваясь от содержащихся в них положений и идей, можно проследить как общие и универсальные процессы, которым подчиняется хозяйственная жизнь,

Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). М.: Студия «Тритэ», 1996. Вып. VII.

⁵⁶ *Петрушевский И. П.* Джаро-Белокавказские общества первой трети XIX столетия. Тифлис, 1934; *Пушкин А. С.* Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // Собр. соч. В 3 т. М.: Гослитиздат, 1962. Т. 3; *Толстой Л. Н.* Избранное. Л.: Лениздат, 1976; *Дзидзария Г. А.* Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. М., 1976; *Лермонтов М. Ю.* Измаил-Бей // Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1988. Т. 1; *Картов Ю. Ю.* Джигит и волк. СПб.: МАЭ РАН, 1996; *Марзей А. С.* Черкесское наездничество – «Зекуэ» (Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX века). Нальчик: Эль-Фа, 2000; *Барановский Д. С.* Причины разбоев, грабежей и других беспорядков в Закавказье и способы к их искоренению // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001; *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М., 2003; *Карлгоф Н. И.* О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик: Эль-Фа, 2004; *Дегоев В. В.* Кавказ в составе России: формирование имперской идентичности // Кавказский сборник. 2004. Т. 1 (33); *Клычкиков Ю. Ю.* «Хищничество» и «пленопродавство» на Северном Кавказе // История и культура народов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Пятигорск, 2005. Вып. 3; *Клычкиков Ю. Ю., Цыбульникова А. А.* «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки). Пятигорск-Армавир-Славянск-на-Кубани, 2011.

⁵⁷ *Потто В. А.* Кавказская война: в 5 т. М.: Центрполиграф, 2006. Т. 1.

⁵⁸ *Зубов П.* Подвиги русских воинов // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: в 2 т. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 2. С. 61–141.

⁵⁹ *Короленко П. П.* Записки о черкесах. Род черкесов, владетельных князей Гаджемуковых // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: в 2 т. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 1. С. 153–244.

⁶⁰ *Сталья К. Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: в 2 т. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 1. С. 185–278.

⁶¹ *Le Goff J.* Time, Work and Culture in the Middle Ages. Chicago, 1980; *Шрадер Х.* Экономическая антропология / пер. с англ. Е. А. Островской. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999; *Баррет Т. М.* Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: веги историографии последних лет. Императорский период. М., 2000; *Сопленков С. В.* Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке. М.: Восточная литература РАН, 2000; *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, V–XVIII вв. 2-е изд.; пер. с фр. Л. Е. Куббеля. М.: весь мир, 2006. Т. 1; *Он же.* Материальная цивилизация и капитализм / пер. с фр. Л. Е. Куббеля. М.: Весь Мир, 2006. Т. 2; *Мэхэн А. Т.* Роль морских сил в мировой истории. М., 2008; *Гордиш Я. А.* Зачем России нужен был Кавказ. Иллюзии и реальность. СПб., 2008; *Дзживилегов А. К.* История торговли (до XIX в.) // URL: http://az.lib.ru/d/dzhiwelegow_a_k/text_esbe_15_torgovlya.html (дата обращения: 17.05.2014); *Мак-Нил У.* Восхождение Запада. История человеческого сообщества / пер. с англ. 2-е изд. Киев: Ника-Центр, 2013.

так и те частные проявления, которые касались экономического развития Кавказа в целом и в отдельных его регионах.

Среди работ, освещающих экономическую тематику, следует также выделить те, в которых сделана попытка комплексного подхода в изучении как общей политики России в Кавказском крае, направленной на хозяйственное развитие края, так и все сопутствовавшие тому социальные, культурные и иные факторы и обстоятельства⁶².

Исследуя вклад князя М. С. Воронцова в развитие различных сфер экономики Кавказского края, а также сопутствующей инфраструктуры, хотелось бы отметить литературу соответствующего профиля, характеризующую социально-экономическую жизнь в разных частях Южного и Северного Кавказа⁶³.

Значительный интерес представляют работы, анализирующие хозяйственное развитие сельского хозяйства, промышленности и торговли Грузии в течение первой половины XIX века⁶⁴, авторы которых подробно останавливаются на причинно-следственных связях активного экономического развития страны по мере утверждения там российских имперских порядков.

Социально-экономические преобразования в Восточной Армении представлены в работах М. А. Адонца, А. Белого (Бугаева), А. С. Симонян⁶⁵. Азербайджан отдельно не выделялся из Прикаспийского края, поскольку в первой половине XIX века как отдельный административный субъект не существовал.

Хозяйственное развитие Дагестана и Прикаспийского региона рассматривается в совокупности со становлением и развитием каспийского пароходства и портовой инфраструктуры, влиянием на них торговли, которая сделалась мощной стимулирующей силой для всего хозяйственного комплекса данной части Кавказа, что нашло отражение в работах И. В. Ровинского, Н. П. Гриценко, Е. Козубского, В. Г. Гаджиева⁶⁶.

⁶² История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / отв. ред. акад. А. Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1988; История предпринимательства в России. М.: РОССПЭН, 2000. Кн. 1; История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России / Институт истории, археологии и этнографии. Махачкала, 2009; *Пылков О. С.* Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX вв.). Армавир: И. П. Шурыгин, 2011; *Муцаев В. С.* Северный Кавказа и Закавказье во время управления князя Михаила Семеновича Воронцова 1844–1854 гг. Ставрополь: Ставропольбланкиздат, 2012.

⁶³ *Гранкин Ю. Ю.* Наместничество и реализация стратегии экономического развития Северного Кавказа в 1844–1881 гг. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2011; *Триус Л. И., Зюзин В. В.* Исторический опыт развития связей в сфере экономики, культуры и быта между горцами Северного Кавказа, казаками и российскими переселенцами (конец XVIII–XIX вв.). Пятигорск: ПГЛУ, 2012.

⁶⁴ *Бакрадзе Г. К.* Возникновение и развитие капиталистической промышленности в Грузии XIX в. Тбилиси, 1958; *Гоголадзе Д. А.* Капиталистические предприятия в сельском хозяйстве и промышленности дореформенной Грузии (1830–1864 гг.). Тбилиси, 1959; *Бердзенишвили Н. А., Дондуа В. Д., Думбадзе М. К. и др.* История Грузии. С древнейших времен до 60-х годов XIX в. Тбилиси: Госиздат учебно-педагогической литературы, 1962. Т. I. Гл. II. Разложение феодально-крепостнической системы и развитие буржуазных отношений в 30–50-х гг. XIX в.; *Антелава И. Г., Орджоникидзе Э. Д., Хоитария Э. В.* К вопросу о генезисе и развитии капитализма в сельском хозяйстве и промышленности Грузии. Тбилиси, 1967; *Очерки истории Грузии / под ред. М. М. Гаприндашвили и О. К. Жордания.* Тбилиси: Мецниереба, 1989. Т. V. Гл. II: Разложение феодально-крепостнической системы в сельском хозяйстве; *Анчабадзе Ю. Д., Волкова Н. Г.* Старый Тбилиси. Город и горожане в XIX веке. М.: Наука, 1990.

⁶⁵ *Адонц М. А.* Экономическое развитие Восточной Армении в XIX в. Ереван: АН АрмССР, 1957; *Белый А.* Армения. Очерк, письма, воспоминания / сост. Н. Гончар. Ереван: Советакан грох, 1985; *Симонян А. С.* Интеграция Восточной Армении в Российскую империю в последней четверти XVIII – первой половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011; *Исмаилова А. М.* Промышленность Эриванской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // URL: http://www.online-science.ru/m/products/istori_sciencel/gid176/pd0/ (дата обращения: 17.05.2014).

⁶⁶ *Ровинский И. В.* Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губернии по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству, сочиненное по начертанию императорского Вольного общества. СПб.: Императорская типография, 1809; *Петриченко К.* Каспий, его промышленность и торговля // Морской сборник. СПб., 1862. № 8–9; *Козубский Е. И.* Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895; *Он же.* История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1905; *Хашиев Х.-М.* Занятия населения Дагестана в XIX веке. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1959; *Ахвердов А. И.* Описание Дагестана // История, география и этнография Дагестана. М., 1958; *Гаджиев В. Г.* Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965; *Гриценко Н. П.* Роль российского торгового флота и портов Каспия в

Исследование экономических процессов и тенденций, которые развивались на территориях степного Предкавказья и Ставрополья, особенности, связанные с переселенческими слоями населения, казаками и их взаимодействием с местными народами, представлены в работах целой плеяды ученых-кавказоведов и коллективных трудах⁶⁷.

Перечисленные авторы убедительно показали, что к середине XIX века земледелие стало основной хозяйственной специализацией казаков и крестьян-переселенцев, хотя и все другие виды сельскохозяйственного производства имели место и развивались параллельно с земледелием.

Развитию социально-экономических отношений в Кабарде, Осетии и Чечне в связи с колонизационными процессами уделено немало внимания в работах У. Лаудаева, А. П. Берже, И. Х. Тхамоковой, коллективных трудах чеченских и осетинских исследователей новейшего времени⁶⁸.

Экономическая жизнь восточного побережья Черного моря отражена в работах А. В. Верещагина, А. П. Шевырева⁶⁹.

Значительное количество исследований посвящено развитию путей сообщения в Кавказском крае, которые выделялись как важнейшие артерии, способствовавшие становлению не только собственно экономической жизни края, будучи не только фактором военно-стратегическим, но также условием продвижения российской имперской цивилизационной парадигмы⁷⁰.

Особо хотелось отметить литературу, посвященную исследованию собственно торговых отношений в Кавказском крае и связанного с ними целого набора факторов и последствий. Представленные авторы доказывают, что торговля в Кавказском крае для российского прави-

экономическом развитии Северо-Восточного Кавказа в первой половине XIX в. // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XIII – начало XX в.). Грозный, 1983.

⁶⁷ Ребров А. Ф. Зима 1844–1845 гг. на степях при-Кумских на Кавказе // Журнал сельского хозяйства и овцеводства. 1845. № 3; Верховец Я. Д. Садоводство и виноградарство в районе Кавказских минеральных вод 1825–1850 гг. Пятигорск, 1911; Фадеев А. В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М.: Изд-во АН СССР, 1957; Чекменев С. А. Социально-экономическое развитие Ставрополья и Кубани в конце XVIII – первой половине XIX в. Пятигорск, 1967; Чекменев С. А. Переселенцы. (Очерки заселения и освоения Предкавказья русским и украинским казачеством и крестьянством в конце XVIII – первой половине XIX в.). Пятигорск: Кинт, 1994; Дон и степное Предкавказье (XVIII – первая половина XIX века). Ростов н/Д: Ростовский Университет, 1977; Невская Т. А. Связи русского населения Ставрополья с ногайцами и другими кочевыми народами в XIX в. История горских и кочевых народов Северного Кавказа в XIX – начале XX в. Ставрополь, 1980; Куприянова Л. В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века. М.: Наука, 1981; Очерки истории Ставропольского края. Ставрополь: Книжное издательство, 1986. Т. 1; Невская Т. А., Чекменев С. А. Ставропольские крестьяне. Очерки хозяйства, культуры и быта. Минеральные Воды: Кавказская здравница, 1994; Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / под ред. В. Н. Ратушняка. Краснодар: Советская Кубань, 1996; Шеховцова Н. А. Развитие предпринимательства на Ставрополье и Кубани в XIX – начале XX века: автореф. канд. ист. наук. Ставрополь, 2002; Лазарян С. С. Становление предпринимательства в регионе КМВ. 1780–1917 гг. Пятигорск: Спецпечать, 2003; Дадашева И. А. Стратегия хозяйственно-экономического развития Северного Кавказа в период правления императора Николая I: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2006; Бабич И. Л. Экономическое развитие региона в XIX – начале XX в. // Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007; Емельянов О. Б. Земледелие в казачьих станицах Восточного Предкавказья в первой половине XIX века. Георгиевск – Новопавловск, 2007; Гангур Н. А. Материальная культура Кубанского казачества: в 2 т. Краснодар: Традиция, 2009. Т. 1; Клычкиков Ю. Ю. Алексей Федорович Ребров: страницы биографии. Пятигорск, 2011.

⁶⁸ Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1873. Вып. 4; Берже А. П. Чечня и чеченцы. Грозный: Книга, 1991; Тхамокова И. Х. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эль-Фа, 2000; История Чечни с древнейших времен до наших дней: в 2 т. / рук. изд. М. М. Ибрагимов. Грозный, 2008. Т. 1; История Осетии: в 2 т. Владикавказ: Издательско-полиграфический центр СОИГСИ, 2012. Т. 2.

⁶⁹ Верещагин А. В. Исторический обзор колонизации Черноморского побережья Кавказа и ее результат. СПб., 1885; Шевырев А. П. Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. М.: Изд-во Московского университета, 1990.

⁷⁰ Замечания М. П. Щербинина о деятельности князя М. С. Воронцова на Кавказе // Русский архив. 1872. № 3–4; Краткий исторический очерк развития и деятельности Ведомства путей сообщения за сто лет его существования (1798–1898 гг.). СПб., 1898; Герман Р. Э. Формирование дорожно-транспортной инфраструктуры на Кавказе и в Кавказской (Ставропольской) губернии в конце XVIII – начале 60-х гг. XIX в. // URL: <http://budetinteresno.info/kraeved/dorogikavkaz.htm> (дата обращения: 12.08.2014); Федосеева Л. Д. Развитие путей сообщения на Северном Кавказе в XIX – начале XX в. // URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-380952.html> (дата обращения: 12.08.2014).

тельства виделась важнейшим средством, прежде всего, политического влияния, когда экономическая сторона играла роль дополнительную, второстепенную⁷¹.

Четвертая проблемная группа вопросов связана и освещает многочисленные аспекты социокультурных преобразований, которые происходили в Кавказском крае, результативность, формы и способы взаимодействия мира России с миром Кавказа. Наконец, важной стороной исследуемой проблематики становится общая оценка усилий, предпринятых российской стороной на Кавказе (в том числе князем М. С. Воронцовым). Перечисленная проблемная группа вопросов исследовалась давно. При этом внимание исследователей было часто сосредоточено не на всей совокупности исторических коррелятов, но каждый из них рассматривался в отдельности.

Историография социокультурной проблематики представлена большим количеством работ, освещающих аспекты колонизации и переселения в качестве фундамента, на котором стали строиться новые коммуникационные связи в Кавказском крае, связи новых этносоциальных элементов с элементами автохтонными⁷².

Социокультурные связи предполагают также погруженность в конфессиональную среду, которая во многом предопределяет комплиментарность или антипатию между этническими сообществами. Эта сторона социально-культурных взаимодействий широко представлена в работах многих авторов⁷³. Достижения на этом направлении исследований значительны и несомненны, однако остаются аспекты, редко попадающие в поле зрения ученых, например, трудовая этика и предпринимательская деятельность старообрядцев (молокан и духоборов) Кавказа, хотя в целом проблематика старообрядчества и его роли в процессах колонизации Кавказа достаточно репрезентативна⁷⁴.

⁷¹ Семенов А. Изучение исторических сведений о Российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год. СПб.: Тип. И. И. Глазунова и К*, 1859. Т. 1–3. Ч. 1; Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002; Ктиторев С. Н. История Армавира (досоветский период: 1839–1918 гг.). Армавир, 2002; Шкунов В. Н. История внешней торговли Российской империи с государствами Востока в XVIII–XIX вв. в исследованиях и документах: в 5 т. Самара: Поволжский филиал ИРИ РАН, 2008. Т. 1.

⁷² Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа. СПб., 1869. Ч. 1; Берозов Б. П. Переселение осетин с гор на плоскость (XVIII–XX вв.). Орджоникидзе, 1980; Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX век) // Вопросы истории. 1995. № 9; Бурькина А. В. Заселение Северо-Восточного берега Черного моря в 30–40-е гг. XIX в. в проектах Н. Н. Раевского, А. И. Будберга, М. С. Воронцова // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру: Материалы докладов IV Международного конгресса (г. Пятигорск 21–24 сентября 2004 г.). Пятигорск, 2004; Кипкеева З. Б. Абазинцы Северного Кавказа: внутренние и внешние миграции в XVIII–XIX вв. Ставрополь, 2005; Чернова-Деке Т. Н. Немецкие поселения на периферии Российской империи. Кавказ: взгляд сквозь столетие (1818–1917 гг.). М.: МСНК, 2008; Клычников Ю. Ю., Лазарян С. С. Внутренние миграции на Северном Кавказе как продолжение переселенческой политики российских властей в первой половине XIX века // Проблемы российской и европейской истории и историографии: общественно-политический и социально-экономический аспекты. Ученые записки / под общ. ред. В. П. Ермакова. Пятигорск: ПГЛУ, 2009. Вып. 12; Гранкин Ю. Ю. Из истории колонизации Северо-Западного Кавказа в 40–50-е гг. XIX века // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа – III: Материалы региональной научно-практической конференции (г. Пятигорск 26–28 ноября 2010 г.). Пятигорск: ПГЛУ, 2011; Кауфман А. А. Переселение и колонизация. Государственная политика и крестьянское землевладение в пореформенной России. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

⁷³ Невзоров Н. Исторический очерк управления духовенством военного ведомства в России. СПб., 1875; Авксентьев А. В. Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь: Кн. изд-во, 1984; Знаменский П. В. История Русской Церкви. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1996; Церковь и армия // Журнал Московской Патриархии. 1999. № 8; Копарев Е. Военное духовенство на Кавказе // URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=47648> (дата обращения: 12.08.2014); Церковь и общество: 160 лет совместного служения на юге России. Ставрополь, 2004; Грузинский экзархат РПЦ // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. Т. XIII; Мельник В. Ставропольской духовной семинарии 160 лет // Православная Осетия. 2006. № 5 (61); Бабич И. Л., Бобровщиков В. О., Соловьева Л. Т. Ислам и православное миссионерство в эпоху реформ и контрреформ // Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007; Матвеев О. В. «С крестом в руках между рядами солдат...». Из истории духовной жизни в укреплениях Черноморской береговой линии (30–50-е годы XIX века) // Кавказский сборник. Т. 5 (37) / под ред. В. В. Дегоева. М.: НП ИД «Русская панорама», 2008; Кулиев Фарман Муруват оглы. Государственно-конфессиональные отношения на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XX в.: автореф дис. ... д-ра. ист. наук. Владикавказ, 2013.

⁷⁴ Н. Д. Прыгуны (Материалы к истории обрусения Закавказского края) // Отечественные записки. 1878. № 10–11; Пругавин А. С. Раскол и сектантство в русской народной жизни. М., 1905; Болч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения. М., 1959. Т. 1; Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России. М.: Наука, 1965; Он же. Религиозное сектантство в прошлом

Социальные связи, их структура, существовавшие внутренние механизмы социализации и социальной мобильности, основные ценности социумов, а также перемены, наступившие в социальной системе Кавказского края с проникновением туда смыслового содержания, принесенного Россией, рассмотрены и представлены в работах большого количества ученых-кавказоведов⁷⁵. В контексте социокультурных проблем следует выделить работы, освещающие процесс и особенности межкультурных коммуникаций, постепенно оформлявшихся в социальном пространстве Кавказского края⁷⁶.

Кроме того, социокультурные проблемы настолько обширны, многоплановы и динамичны, что ни одно направление исследований не способно их исчерпать. Потому, исследуя социальную сторону существования людей в ареале кавказского мироздания, никак нельзя уходить от инструментов (институтов), при помощи которых обеспечивается функционирование и сохранение самой оригинальной социальной структуры, ее традиционности, или прокладываются пути для ее кардинального перестроения.

Это направление исследований представлено работами, освещающими проблемы становления светской образовательной системы на Кавказе и всего комплекса культурно-просветительских учреждений⁷⁷, благотворительности⁷⁸, лечебной и рекреационной среды для военных

и настоящим. М.: Наука, 1973; *Великая Н. Н.* Взаимоотношения светских и духовных властей со старообрядцами терского левобережья в XVIII–XIX вв. // Вопросы северокавказской истории. Армавир, 2001. Вып. 6. Ч. 1; *Семенов И. Я.* История закавказских молокан и духоборов. Ереван: Авторское издание, 2001; *Самарина О. И.* Общины молокан на Кавказе: история, культура, быт, хозяйственная деятельность: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2004; *Кузмичев А., Керров В.* Старообрядчество – источник российского капитализма // Экономика и жизнь. 2008. № 52 (9266); *Он же.* Старообрядческие предприниматели // URL: <http://www.hist.msu.ru/labs/Ecohist/OB5/kerrov.htm> (дата обращения: 12.08.2014).

⁷⁵ *Джавахадзе И.* Политическое и социальное движение в Грузии в XIX в. СПб., 1906; *Хоретлев А. О.* Влияние России на просвещение в Адыгее. Майкоп, 1957; *Добролюбов Н. А.* Собр. соч. М.; Л., 1962. Т. 5; *Грибоедов А. С.* Сочинения в двух томах. М.: Правда, 1971. Т. 2; *Панарин С. А.* Позиционно-исторические предпосылки современной политической ситуации в Кавказо-Закавказском регионе // «Россия и Кавказ – сквозь два столетия». Исторические чтения. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001; *Августиневич Н.* По поводу статьи «О сближении русских с горцами на Кавказе» // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005; *Рясная Ю. О.* Политика России и представители северокавказской горской элиты на службе Российского государства в первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2010.

⁷⁶ *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе. СПб., 1879. Часть II: 1851–1856 гг.; *Короленко П. П.* Двухсотлетие Кубанского казачьего войска (1696–1896). Исторический очерк. Екатеринодар, 1896; *Потто В. А.* Два века терского казачества. Владикавказ, 1912. Т. 2; *Пушкин А. С.* Путешествие в Арзрум // Сочинения в 3 т. М.: Художественная литература, 1971. Т. 3; *Андроников И. Л.* Лермонтов. Исследования и находки. М.: Худ. лит.-ра, 1977; *Вилибахов В. Б.* Из истории русско-кабардинского боевого содружества. 2-е изд., доп. и испр. Нальчик: Эльбрус, 1982; *Лермонтов М. Ю.* Кавказец // Сочинения: в 2 т. / сост. и комм. И. И. Чистовой. М.: Правда, 1989. Т. 2; *Туманова О. С.* Межкультурные коммуникации // Культурология / под ред. проф. Г. В. Драча. М.: Альфа-М, 2003; *Клычкова М. В., Клычков Ю. Ю.* Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777–1864 гг.). Пятигорск: ИП Филиппов, 2006; *Волконский Н.* Семь лет в плену у горцев (1849–1856) // В плену у горцев. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2011. Вып. 4; *Остахов А. А.* Состояние военного искусства адыгов в XV–XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2011; *Штов Н.* История моей жизни. 1845 год // В плену у горцев. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2011. Вып. 5; *Бязырова В.* Кавказцы в аманатах. Сыны Кавказа в заложниках у российских захватчиков // URL: <http://iron-adnan.Livejournal.com/21920.html> (дата обращения: 12.08.2014); *Малахов И.* Аманат аманату – рознь // URL: <http://www.priazovka.ru/stranicy-istorii/4178-amanat-amanatu-rozn> (дата обращения: 12.08.2014); *Нефляшева Н.* Аманаты – политические заложники // URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/blogs/1927/posts/10334> (дата обращения: 12.08.2014).

⁷⁷ *Краснов М.* Просветители Кавказа. Ставрополь: Тип. Губернского правления, 1913; *Фарфоровский С.* Дагестанская мусульманская школа // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. № 11; *Кумьков Т. Х.* Жизнь и общественная деятельность Л. М. Кодзокова. Нальчик: Эльбрус, 1962; *Яковкина Е. И.* Замечательные люди на КМВ. Ставрополь: Книжное изд-во, 1962; *Неоумов С. И.* Лермонтовский Пятигорск. Ставрополь: Книжное изд-во, 1974; *Мурзухоева Э. Д.* Роль Ставропольской гимназии в развитии просвещения и общественной мысли Чечено-Ингушетии // Роль России в судьбах народов Чечено-Ингушетии (XIII – начало XX в.). Грозный, 1983; *Гатагова Л. С.* Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX веке. М.: Россия молодая, 1993; *Кумьков Т. Х.* Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX – начале XX века. Нальчик, 1996; *Стрелов В. И.* Генезис народного образования в Ставропольской губернии (конец XVIII в. – 1860 г.) // Вопросы северокавказской истории: сборник научных статей аспирантов и соискателей. Армавир, 1998. Вып. 3; *Бозиев Р. С. М. С. Воронцов и образование на Северном Кавказе (30–50-е гг. XIX в.)* // Педагогика. 2000. № 5; *Каймаразов Г. Ш.* Мусульманская система образования в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане. М.: Вост. лит. РАН, 2001; *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – сер. XIX в.). СПб., 2002; *Муртазалиев С. И., Рагимова П. Ф.* История конфессиональных систем образования Дагестана и общероссийские проблемы теологизации системы образования. Махачкала: РЦЭИ ДНЦ РАН, 2005; *Ибрагимова З. Х.* Чечен-

и гражданских структур⁷⁹, которые были впервые привнесены в мир Кавказа или вырваны из первобытного состояния и доведены до высокого уровня европейского общества Нового времени.

Пятую проблемную группу составили вопросы, в которых выявляется оценка деятельности князя М. С. Воронцова его современниками и потомками, а также представлены сюжеты того множества разноречий, которыми окружено его кавказское наследие. Так или иначе, данной тематики касались А. П. Берже⁸⁰, В. В. Дегоев⁸¹, А. Л. Зиссерман⁸², А. В. Тыркова-Вильямс⁸³, М. П. Щербинин⁸⁴, которые занимали разные позиции в развернувшейся полемике. Изучив их доводы, как и мнения многих других лиц, автор пришел к выводу, что любой видный общественный и государственный деятель имеет как своих приверженцев, так и хулителей. Чем значительнее фигура такого деятеля, чем значительнее результаты и последствия его трудов, тем более пристрастно они оцениваются современниками и в особенности потомками.

Что же касается личности князя М. С. Воронцова, то его вклад в обустройство Кавказского края бесспорен, как и бесспорна его работа по укреплению основ Российской империи, что, в первую очередь, было поставлено ему в вину теми, кто сомневался в праве имперских властей на преобразовательные усилия в Кавказском крае, или был изначально, по разным обстоятельствам, противником императорской России.

В силу того, что любая классификация условна, носит характер заданности, вытекающей из исследуемой проблематики, автор данной книги отдает себе отчет в том, что какие-то моменты могут быть недостаточно акцентированы, но им не ставилась задача создать полное и всестороннее описание параметров изученной литературы. В то же время предпринятый обзор способен показать широкую научно-исследовательскую основу, на базе которой была написана данная книга, а полученные выводы подтверждаются опытом многих поколений российских исследователей.

ский народ в Российской империи: адаптационный период. М.: Пробел-2000, 2006.

⁷⁸ *Бентковский И. В.* Обзорение 27-летней деятельности Ставропольского женского благотворительного общества по учебному заведению Св. Александры. Ставрополь, 1887; *Модзалевский Л. Н.* Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен: в 2 ч. СПб., 1899. Ч. 2.

⁷⁹ *Соколов М.* Роман Сергеевич Четыркин и его время // *Медицинский вестник.* 1865; Столетие Военного министерства. 1802–1902 гг. Очерк развития военно-медицинского ведомства / сост. Н. И. Кульвин. СПб., 1908. Т. VIII. Ч. II.

⁸⁰ *Берже А. П.* Любитель Кавказа и Закавказья // *Русская старина.* 1874. № 5.

⁸¹ *Дегоев В. В.* Три силуэта Кавказской войны // *Звезда.* 2000. № 9.

⁸² *Зиссерман А. Л.* Фельдмаршал, князь А. И. Барятинский // *Русский архив.* 1888. № 10; *Он же.* По поводу полемики о князе М. С. Воронцове и Н. Н. Муравьеве как наместниках Кавказских // *Русский вестник.* 1874. № 11.

⁸³ *Тыркова-Вильямс А. В.* Жизнь Пушкина: в 2 т. 6-е изд. М.: Молодая гвардия, 2007. Т. 1.

⁸⁴ *Щербинин М. П.* Замечания о деятельности князя М. С. Воронцова на Кавказе // *Русский архив.* 1872. № 3; *Он же.* Биография генерал-фельдмаршала князя М. С. Воронцова. СПб., 1858.

Глава 2

Военно-политическая ситуация

2.1. Кавказский край в 1840-х гг

К середине 40-х гг. XIX века в северной части Кавказа Россия вдруг утратила свое стратегическое преимущество, которого с большим напряжением сил удалось достичь за многие предшествующие годы. Влияние и авторитет имама Шамиля достигли в горах своего апогея не только на территориях непосредственно ему подчиненных, но и за их пределами⁸⁵. Сороковые годы даровали Шамилю крупные успехи, в результате которых он получил большое подкрепление и новые силы, объединив под своей властью вольные общества Дагестана и Чечни⁸⁶.

Полковник генерального штаба Д. И. Романовский, отмечая усиление солидарности среди горцев, в которой он видел одну из причин неудач российской стороны, писал, что «... опасность, грозившая независимости для всех обществ, сделалась очевидной, племенные раздоры должны были смолкнуть перед новым, общим чувством вражды к тем, кто покушался на вековую свободу кавказских племен. <...> А относительно к нам географическое положение кавказских горцев, которых в первое же время войны мы окружили со всех сторон, ускорило распространение между ними убеждения в необходимости соединиться для совокупного отпора»⁸⁷.

Отдавая дань справедливости, бывший до 1843 г. командующим Отдельного Кавказского корпуса генерал Е. В. Головин писал в Петербург: «Можно сказать утвердительно, что мы еще не имели на Кавказе врага лютейшего и опаснейшего, как Шамиль. Стечением обстоятельств власть его получила характер духовно-военной, той самой, которою в начале исламизма меч Мухаммеда поколебал три части вселенной»⁸⁸.

«Искрой, брошенной в порох»⁸⁹ сделалось учение мюридизма, которое, благодаря энергии и способностям людей, возглавлявших его, «в короткое время успело соединить разнородные кавказские племена в один народ»⁹⁰.

Верно оценив главные свойства горцев, «их врожденную страсть к войне и высокоразвитое в них чувство справедливости»⁹¹, Шамиль на этих принципах и свойствах основал и всю систему своего управления в горах.

К этому примешивается растущая популярность «горного льва», как верного и бескомпромиссного воина ислама, в соседнем с южными российскими пределами исламском мире.

Несмотря на большие и быстрые успехи Шамиля, со стороны главного тифлисского начальства не только «не было принято никаких энергических мер, а напротив, исходящие оттуда распоряжения были крайне нерешительны»⁹². Следствием стала необходимость бросить Аварию, а общая ситуация была такова, что «едва не потеряли всего Прикаспийского края»⁹³.

⁸⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6464. Л. 43 об.

⁸⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6514. Л. 48 об. Замечания об успехах мюридизма в Дагестане.

⁸⁷ Романовский Д. И. Кавказ и Кавказская война. Публ. лекции, прочит. в зале Пассажа в 1860 г. Ген. Штаба полковником Романовским. М.: Изд-во ГПИБ, 2004. С. 174.

⁸⁸ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Тифлис, 1884. Т. IX. С. 346; РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 719. Л. 2–6.

⁸⁹ Романовский Д. И. Указ. соч. С. 174.

⁹⁰ Там же. С. 180.

⁹¹ Там же. С. 191; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6514. Л. 48 об. Замечания об успехах мюридизма в Дагестане.

⁹² Ольшевский М. Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003. С. 35.

Представители российской военно-бюрократической элиты были обескуражены неожиданным поворотом событий и считали неудачи начала 40-х гг. XIX века на Северном Кавказе большей частью стечением неблагоприятных обстоятельств, чем просчетами или недосмотром со стороны российских властей. Как минимум уже 10 лет существовали одобренные высшими властями планы, разработанные в штабах А. П. Ермолова, И. Ф. Паскевича или барона Г. А. Розена, направленные на покорение горских обществ⁹⁴.

Многим чиновным людям виделась в упорстве горцев «глупость неразумных туземцев». В частности, военный министр А. И. Чернышев в докладе на имя императора в 1844 г. писал: «Не имея понятия ни о пространстве, ни о могуществе России, эти дикари полагают, что войсками Кавказского корпуса ограничиваются все военные способы наши. Ободряясь временными успехами, они охотно внимают некоторым властолюбцам, которые поощряют их к упорному сопротивлению уверением, что по недостатку средств мы вскоре откажемся от всяких притязаний на утверждение владычества нашего в горах»⁹⁵. Военный министр считал, что отрезвляющим фактором для жителей гор станет появление в Чечне и Дагестане новых контингентов российских войск. Это окажет «глубокое влияние на умы горцев, которые поймут невозможность противиться России»⁹⁶.

Император Николай Павлович стал проявлять нетерпение. Он не понимал и не принимал объяснений кавказских и петербургских начальствующих лиц, искавших оправданий неблагоприятного для русских поворота событий в кавказских делах.

Ко всему он опасался осложнений, связанных с происками англичан, которые после известных событий со шхуной «Виксен»⁹⁷ искали повода для вмешательства в кавказские дела, чтобы поквитаться с Россией, а заодно и турки могли бы посчитать сложившуюся ситуацию подходящей для открытия интервенции в пределы Кавказа.

К этой мысли его подталкивала русофобская истерия, которая сделалась повседневным явлением в британской прессе, британском парламенте и британском обществе. Николай I считал, что такая истерия «может быть прелюдией к более воинственным шагам»⁹⁸.

В Петербурге в продолжение нескольких лет, с конца 30-х гг. царило недоумение, постепенно перерастающее в негодование, сопровождаемое чехардой назначений и смещений главнoуправляющих Кавказским краем, которым, казалось, не видно будет конца.

Император Николай I лишился терпения настолько, что «двор пытается самостоятельно руководить военными операциями. Николай I по-прежнему уверен, что все дело в правильном применении сильной власти, и дает все новые неосуществимые поручения»⁹⁹.

По всему Кавказу, прежде всего в его северо-восточной части, стычки русских войск с горскими отрядами следуют одна за другой¹⁰⁰, и далеко не всегда российская сторона выходит из них победителем, во всяком случае, победы достаются более дорогой, чем прежде, ценой. Вся Чечня охвачена восстанием¹⁰¹.

⁹³ Там же.

⁹⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6334. Л. 82–82 об.; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6288. Л. 7–25.

⁹⁵ Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 189.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Дегоев В. В. Кавказ и великие державы 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М.: Рубежи XXI, 2009. С. 104–108; Белл Д. Дневник пребывания в Черкесии: в 2 т. / пер. с англ. К. А. Мальбахова. Нальчик: Эль-Фа, 2007. Т. 2. С. 193–213; АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 123. 1837 г. Л. 179.

⁹⁸ Осли Э. Покорение Кавказа: Геополитическая эпопея и войны за влияние. М.: Плюс-Минус, 2008. С. 76.

⁹⁹ Осли Э. Указ. соч. С. 180; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6482. Л. 6–8 об.

¹⁰⁰ ЦГА РСО-А. Ф. 290. Оп. 1. Д. 19. Л. 28–29; Тускаев. Дело 3 марта 1843 г. под гор. Моздоком // Терские ведомости. 1910. № 161. 28 июля. С. 2; Он же. Дело 3 марта 1843 г. под гор. Моздоком // Терские ведомости. 1910. № 162. 29 июля. С. 2.

¹⁰¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6478. Л. 73–93; ДГСВК. С. 412–423.

Людские потери приобрели чрезвычайный характер. Если в XVIII – начале XIX вв. ежегодные боевые потери регулярных частей и казаков исчислялись десятками, то в 1830–1840-е гг. счет пошел на сотни, а затем и на тысячи человек¹⁰².

Существовавшая тогда практика дробить силы на малые отряды при наличии «инициативного противника» в 1840-е гг. в Дагестане обернулась катастрофой. Отряды имама напали на российские гарнизоны, зажатые со всех сторон в крепостях и отрезанные от основных сил армии. Несмотря на героизм и отчаянное сопротивление, многие из них не выдержали многодневной блокады и штурмов и прекратили свое существование, потеряв всех своих защитников, павших в борьбе с горцами. Стратегическая инициатива перешла в руки Шамиля, который к концу 1843 г. фактически овладел всем Дагестаном.

Мюриды захватили большинство горных перевалов и проходов, связывавших между собой Дагестан и Чечню, что позволяло им оперативно реагировать на передвижение русских войск и эффективно противоборствовать в их попытках проводить наступательные операции в горах.

В конце июля 1842 г. потерпела неудачу экспедиция генерала П. Х. Граббе в Ичкерия¹⁰³. Это событие в ряду других неудач сильно обеспокоило Николая I, так как всякая неудача российской стороны увеличивала силы ее противников, придавала новой славы имаму, увеличивала его влияние среди единомышленников и отодвигала окончательную победу в область неопределенности.

Под сильным впечатлением от произошедших неудач император выказал военному министру свое неудовольствие. Военное министерство, в свою очередь, уведомило командование Отдельного Кавказского корпуса о том, что «Его Императорское Величество высочайше повелеть соизволил наистрожайше предписать всем частным начальникам на Кавказе, дабы они отнюдь не предпринимали никаких экспедиций или поисков для наказания горцев, но, оставаясь в полной готовности, отразить всякие их против нас враждебные покушения, усугубили свои старания ко внутреннему устройству покорившихся племен и к склонению прочих следовать их примеру»¹⁰⁴.

На восточном побережье Черного моря, в лесах, покрывающих горы, свою войну против Российской империи развернули многочисленные черкесские племена. До 1837 г., примерно, в горах Северо-Западного Кавказа проходили народные собрания, на которых черкесы пытались определиться с тем, как реагировать на приближение границ Российской империи к их племенным территориям. Турецкие и британские эмиссары уже давно их склоняли к разрыву отношений с Россией, но среди черкесов не было согласия. Многие с недоверием относились к турецким посулам, подозревая их в корыстном интересе, стремлении навязать им тяготы османского покровительства. Что касалось русских, то пока те оставались в открытом море, пытались ограничивать их контакты и торговлю с османской стороной или представителями других государств, недружественных России, то российские действия не казались черкесам угрожающими.

Все изменилось после того, как российская сторона начала строительство вдоль побережья крепостей Черноморской кордонной линии¹⁰⁵. К этому российскую сторону подтолкнули не только нужды внутреннего характера, вызывавшиеся ходом взаимодействия с горцами, но и нужды внешнеполитические. «В это время из-за махинаций печально известного Давида Урку-

¹⁰² Лазарян В. В. «Убедить непокорные племена в превосходстве нашего оружия...» Военные планы покорения Кавказа // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX в. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005. С. 9.

¹⁰³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6471. Л. 74–74 об.

¹⁰⁴ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX в. Сборник документов (ДГСВК). Махачкала, 1959. С. 360; ЦГА РСФСР-А. Ф. 290. Оп. 19. Д. 2. Л. 19–23.

¹⁰⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6380. Л. 32 об.

арта и его эмиссаров Белла и Лонгсуорта англичане стали раздражать русских, подстрекая <...> племена черноморского побережья. Они вселяли в них ложные надежды на британскую интервенцию и снабжали оружием и снаряжением»¹⁰⁶.

Необходимо было показать европейским державам и, прежде всего, Британской короне, не признававшей установлений России в Восточно-черноморском побережье, что Западный Кавказ есть часть Российской империи. Тем самым прекратить настойчивые спекуляции британцев поднимать вопрос о существовании некоей «Свободной Черкесии», которой необходима помощь цивилизованных стран, только и способных защитить ее от притязаний «русского тирана»¹⁰⁷.

Вожди основных черкесских племен приняли решение о мобилизации своих сил для повсеместного противодействия русским. С февраля 1840 г. черкесы начинают скоординированное наступление на крепости Черноморской береговой линии. В этих событиях с черкесской стороны проявляет себя своей дерзостью и непримиримостью Хаджи Берзек. «Его удаль равна только его жестокости: когда он, наконец, захватывает форт Лазаревский, он обезглавливает всех его защитников»¹⁰⁸.

По этому поводу был рапорт генерала Н. Н. Раевского к генерал-адъютанту П. Х. Граббе, в котором он сообщал, что в укреплении Лазаревском находилось всего 30 человек под ружьем. Контр-адмирал Л. М. Серебряков, узнав об этом, немедленно отправил «все, чем мог располагать, т. е. 30 человек из Геленджикского гарнизона. <...> Сие подразделение погибло с Тенгинской ротой, составлявшею гарнизон форта Лазарева»¹⁰⁹.

Вскорости были захвачены черкесами форты Головинский, Вельяминовский, Николаевский и покрывший себя героической славой рядового Архипа Осипова форт Михайловский¹¹⁰.

Несмотря на эти их успехи, черкесы действовали не так слаженно и единодушно, как чеченцы или дагестанцы, «потому что у них не было властителя, подобного Шамилю»¹¹¹. В то же время от них сильно доставалось казачьим поселениям, расположенным по Кубани. После неудачной экспедиции между Сочей и Адлером, которую произвела российская сторона и которая стоила ей больших напрасных потерь, закубанцы сделались «как будто еще предприимчивее»¹¹².

Перманентные волнения в кавказских горах кажутся Петербургу особенно опасными и необъяснимыми, «если учесть, что эта территория, как и вся восточная часть кавказского массива, уже прочно вошла в состав империи»¹¹³. Новые владения далеко простираются на юг, а горные области, занятые чеченцами, разнообразными народностями Дагестана, оказались далеко за спинами русской армии в виде неподконтрольных анклавов, угрожающих спокойствию и безопасности мирных обывателей, не позволяя имперским властям наладить правильное гражданское управление и развивать нормальную хозяйственную жизнь.

Все применявшиеся ранее средства приручения горцев и установления контроля над долинами и горными районами и, прежде всего, широко практикуемая покупка лояльности местной знати посредством титулов и пожизненной ренты или возведение в воинские чины

¹⁰⁶ Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860 / пер. с англ. Л. А. Калашниковой. М.: Центрполиграф, 2007. С. 252; РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 719. Л. 2–6.

¹⁰⁷ Дегов В. В. Кавказ и великие державы 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М.: Рубежи XXI, 2009. С. 109; РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 521. Л. 44.

¹⁰⁸ Осли Э. Указ. соч. С. 185.

¹⁰⁹ АКАК. Т. IX. С. 465.

¹¹⁰ Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа. Издание А. А. Каспари. СПб., 1904. М.: Надыршин, 2010. С. 390–393.

¹¹¹ Ольшевский М. Я. Указ. соч. С. 27.

¹¹² Там же. С. 30.

¹¹³ Осли Э. Указ. соч. С. 32.

русской армии с соответствующим денежным содержанием в обмен на согласие перейти в подданство русского царя¹¹⁴, девальвировались после укрепления в горах позиций мюридизма. Система покупки лояльности почти не работала среди так называемых «вольных обществ», поскольку там не было ни феодальных структур, ни знати. Эти общества жили в условиях родоплеменного эгалитаризма, в основании которого лежала система родовых кланов.

Сделалась малоэффективной из-за привыкания к ней со стороны горцев и система, которую неумолимо проводили сначала князь П. Д. Цицианов, а затем прославленный своей суровостью его последователь – генерал А. П. Ермолов. Они не искали союзников среди горцев, а только мерами жесткого принуждения требовали безусловного подданства российскому государю¹¹⁵.

Кроме того, сами карательные устрашительные акции, как отмечает современный исследователь В. В. Лапин, в большинстве случаев были безадресными, поскольку командование не имело средств для выявления действительных виновников нападений на русские крепости и селения, а потому «для острастки» разорялся подозрительный и часто действительно непричастный к делу аул¹¹⁶.

Найти лиц, причастных к разбоям в эгалитарных горских обществах, связанных круговой порукой, в реальности для российской стороны не представлялось возможным, поскольку никто никогда не выдавал свои соплеменников. Способ коллективной ответственности, который практиковали в качестве ответных мер, в большинстве случаев, если и приносил результаты, то временные, провоцируя новые эксцессы законами кровомщения, бытовавшими среди горцев¹¹⁷. По этой причине вопрос о действенности ответных экспедиций в горы в отместку набегов в русские пределы оставался незакрытой темой¹¹⁸.

В бытность свою командующим Кавказской линии генерал А. А. Вельяминов по этому поводу подчеркивал: «Опыт показывает, что чем более оказывается снисхождение, чем меньше видят они возмездия за свои грабежи, тем становятся предприимчивее. <...> Никогда снисходительность не почитают они следствием великодушия, но приписывают оную бессилию», а потому ответные экспедиции надо проводить быстро и в строжайшем секрете¹¹⁹. Кроме того, по мнению генерала, если лишить горцев возможности иметь множество лошадей, «если мы поставим их в такое положение, что с большим трудом будут они доставать лошадей, годных для хищнических своих предприятий, то отнимем у них одно из главнейших средств делать нападения с успехом»¹²⁰.

Малая эффективность карательных экспедиций в горы также обуславливалась тем, что «натуральное или полунатуральное хозяйство горцев, пастбищное скотоводство, земледелие с доминированием однолетних культур, отсутствие каких-либо капитальных сооружений (мельницы, ирригационной системы и т. п.) делали его малоуязвимым и способным к быстрой регенерации»¹²¹.

С другой стороны, карательные и превентивные экспедиции русских войск в горы были «неизбежным злом», поскольку являлись не только понятным языком для горцев, но и потому,

¹¹⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6334. Л. 82–82 об.

¹¹⁵ *Осли Э.* Указ. соч. С. 36; РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 12454. Л. 16 об.

¹¹⁶ *Лапин В. В.* Указ. соч. С. 13; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6305. Л. 7–8.

¹¹⁷ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 12454. Л. 16 об.

¹¹⁸ ЦГА РСО-А. Ф. 290. Оп. 19. Д. 2. Л. 19–23.

¹¹⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6266. Л. 6–7.

¹²⁰ Мемория генерал-лейтенанта А. А. Вельяминова. Способ ускорить покорение горцев, 1828 г. // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX в. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005. С. 41.

¹²¹ *Лапин В. В.* Указ. соч. С. 14.

что ни кордоны, ни массированные рейды, ни «генеральные сражения», ни сеть укреплений, формировавших «пространство войны», не приносили ожидаемых результатов¹²².

На кавказскую почву и в специфические условия Кавказа российскими военными был перенесен опыт многовекового противостояния со степными народами – кордонные линии с засеками и крепостями, которыми с незапамятных времен россияне оборонялись от набегов агрессивных кочевников. В кавказских условиях данная оборонительная система не смогла проявить своих лучших качеств в силу ряда причин: во-первых, здесь не было, как на обширных равнинах, большой нейтральной полосы, позволявшей вести разведку и иметь достаточно времени для обнаружения противника, подготовившегося к вторжению в русские пределы. С другой стороны, сам равнинный рельеф местности позволял преследовать обнаруженного противника; во-вторых, кочевники действовали большими конными группами, направление движения которых можно было заблаговременно предсказать, поскольку движение этих конных войск всегда соотнобразывались с конфигурацией речной системы в равнинном регионе. В связи с этим обороняющиеся устраивали ловушки, западни и засады на направлениях, по которым противник миновать не мог.

В кавказских условиях ничего подобного быть не могло. Из-за горнолесного ландшафта противник всегда появлялся внезапно, мог действовать одновременно несколькими малыми группами, а его преследование прекращалось, как только он бросался в воды Терека или Кубани. Совершенно нельзя было предугадать направление его движения, если только лазутчики не предупреждали об этом заранее, но уже отступление противника снова делало его маршрут непредсказуемым.

Неожиданностью для российской стороны стало и то обстоятельство, что сами крепости, которые возводились на стратегически важных направлениях и пунктах, вместо сдерживающего действия сделались сильнейшим раздражителем для горских племен, «источником военной добычи, местом приложения сил воинственной молодежи»¹²³.

Следует согласиться с мнением все того же В. В. Лапина, который отмечает по этому поводу следующее: «Карательные акции правительственных войск оказывали на горцев действие, подобное действию ветра на огонь»¹²⁴.

К этому присовокуплялось еще одно обстоятельство, которое военными не афишировалось – гарнизоны крепостей часто оказывались в фактическом заточении, поскольку в продолжение суток ожидали нападения со стороны горцев, а для доставки продовольственных припасов или пополнения приходилось проводить настоящие военные операции, что мало походило на контроль над занимаемой территорией.

Нельзя сказать, что военное командование не понимало пороки кордонной системы, но было вынуждено обстоятельствами идти по этому пути. Во-первых, потому что существующие кордоны в какой-то степени сковывали свободу действий отрядов горцев, пытавшихся проникать на территории, подконтрольные российским властям, или при возвращении их из набега; во-вторых, кордонная линия хоть как-то маркировала границу ответственности военных властей и определяла российские пределы; в-третьих, российское кавказское начальство могло отчитаться перед Петербургом и продемонстрировать свой контроль над определенной территорией, «показать, что русский флаг развевается еще в одном районе Кавказа»¹²⁵; в-четвертых, крепости позволяли военным наверняка знать места их будущего столкновения с горскими отрядами.

¹²² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6166. Ч. 1. Л. 182.

¹²³ Лапин В. В. Указ. соч. С. 10.

¹²⁴ Там же. С. 10.

¹²⁵ Там же. С. 11.

Основным же пороком кордонной системы в условиях горной войны была ее неподвижность. Проворным горским отрядам могли эффективно противодействовать только такие же подвижные подразделения. Горная война – это война маневренная, в которой всегда имели успех те, кто превосходил своего противника в проворстве и движении. Любая статичная система заведомо была обречена на проигрыш. Необыкновенная маневренность горских отрядов позволяла им небольшими по численности силами противостоять превосходящим числом, но малоподвижным российским регулярным войскам, державшимся за кордонную систему и оборонительную в целом тактику.

Сами горцы, за прошедшие годы противостояния российским войскам, многому научились, и, «осознав все преимущества регулярной пехоты в открытом бою, чеченцы и дагестанцы стали уклоняться от лобового столкновения с ней, предпочитая гораздо более эффективные партизанские действия»¹²⁶. Так же стали действовать и черкесы, которые быстро учились и усваивали уроки, которые им давали российские войска.

Чтобы каким-либо образом оправдаться перед Петербургом за не приносящие перелома экспедиции, кавказское военное командование настаивало на том, что походы в горы не являются единственно средством достижения победы, но, прежде всего, они суть средства «убеждения горцев в тщетности их надежд на неприступность гор»¹²⁷.

Сложилась ситуация, при которой трудно было понять, удавалось ли назначенным генералам и администраторам убедить Петербург в том, что укрепление позиций российского государства на Кавказе потребует разнородных способов реализации обозначенных им задач для различных по своей экзистенциональной сущности этнических и конфессиональных групп, населяющих Кавказский край¹²⁸. Не было ясно, насколько Петербург и российское общество были подготовлены к тому, что российские усилия могут столкнуться с самоотверженной непримиримостью враждебного России этнического и социального пространства.

Российским военным приходилось сражаться в таких условиях, которые определялись военной теорией как серьезное препятствие даже для простого передвижения войск. В то же время в самой российской политической элите, причастной к принятию решений по военно-стратегическим вопросам, не существовало цельности и единства воли в отношении к участию империи в «умиротворении» непокорных горцев.

Многие умы российского дворянского общества были очарованы образами Кавказа, который пришел в российскую действительность со страниц книг А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. А. Бестужева-Марлинского, В. И. Немировича-Данченко, Л. Н. Толстого. Им помогали волновать и смущать Россию неясными, но поэтическими картинами восточных сказок многие другие, менее известные писатели и мемуаристы, наполнявшие страницы российских журналов и светские салоны своими свидетельствами, поражающими публику романтикой и экзотическими персонажами далекой страны.

По свидетельству современников 40-х гг., «для офицеров гвардии и других молодых людей стало обычаем принимать участие в войне против кавказских народностей и добывать себе лавры, вплоть до Георгиевского креста. Все дамы <...> были от них в восторге и считали их героями»¹²⁹. Кавказ был в то время своеобразной Меккой (более виртуальной, чем реальной) для экзальтированных молодых людей из дворян, жаждавших бурных страстей, подвигов и необычайных переживаний и одобрявших начавшееся движение России на Восток. В то же время мало кто понимал или осознавал саму необходимость и всю ответственность и последствия этого шага.

¹²⁶ Лашин В. В. Указ. соч. С. 15.

¹²⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6363. Л. 24.

¹²⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6467. Л. 20.

¹²⁹ Цит. по: *Высочков Л. В.* Николай I. М., 2003. С. 309.

Лишь немногие из тех, кого не впечатляла романтика Востока, и кто подходил к делу прагматически, видя, в первую очередь, во всем политические и государственные выгоды и смыслы, были «люди двенадцатого года», среди которых первую скрипку играл П. И. Пестель. Принадлежа к кругам российской элиты, имевшей определенные виды на пути развития российского общества, и будучи офицером Российской армии, он не просто знал, но и высказывал общее для этих людей мнение по «кавказскому вопросу»¹³⁰.

Позиция П. И. Пестеля парадоксальным образом для политического оппозиционера совпадала с мнением императора в том, что горные районы Кавказа по стратегическим соображениям должны находиться в составе России. Народы, населяющие Кавказ, он подразделял на «мирные» и «буйные» племена, предлагая радикальное решение трудностей колонизации и умиротворения края. П. И. Пестель сетовал на то, что «все опыты, сделанные для превращения горских народов в мирные спокойные соседи, ясно и неоспоримо уже доказали невозможность достигнуть сию цель. Сии народы не пропускают малейшего случая для нанесения России всевозможного вреда, и одно только то средство для их усмирения, чтобы их покорить, покуда же не будет сие в полной мере исполнено, нельзя ожидать их тишины, ни безопасности»¹³¹. Потому лучшим выходом будет все «буйные» и несговорчивые племена «силою переселить внутрь России, разбив их малыми количествами по всем русским волостям»¹³².

Генералы Кавказ «завоевывали», «усмиряли» или «водворяли в состав империи». Из этого была ясна задача, но не было начертано плана, чертежа всех действий.

Сложившемуся положению вещей не способствовало и то обстоятельство, что в России присутствовала традиция публичной артикуляции монаршей воли, которая подавалась в виде высочайшего обязательства ежечасно действовать в «произведении всего, что только к пользе и благополучию всего отечества служить может»¹³³, как то было, например, у Елизаветы Петровны, или как то прозвучало в Манифесте императора Николая Павловича в день его коронации: «<...> Мы не имеем, не можем иметь других желаний, как видеть Отечество Наше на самой высшей степени счастья и славы, Провидением ему предопределенной»¹³⁴.

Такая обобщенно-обязательственная форма смысла монаршего правления и монарших целей мало, однако, могла прояснить конкретных путей их реализации в конкретных условиях Кавказского края. Потому в умах военных начальников поселялась неясность, усугублявшаяся разногласиями в определении целей в борьбе за Кавказ, доносившейся в разное время из Петербурга.

Так, М. Н. Катков говорил, что завоевание Кавказа «выпрямляет» историческую судьбу России, а не просто решает некие военно-стратегические и религиозные благотворительные задачи. Оно дает России вернуться к своим корням, восстановить органическое существование страны и народа, искаженное Петром I¹³⁵.

Известный военный деятель и непосредственный участник Кавказской войны Р. А. Фадеев считал, что «Кавказ, независимый от нас, создал бы для России нескончаемый ряд утрат и опасностей. Кавказская армия держит в своих руках ключ от Востока; это до того известно нашим недоброжелателям, что <...> нельзя было открыть английской брошюры, чтобы не найти в ней толков о средстве очистить Закавказье от русских. Но если отношения

¹³⁰ Цит. по: *Высочков Л. В. Николай I. М., 2003. С. 294.*

¹³¹ РГВИА. Ф. 846. Д. 18270. Л. 6; *Пестель П. И. Русская Правда, или Заповедная Государственная грамота Великого народа Российского // Восстание декабристов. М., 1957. Т. 7. С. 144.*

¹³² Там же. С. 144.

¹³³ ПСЗРИ – I. Т. 14. № 10346.

¹³⁴ ПСЗРИ – II. Т. 1. № 465.

¹³⁵ *Гордин Я. А. Зачем России нужен был Кавказ? Иллюзии и реальность. СПб.: ЗАО журнал «Звезда», 2008. С. 17.*

к востоку составляют вопрос первой важности для других, то для России они осуществляют историческую необходимость, уклониться от которой не в ее власти»¹³⁶.

Углубляя свою мысль и указывая на обширность и важность российского присутствия в Кавказском крае, Р. А. Фадеев подчеркивал: «Во всяком случае, Россия не может допустить, чтобы без ее участия устроилась судьба целой части света, с которой она слита почти нераздельно, с которой она живет, можно сказать, под одной кровлей. <...> Но действительная связь России с Азией, узел их – на Кавказе. <...> Для России кавказский перешеек вместе и мост, переброшенный с русского берега в сердце азиатского материка, и стена, которую заставлена средняя Азия от враждебного влияния, и передовое укрепление, защищающее оба моря: Черное и Каспийское. Занятие этого края было первою государственною необходимостью»¹³⁷.

О цели правящего императорского дома в кавказском вопросе можно было только предполагать, анализируя те задачи, которые императоры ставили перед главнокомандующими Отдельным Кавказским корпусом, хотя и это не всегда позволяло успевать за переменами монарших настроений.

Например, император Николай I в письме к И. Ф. Паскевичу, написанном вскоре после Адрианопольского мира, говорил: «Кончив, таким образом, одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнее, – усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных. Дело сие не требует немедленного приближения, но решительного и зрелого исполнения <...>»¹³⁸. Но уже вступавшему в 1842 г. в должность главнокомандующего на Кавказе генералу А. И. Нейдгардту император сообщал: «Не хочу никаких завоеваний, и мысль об оных считаю преступною. Хочу упрочения нашего владычества краем, где признаю его покуда крайне шатким и неверным»¹³⁹.

Вопрос оставался за малым – найти способ, как осуществить высказанное императором повеление. Над этим размышляли не только в Отдельном Кавказском корпусе, но и Военное министерство пересылало на Кавказ разнообразные планы, которые исходили от разных известных и знатных особ, близких императорскому двору.

Некоторые горячие головы предлагали рвать горы порохом, а против «хищников» растягивать проволочные сети по берегам Терека и Кубани.

Что касалось до мирных способов усмирения непокорных горцев, то предлагали усмирять их торговлею, «водворением между ними роскоши, пьянства – и, наконец, музыкой, посредством заведения у горцев музыкальных школ»¹⁴⁰.

Не оставался в стороне и сам император, которому кто-то подсказал меру, якобы обещающую принести много пользы. Предлагалось черкешенок, отбиваемых у турок российскими военными судами, «вместо обычного размена на русских пленных выдавать замуж за солдат, и этим путем породнить и сблизить черкесов с русскими. Мусульманский закон ведь строго запрещает проливать кровь родного человека: значит, кровопролитие прекратится, и черкесская вражда перейдет в родственное расположение к русскому человеку»¹⁴¹.

Кроме таких экстравагантностей выдвигались проекты, не лишённые реальной пользы. Так, генерал А. А. Вельяминов «склонялся к сбережению сил», предлагал продвигаться в горы медленно, от деревни к деревне. «Нужно убедиться в верности покоренных, прежде чем углубляться в неизвестность»¹⁴². Он полагал единственным средством «достигнуть прочного спо-

¹³⁶ Фадеев Р. А. Кавказская война. М.: Эксмо, 2003. С. 38.

¹³⁷ Там же. С. 40.

¹³⁸ ДГСВК. С. 58.

¹³⁹ ГАРФ, Ф. 672. Оп. 1. Д. 84. Л. 18–26; Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX–XX в. СПб., 2005. С. 380.

¹⁴⁰ Торнау Ф. Воспоминания кавказского офицера. М.: АИРО–XX, 2002. С. 191.

¹⁴¹ Там же. С. 310.

¹⁴² Осли Э. Указ. соч. С. 179.

койствия и совершенной безопасности покорить и обезоружить горцев. Постоянное занятие неприятельских земель укреплениями и казачьим населением будет мало-помалу утеснять горцев в средствах к набегам и со временем может довести до совершенного покорения сих народов. Но для достижения сей цели означенным способом потребно около 30-ти лет времени, даже при средствах значительных»¹⁴³.

О задачах покорения непосредственно восточного побережья Черного моря А. А. Вельяминов писал: «Опыт показал, что военные суда наши, крейсирующие около восточных берегов Черного моря, не могут с желаемым успехом ловить турецкие купеческие лодки, приходящие для торга с горцами, коим доставляют жизненные потребности и другого рода товары, а от них берут пленных, которых потом продают в разных местах Турецкой империи с большою выгодною»¹⁴⁴.

И далее продолжал: «Лодки сии ходят большей частью около берегов и имеют верное пристанище в устьях рек, впадающих в Черное море. Наши суда по величине не могут так близко держаться берега, а вход в устья рек совершенно для них невозможен. Единственное средство решительно возбранять доступ сим лодкам к черкесам состоит в том, чтобы построить укрепления при устьях рек, впадающих в Черное море, между Кубанью и Рионом»¹⁴⁵.

Князь Бекович-Черкасский, имевший этнические корни в адыгской среде, считал, что наилучшим выходом было бы только применение оружия, которое может заставить кавказские народы сдаться, в частности тех, кто живет за Кубанью и известны своей дерзостью и антипатией к России.

Однако одних «блистательных» побед будет недостаточно. Он призывал организовать для закубанцев жесткую экономическую блокаду, так как «занятие войсками всех тех пунктов, кои заключают в себе главные способы существования закубанских народов», подтолкнут последних к покорности¹⁴⁶.

Император склонился к последней рекомендации. Военный министр граф А. И. Чернышев, разъясняя тогдашнюю позицию императора, заявлял: «Предначертанный Г. И. план общего усмирения Кавказских племен, основанный на той главной мысли, что оно возможно только посредством постепенного овладения всеми, или большею частью способов, какие теперь имеют горцы к своему существованию, дабы, стеснить их чрез то в общественном и частном их быте до возможной степени, вынудить их к безусловной покорности воле правительства. Единственным средством к достижению этой двоякой цели признана, как то иначе и быть не могло, сила оружия»¹⁴⁷.

При этом подчеркивалось, что «всякая мысль об экспедициях и частных воинских поисках» неприемлемы, так как «опыты предшествовавших лет положительно доказали, что подобные действия, бесполезно раздражая горцев, не могут иметь ни малейшего влияния на их усмирение, по маловажности и ничтожности наносимого им вреда, который в полудиком состоянии горских племен слишком удобно и легко вознаграждается»¹⁴⁸.

Но уже в упомянутой записке генералу А. И. Нейдгарту император собственноручно писал, что необходимо покорение враждебного нам населения Кавказа, «но это покорение следует исполнить не одним оружием, напротив того, действовать осторожно, неторопливо и так, чтоб куда достигнем, оттоль не возвращаться, не став твердой ногой»¹⁴⁹.

¹⁴³ Короленко П. П. Закубанский край. Проекты и планы о покорении горцев на Западном Кавказе // Кавказ и Российская империя. С. 112.

¹⁴⁴ Там же. С. 113.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Цит. по: Блиев М. М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. С. 640.

¹⁴⁷ АКАК. Тифлис, 1884. Т. IX. С. 244.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 84. Л. 18–26; Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало

Прежние усилия и план страдали оперативной бесплодностью, проявлявшейся в том, что достигавшиеся ценой серьезных жертв и издержек тактические успехи «не приводили к коренным изменениям общей обстановки на театре войны, не обеспечивали стратегического выигрыша. Война, не знавшая крупных сражений и состоявшая из длинной серии расчлененных во времени и пространстве действий мелких подвижных отрядов <...> такая война не обещала скорой победы. Она принимала форму упорной и затяжной борьбы на истощение»¹⁵⁰.

Само наличие большого количества проектов и записок, наводнивших имперскую канцелярию и другие, причастные к кавказским делам государственные ведомства, было следствием отсутствия у властей ясной и выверенной программы действий, направленной на обеспечение желаемого результата. Правительство шло за событиями, а не направляло их. Решение той или иной задачи изменяло ситуацию и определяло поле деятельности, на котором часто прибегали к экспромту.

С другой стороны, нельзя было априори создать выверенный чертеж действий, поскольку все столкнулись с тем, чего никогда точно не знали – условиями и особенностями Кавказа. По этой причине Кавказ сделался для всех учителем. Он давал уроки тем, кто воевал, тем, кто управлял, тем, кто там поселялся и жил, а также и в том числе – императору. Углубление понимания и опыт в продолжение многих лет постепенно могли определить необходимые задачи и средства их решения, а вместе с ними и общие очертания целей.

После пережитых российской стороной цепи военных неудач 1842–1843 гг. все большее число, и в первую очередь военных начальников, стало участвовать в поисках более конструктивной политики на Кавказе.

К середине 40-х гг. XIX в. императору Николаю I стала очевидной правота барона Ф. Ф. Торнау, который еще в 1839 г. во время их встречи в Аничковом дворце, отвечая на его настоятельную просьбу оценить перспективы победного завершения кавказских дел для России, заметил, что ни «в три года, да и в тридцать лет с горами не совладают»¹⁵¹.

Несмотря на тогдашнее несогласие со своим офицером разведки, император уже через три года был вынужден признать, что в столкновении двух военных тактик, двух разных армий – российской, действующей по европейским военным правилам, и горской, непредсказуемой и ведущей партизанскую войну, Россия имела мало шансов на скорую военную победу и надо было изыскивать новые приемы военных действий¹⁵².

Император Николай постепенно стал осознавать особенный характер Кавказской войны, «то необыкновенное соединение всякого рода материальных и нравственных препятствий, о которое в продолжение полувека сокрушались усилия могущественной империи. Упорство сопротивления превзошло все ожидания»¹⁵³.

Кроме того, «русские встретили на Кавказе соединение всех препятствий в людях и в природе, какие только можно представить, точно Кавказ был нарочно устроен на северном рубеже Азии, чтобы навеки оградить эту часть света <...> Покорение кавказских гор, как восточных, так и западных, требовало великого таланта, необычайной энергии со стороны руководителей, и не только мужества и опытности, но еще безграничного самопожертвования со стороны войск»¹⁵⁴.

Николай I колебался. Он не желал отменять уже принятые к исполнению свои решения, что неминуемо отразилось бы как на авторитете его самого, так и вообще имперской власти

XIX–XX вв. СПб., 2005. С. 380.

¹⁵⁰ *Фадеев А. В.* Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М.: Изд-во Академии СССР, 1956. С. 348–349.

¹⁵¹ *Осли Э.* Указ. соч. С. 183.

¹⁵² *Чертуха В. Г.* Поиски равновесия // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX–XX вв. СПб., 2005. С. 237.

¹⁵³ *Фадеев Р. А.* Кавказская война. М.: Эксмо, 2003. С. 127.

¹⁵⁴ Там же. С. 129.

как таковой, чего допустить при здравом уме было немыслимо. В этой связи император считал, что «необходимы только постоянство и твердая решимость в их исполнении, и тогда почти безошибочно можно определить годами время, когда Черкесия будет покорена»¹⁵⁵.

Но поиск велся, как и прежде, в сфере организации управления войсками и территорией, а также в сфере кадровой политики. Надо же было искать в существе философии проблемы, чтобы потом создавать новые способы на новых основаниях. Не меняя общей философии проникновения на Кавказ, но постоянно меняя людей, шли по кругу к прежним неудовлетворительным результатам.

Не была сформулирована в высших сферах имперского руководства и та цена, которую там готовы были заплатить за Кавказ. Не продумали еще и всех способов и средств – ближайших и отдаленных, – которые будут необходимы для всесторонне успешной колонизации вновь приобретаемого края.

В этой связи потому и существовали, и конкурировали между собой множество проектов и предложений, как дельных, так и фантазмагорических, активно призывавших петербургские власти стать на свою сторону¹⁵⁶.

Между Петербургом (Кавказским Комитетом) и главнокомандующими Отдельным Кавказским корпусом, одновременно бывшими представителями высшей российской власти в Грузии, часто возникали противоречия из-за выбора мер и способов к «покорению Кавказа», что также может служить подтверждением наличия импровизации и спонтанности в разработке стратегии и тактики «русского дела»¹⁵⁷.

Кавказская цитадель оказалась намного прочнее, нежели это виделось из Петербурга: не удалось скорым приступом разбить ни ее духа, ни ее традиционной социальной структуры. Там же, где Кавказ оставался вне русского элемента или этот элемент был малочисленным, там русское влияние было минимальным или вообще трудно было заметить его присутствие. Условия Кавказа оказались непоколебимы, а значит, сохраняли свои сущность и веру, препятствуя российским успехам, и потребовали переменить стратегию: от штурма перейти к осаде.

От способности разработчиков политической стратегии, от их политического воображения и способности к всесторонней оценке обстоятельств и рисков, с которыми столкнется или может столкнуться работа по достижению основных целей, в немалой степени зависела полнота и последовательность осуществляемой стратегии, и ее конечный успех.

По тому, как российские власти структурировали пространство Кавказа, как вплетали его в состав империи, как вводили и отменяли те или иные формы управления отдельными административными единицами и регионом в целом, как расширяли или урезали объем автономии в их деятельности – можно было видеть подтверждение недостаточной подготовленности имперских институтов и властей к взятой на себя миссии.

Такие метания вели к неуспеху того или иного подхода, вынуждая все время создавать и пробовать эффективность очередного проекта в процессе военного противостояния и колонизации, обрекая все предыдущие проекты на столкновения с новыми, способствуя появлению в исполнителях государственной воли неуверенности, а в делах – хаоса.

Положение усугубляли многочисленные ошибки российских военных властей, по указаниям которых войска, как свидетельствовал Ф. Ф. Торнау, «беспрестанно занимали места без всякой необходимости, строили укрепления, непригодные ни к местности, ни к роду войны, помещали в них гарнизоны слишком слабые, для того чтобы держать в страхе жителей, раздробляли таким образом свои силы, войска подвергали без всякой пользы болезням

¹⁵⁵ Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. М.: Росет, 1994. С. 451.

¹⁵⁶ Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. С. 252–639.

¹⁵⁷ Лисицына Г. Г. «Гражданское управление краем, самое трудное...»; Чернуха В. Г. Поиски равновесия // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005. С. 203–236; 237–251.

и всевозможным лишениям, а горцам доставляли этими фальшивыми мерами только случай обкрадывать и убивать русских солдат»¹⁵⁸.

В то же время объективности ради стоит отметить, что в конечном счете Петербург преодолел сопротивление среды, и будущее доказало его способность находить решения сложным задачам.

Военные действия постоянно производились только на северной стороне Кавказа, а в южной, где непосредственным начальником был корпусной командир, они возникали только случайно и не имели особенной важности. «Там была задача более мирная, но не менее трудная: сплотить разные народности Закавказского края, слить их в одну массу под управлением, которое бы не противоречило ни общему строю империи, ни вековым обычаям и историческим преданиям каждого племени. Сверх того, нужно было охранять границу от полудиких, но коварных и изменчивых соседей, персиян и турок»¹⁵⁹.

Кроме того, после победоносных для России войн с персами и османами ситуация имела характер напряженного ожидания при относительной стабильности существовавших границ.

Южный Кавказ виделся из Петербурга в качестве важного геополитического региона, форпоста российского влияния на Ближний и Средний Восток, но с позиций внутриимперских он не выдвигался не далее, как аграрно-сырьевой окраины российской промышленности и торговли.

Выражавший проправительственную точку зрения, проводивший ревизию в Закавказье в 1837 г. сенатор П. В. Ган, как и ранее фельдмаршал И. Ф. Паскевич, считал, что Закавказье должно поставлять для российских фабрик шелк, хлопчатую бумагу и другие грубые материалы, получая взамен фабричные изделия из российских фабрик. Заведение же фабрик и мануфактур не окажет выгоды для данного края, и только будет вредить промышленности и торговле России¹⁶⁰.

В то же время большие проблемы российской короне в Закавказье приносили сепаратистские выступления бывших правителей азербайджанских ханств и представителей бывшей грузинской правящей династии, инспирировавших выступление ряда княжеских фамилий, стремившихся вернуть престол в Грузии Багратидам.

Был раскрыт целый ряд заговоров, в которых участвовали представители именно тех слоев, на которых делалась ставка в деле содействия укреплению российской власти в регионе.

Раздосадованный этим император писал в Польшу И. Ф. Паскевичу: «В Тифлисе у нас пошли большие пакости, но, благодаря Богу, вовремя все открылось. Был заговор фамилии Арбелианов и Эристовых и некоторых других из дворян – перерезать господина Розена и всех русских и Грузию сделать независимой. <...> Все почти схвачены, и делается следствие. <...> Зачинщик всего дела царевич Окропир, живущий в Москве, женившийся на графине Кутайсовой и которому полтора года назад позволил съездить в Грузию; и он этим воспользовался для начатия заговора»¹⁶¹.

Фундаментальную причину, питавшую грузинский сепаратизм, который никогда так и не был преодолен окончательно, а только ослаблен, следовало искать в составлявшей существо философии отношений грузинской элиты к России. О своеобразном характере этой элиты ярко высказался современный исследователь А. А. Епифанцев¹⁶².

¹⁵⁸ Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф. Ф. Торнау. Воспоминания и документы. Нальчик, 1999. С. 59.

¹⁵⁹ *Высочков Л. В.* Указ. соч. С. 287.

¹⁶⁰ *Филитсон Г.* Кавказская война // Стрижамент. Историческое наследие. Приложение к газете «Кавказский край». Ставрополь, 1991. Вып. 1. С. 453–454.

¹⁶¹ Император Николай Павлович в его письмах к Паскевичу. 1832–1847 // Русский архив. 1897. Кн. 1. № 1. С. 9.

¹⁶² *Епифанцев А. А.* Будет ли новая русско-грузинская война? М.: Яуза, 2010. С. 10–28.

Грузинская элита долгие годы добивалась российского покровительства не из какого-то особенного мистического благорасположения к единоверной стране. Надо сказать, что и православной страной Грузия была своеобразной. По свидетельству З. Д. Авалова, грузины «сами они, при всем их православии, были пропитаны насквозь той самой культурой, с которой желали порвать, т. е. персидской»¹⁶³.

Грузия выбрала Россию в покровители не из любви или особенной симпатии, а потому, что «от держав Запада Грузию отделял сплошной барьер мусульманства»¹⁶⁴.

Грузинская элита, просившая о покровительстве, одновременно желала сохранить право свободы действий и самостоятельности, что само по себе настораживало и поселяло среди российских администраторов подозрительность.

Попав под протекторат Российской империи, «грузины – народ, состоявший из дворян, духовенства и крестьян – всех одинаково поработанных всяческой рутинной – так привык к формам и явлениям жизни, не изменявшимся веками, этот консервативный народ не мог предвидеть какая коренная и всесторонняя ломка его ожидает. Поэтому не удивительно, что грузины почувствовали себя на первых порах очень жутко, когда очутились лицом к лицу с государственностью иного масштаба и иного пошиба, чем привычные для них. Народ во всех отношениях иррегулярный, они не могли сразу сжиться со строгостями такого полицейского государства, каким была Россия»¹⁶⁵.

В то же время «впервые за несколько столетий все грузинские княжества оказываются в составе одного государства. Но территориальный вопрос на этом не останавливается: начинает сбываться многовековая грузинская мечта – собирание земель. Российское государство понемногу собирает старые грузинские земли, утерянные картвелами за несколько столетий до того, – Месхетию, Саингило, Джавахетию, Аджарию и др. и вводит их в состав грузинских губерний. <...> Во чреве России начинает вызревать то, чего раньше в истории никогда не существовало, – единая грузинская нация»¹⁶⁶.

Картину социально-политической нестабильности дополняли выступления крестьянских масс, недовольных усилением крепостничества в регионе Южного Кавказа и потерей части свобод, которыми они пользовались до установления российской власти. В 1837 г. произошли аграрные беспорядки в Кубинском уезде, в 1837–1838 гг. восставали армяне-переселенцы из Османской империи, которых разместили вокруг озера Севан.

С весны и до осени 1841 г. волновались крестьяне Гурии из-за введения денежной формы налогообложения, злоупотреблений местных помещиков и лихоимствующих чиновников, не только из русских, но и грузин на русской службе (известный образчик тому – дело князя Дадиани).

Не меньше проблем возникало из-за неудовлетворительной системы административного управления в Закавказье. Злоупотребления в российской кавказской администрации только усугубляли дело. После посещения Грузии в 1837 г. император жаловался своему доверенному другу А. Х. Бенкендорфу на то, что «в администрации разные закоренелые беспорядки, превосходящие всякое вероятие»¹⁶⁷.

В поисках выхода к середине 40-х гг. в правление Николая I в Закавказье были проведены две административные реформы. Начиная с 1840 г. главные и наиболее важные вопросы управления в Закавказском крае рассматривались в межведомственном Кавказском комитете,

¹⁶³ Авалов З. Д. Присоединение Грузии к России. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2009. С. 35.

¹⁶⁴ Авалов З. Д. Присоединение Грузии к России. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2009. С. 71.

¹⁶⁵ Там же. С. 143.

¹⁶⁶ Епифанцев А. А. Указ. соч. С. 29–30.

¹⁶⁷ Рассказ Николая Павловича о поездке на Кавказ // Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 488.

сначала во главе с военным министром графом А. И. Чернышевым, а потом с генералом А. Ф. Орловым.

В конце концов было принято решение распространить общеимперское законодательство и имперские порядки на подконтрольные России территории Южного Кавказа. Это вызвало острое недовольство местного населения, причем как крестьян, так и дворян. Но уже к 1842 г. реформа была признана неудовлетворительной. Император все более убеждался в необходимости искать кризис-менеджера, способного в относительно короткое время выправить ситуацию в Кавказском крае.

После не приносивших успеха рокировок среди руководства кавказской администрации, после пережитых неудовольствий и досады от неумения всеобъемлюще понять и сносно исполнить высшую волю по скорейшему водворению Кавказа в состав империи, Николай I решил вернуться к проверенной опытом форме руководства проблемными территориями – наместничеству (генерал-губернаторству). В структуре наместничества «опытный военачальник и администратор, имея в своих руках военную и гражданскую власть, обеспечил бы победоносное завершение войны и спокойствие на всех присоединенных и завоеванных территориях Кавказа»¹⁶⁸.

Сложность управления и обременительность руководства Кавказом вынудили императора вспомнить опыт его предшественников, использовавших эту особенную административную форму, показавшую свою эффективность. 29 ноября 1844 года на Кавказ с чрезвычайными полномочиями наместника было предложено стать графу М. С. Воронцову, который получил личное послание императора¹⁶⁹.

Подводя итоги вышесказанному, необходимо остановиться на нескольких моментах, проясняющих общее состояние дел на Кавказе к середине 40-х гг. Следует констатировать, что российское военное командование вместе с главным военным ведомством упустили стратегическую инициативу Имамату. Влияние и авторитет имама Шамиля в горах достиг своего апогея. Период с 1842 по 1845 гг. ознаменовался крупными успехами мюридов, каких у них не было ни до, ни после указанного времени. Имам Шамиль перешел в наступление, в результате которого российская сторона утратила контроль почти над всем Дагестаном, а также вынуждена была перейти к обороне в районе Северо-Западного Кавказа после того, как черкесские общества решили открыть свою войну против русских. Основным условием, обеспечившим успех Шамилю, явилась способность имама укрепить солидарность среди многих горских обществ, призвав их под знамена мюридизма и газавата.

Европейские державы, прежде всего Британия, вместе с Османской Портой расширили проблемное поле для России, провоцировали черкесов вести против нее войну. Британская политическая элита поднимала вопрос о существовании некоей «свободной Черкесии», которой необходима была помощь цивилизованной Европы, способной защитить черкесов от притязаний «русского тирана».

Император Николай проявлял обеспокоенность. В Петербурге царило недовольствие из-за того, что перманентные в горах волнения и поражения русских войск не получали должного и вразумительного объяснения. Все прежние меры силового и все средства иного воздействия на горские общества вдруг потеряли свою действенность. Появилась настоятельная потребность обобщить опыт всей военно-гражданской деятельности, внести коррективы в средства, чтобы найти верные способы и стратегию борьбы с наступающим мюридизмом и его воинствующими приверженцами. Кризисная ситуация вдруг выявила, что высшие политические круги и высшее военное командование не имели единых подходов в отношении реализации

¹⁶⁸ Лисицына Г. Г. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005. С. 222.

¹⁶⁹ АКАК. Тифлис, 1885. Т. X. Введение. с. II.

«русского дела» в Кавказском крае. Показателем данного положения были многочисленные проекты, планы и записки, исходившие от частных лиц или уполномоченных чинов, которые направлялись в военные штабы и высшие государственные канцелярии Петербурга.

Немало тревог принес Петербургу и Южный Кавказ, сохранявший в означенный период относительную видимость стабильности. Подспудная политическая борьба там не прекращалась. Из-за того, что политические элиты, просившие ранее Петербург о покровительстве, выказали желание сохранить не только свой социально-политический статус неизменным, но под протекторатом России желали восстановить свой политический суверенитет, российские власти не могли быть вполне уверенными в их лояльности и вынуждены были предпринимать предупредительные меры по закреплению своих позиций в регионе. В то же время Кавказ давал уроки всем, в том числе императору Николаю, который умел учиться вместе со всеми причастными к кавказским делам ответственными персонами. В конечном итоге обратились к проверенной временем системе руководства проблемными территориями – наместничеству.

2.2. Даргинская экспедиция

Назначение наместником графа М. С. Воронцова совсем не означало, что император потерял решимость лично руководить из столицы ходом событий в Кавказском крае. Николай I по-прежнему считал, что война против горцев слишком затянулась. Император, хотя и был разочарован результатами 1844 г., «не видел причины менять свое мнение относительно того, что должно быть сделано с теми средствами, которые он отдал в распоряжение своих генералов на Кавказе»¹⁷⁰.

Он решительно был настроен покончить с этой проблемой в самые короткие сроки, а потому в приказе, адресованном графу М. С. Воронцову, потребовал: «Разбить буде можно, скопища Шамиля. Проникнуть в центр его владычества. В нем утвердиться»¹⁷¹.

По мнению А. М. Дондукова-Корсакова, в Петербурге ошибались, и «Государь, при всей своей прозорливости и высоких дарованиях, имел тоже слабость думать, что раз окинув своим орлиным взором страну или какое-либо дело, он проникал во все подробности оно и лучшим был судьей при решении обсуждаемых вопросов: при характере Николая Павловича трудна была борьба с его убеждениями»¹⁷².

Надежды разрешить кавказский вопрос одним ударом не оставляли Николая I с самого начала его вступления на престол¹⁷³.

И хотя армия уже прежде не раз рассеивала горские «скопища», брала штурмом, казалось бы, неприступные твердыни, желанного умиротворения в крае не наступало. Как свидетельствовал очевидец, «центры восстания менялись, войска наши, исполнив с огромными потерями предписанные программы, возвращались обратно с большим уроном, преследуемые неприятелем. Бежавшие, при наступлении наших войск, жители вновь возвращались на прежние места под власть того же Шамиля, которую он умел поддерживать возбуждением религиозного фанатизма и строгими наказаниями, а наши кратковременные движения вовнутрь страны никак не могли поколебать впечатления подобного действия имама»¹⁷⁴.

Между тем мюриды все более усиливали свою мощь, и каждая победа над ними давалась труднее предыдущей. Приходилось вести планомерную осаду их позиций в соответствии со всеми требованиями военной науки¹⁷⁵. Тем не менее отказаться от заманчивой идеи – быстро и решительно преломить ситуацию в свою пользу – официальный Петербург не хотел.

К решительным действиям подталкивали чувствительные и дорогостоящие неудачи 1840-го, 1841-го и 1842-го годов, которые «разразились катастрофой 1843 года в Дагестане»¹⁷⁶. Все эти события, как и «нелепая военная прогулка 1844 года <...> в глазах туземцев <...> являлись победами Шамиля»¹⁷⁷, что достаточно болезненно переживалось в кавказских войсках, ожидавших исправления сложившихся последствий¹⁷⁸.

¹⁷⁰ Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860. М.: Центрполиграф, 2007. С. 276.

¹⁷¹ Осли Э. Указ. соч. С. 80; Записка императора Николая I о военных действиях на Кавказе // Русская старина. 1885. № 10. С. 209.

¹⁷² Дондуков-Корсаков А. М. Мои воспоминания. 1845–1846 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000. С. 412.

¹⁷³ Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002. С. 310.

¹⁷⁴ Дондуков-Корсаков А. М. Указ. соч. С. 413.

¹⁷⁵ Ливенцов М. А. Воспоминания о службе на Кавказе в начале сороковых годов (Извлечения из дневника) // Русское обозрение. 1894. Июнь. С. 599–600.

¹⁷⁶ Кавказская экспедиция в 1845 году. Рассказ очевидца В. Н. Норова // Даргинская трагедия. 1845 год. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. С. 49.

¹⁷⁷ Воспоминания графа К. К. Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года // Даргинская трагедия. 1845 год. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. С. 228.

¹⁷⁸ Там же.

Отвечая в какой-то мере таким ожиданиям, в 1845 г. император решил предпринять сильную экспедицию, которая бы устрасила и потрясла горы.

План экспедиции в сердце родины горцев – Дарго, бывшем резиденцией имама Шамиля, был составлен в Петербурге в начале 1844 г. и в готовом виде вручен М. С. Воронцову для исполнения.

С этой точки зрения начало деятельности нового корпусного командира и наместника ничем не отличалось от того, как начинали свою деятельность на Кавказе ближайшие его предместники – генералы Е. А. Головин и А. И. Нейдгардт. По мнению М. М. Блиева, «как и раньше, сценарий действий против Шамиля был предложен самим императором»¹⁷⁹. М. С. Воронцову оставили право только уточнить детали и сроки начала похода в горы.

Императорский план предусматривал «...произвести наступательные движения в горы, для чего войска, собранные у Воздвиженской крепости, т. е. Чеченский отряд, двинуть к Маи-ортупу и в соединении у этого аула с войсками, имеющими прибыть с Кумыкской плоскости через Куринское укрепление, оба отряда сии направить в Дарго (столицу Шамиля), которое разорив, следовать в Андию; войскам же Дагестанского отряда в то же время произвести наступательное движение от Чиркея, через Салатау и Гумбет в Андию же. Сосредоточенные таким образом в Андии Чеченский, Кумыкский и Дагестанский отряды должны оставаться там такое время, какое нужно будет по соображению обстоятельств на месте, причем для вящего обеспечения Андии построить временное укрепление для 6-ти батальонного гарнизона»¹⁸⁰.

Чуть позже, после совещания в Петербурге по планируемым военным действиям на Кавказе в 1845 г., куда для этого вызывался начальник штаба Кавказских войск генерал-лейтенант В. О. Гурко, сделано было изменение, согласно которому «войска Чеченского отряда, расположенные у Воздвиженского, у Кумыкского укрепления Амир-Аджи-Юрта, сосредоточить в Маиортупе; оттуда двинуть их во Внезапную и Салатау, где на Бортунайских высотах соединяясь с Дагестанским отрядом, через Гумбет, занять Андию. В Андии устроить укрепление для 6-ти батальонов пехоты и, снабдив гарнизон провиантом на всю зиму, Чеченскому отряду следовать в Ичкерия, взять и разорить Дарго – жилище Шамиля, и выйти через укрепление Герзель-аул на линию; остальное затем время года употребить войска Чеченского отряда для окончательных построек по Воздвиженскому укреплению»¹⁸¹.

Наместник (при незнании настоящего положения дел) хотел бы отложить экспедицию до его личного и подробного ознакомления и проникновения в существо предписанной ему задачи, но желание императора Николая I унять Шамиля и присутствие большого количества войск на Кавказе в 1845 году решили вопрос в пользу начала немедленных действий.

В Петербурге никак не хотели понять того, что время многочисленных экспедиций прошло, и опыт прошлого доказал их несостоятельность и пагубность. Подобные экспедиции делались и прежде, но не приносили никакой существенной выгоды, а «отступление (сопряженное обыкновенно со значительными потерями нашими) возвышало дух горцев и значение самого Шамиля»¹⁸².

Большинство кавказских военных начальников было против плана экспедиции вообще, или в том виде, в котором он был предписан. Опытные кавказские вояки (среди них были наиболее авторитетные генералы – Р. К. Фрейтаг и М. З. Аргутинский-Долгоруков, И. М. Лабынцев) предрекали экспедиции полную неудачу¹⁸³.

¹⁷⁹ Блиев М. М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. С. 516.

¹⁸⁰ Кавказская экспедиция в 1845 году. С. 59.

¹⁸¹ Там же. С. 60.

¹⁸² Дондуков-Корсаков А. М. Указ. соч. С. 414.

¹⁸³ Колюбакин Б. Комментарий к воспоминаниям графа К. К. Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года // Даргинская трагедия. 1845 год. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. С. 221.

Н. И. Дельвиг считал, что «экспедиции такого рода имели даже вредное влияние на край, возвышая нравственный дух горцев, видевших, что большие массы войск, испытанной храбрости, хорошо вооруженных, отлично снабженных всем необходимым, одерживавшие так часто славные победы в Европе, почти ничего не могут сделать против их беспорядочных скопищ»¹⁸⁴.

Князь М. З. Аргутинский-Долгоруков, командир Самурского отряда, еще в августе 1844 г. подавал записку вышестоящему начальству, в которой высказывал свои опасения относительно хода и результатов планируемой экспедиции. Он писал: «Войска, двинувшись вперед, будут иметь более или менее жаркие дела с неприятелем, что, однако ж, не помешает им <...> идти вперед. Неприятель, по мере движения нашего вперед, будет отступать в глубь страны, <...> терпя урон в бою, но, не расстраиваясь совершенно. Дальность отступления неприятеля будет зависеть от дальности движения наших войск, и неприятель, без сомнения, пользуясь местностью и большею подвижностью, всегда имеет возможность предохранить себя от наших решительных ударов <...> Движение наше в глубь страны будет зависеть от запасов продовольствия, которые будем иметь с собою, но во всяком случае должно будет прекращено <...> в виду более или менее сильного неприятеля, который при возвращении нашем, не упустит случая преследовать войска наши, чему также будет много способствовать большая его подвижность. <...> Таким образом, край, в который мы сделаем вторжение, будет опять оставлен нами. Кроме некоторого разорения, которому подвергнутся жители, средства неприятеля, заключающиеся в его вооруженных силах, останутся без большого изменения. <...> Наступательное движение наше в Аварию, Гумбет и Андию и возвращение оттуда без всяких, по вероятности решительных результатов, не может произвести выгодного для нас впечатления, как в жителях занятого ныне неприятелем края, так и во всех жителях Дагестана, ныне нам покорных»¹⁸⁵.

Писал к графу Воронцову в период его подготовки к Даргинской экспедиции и генерал Р. К. Фрейтаг: «На марше Вы столкнетесь в лесу с такими трудностями и таким сопротивлением, какого, вероятно, не ожидаете. Я не буду пытаться доказать, что эта операция практически невыполнима. Напротив, я уверен, что Вы прорветесь на равнину, но потери будут огромны. Вы увидите, что чеченцы умеют драться, когда это необходимо. <...> Какими бы успешными ни были Ваши маневры, они не окажут серьезного влияния на покорение Чечни <...>»¹⁸⁶.

При главком А. И. Нейдгардте, и как то было всегда, никто не решался перечить воле императора. Не произошло этого и при наместнике графе М. С. Воронцове, который не мог начинать своего поприща на Кавказе ссорой с императором, тем более этого не было в его правилах. Кроме того, опыт показал, что «редко когда возражения их возражения против того или другого неправильного действия были принимаемы в уважение»¹⁸⁷.

После приезда в Тифлис наместник оставался там только месяц, так как Петербург торопил. Для Петербурга в кавказском вопросе «военные действия представляли главный интерес»¹⁸⁸.

Приготовления к экспедиции поражали воображение старожилов, бывших тогда на Кавказской линии. Никогда в сборах не принимало участия такого числа отдельных отрядов, назначенных для одновременных и согласованных действий на противоположных пунктах и направлениях театра войны с горцами. Как свидетельствовал К. К. Бенкендорф: «Никогда еще

¹⁸⁴ Дельвиг Н. И. Воспоминание об экспедиции в Дарго // Даргинская трагедия. 1845 год. С. 409.

¹⁸⁵ Цит. по: Лисицина Г. Г. Даргинская экспедиция 1845 года в мемуарах современников // С. 5.

¹⁸⁶ Баддели Д. Указ. соч. С. 289.

¹⁸⁷ Дондуков-Корсаков А. М. Указ. соч. С. 413.

¹⁸⁸ Воспоминания графа К. К. Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года. С. 231.

отряды эти не имели такой численности, особенно же главный отряд, при котором должен был находиться сам главнокомандующий – это целая армия»¹⁸⁹.

Главная квартира войск и местопребывания М. С. Воронцова располагалась в станице Червленной, где «не было ни одного почти дома, который не был занят приезжим постояльцем; все кипело жизнью, все вполне наслаждалось новизною впечатлений и ощущений.

Громадные средства приезжих тратились в станице, все обзаводилось лошадьми, оружием, азиатскими костюмами и с беспечностью молодости тратили свои силы и деньги в ожидании скорого выступления...»¹⁹⁰.

Граф М. С. Воронцов объехал Линию, попутно обсуждая запланированную экспедицию с линейными командирами разных рангов, соображаясь с предстоящими ему действиями. Но после встречи с генералом Р. К. Фрейтагом и князем М. З. Аргутинским он начал терять уверенность в успехе похода в горы.

Своими сомнениями он поделился с военным министром А. И. Чернышевым, которому писал в мае 1845 г.: «Если бы даже полученное мною приказание действовать в этом году наступательно, прежде, чем вновь приняться за устройство передовой Чеченской линии, было противно моему мнению, как не согласны с ним здешние генералы, то я все же исполнил бы его с тем же рвением, но я откровенно говорю здесь всем, что это также и мое мнение, что неблагоприятно избегать встречи с Шамилем и возможности нанести ему вред, что устроит наши дела лучше всего. Если Богу не угодно будет благословить нас успехом, мы все-таки сделаем наш долг, не будем виноваты и обратимся к методической системе»¹⁹¹.

М. С. Воронцов, не желая открыто противоречить высочайшей воле, старался мягко предупредить Петербург о том, что столичные идеи и упования не находят отклика в кавказской армии. Несмотря на это, он, верный слову и долгу, выполнит все предначертанное ему, в этом не должно сомневаться, даже вопреки царящему вокруг несогласию: он с государем. Но, если все же не будет успеха, который в воле Бога, то после исполнения высочайшей воли он перейдет к иным действиям, сообразным местным кавказским условиям.

Сомнения, однако, не проходили и продолжали угнетать М. С. Воронцова по мере приближения сроков выступления в горы. Тяжесть ответственности перед императором и теми безмерными ожиданиями, которые были связаны так же с ним, М. С. Воронцовым лично, с его репутацией и прежней славой, тяжелым грузом давили ему на плечи.

Незадолго до начала экспедиции наместник снова обращается с посланием к военному министру, а через него, естественно, к Николаю I: «Повергните меня к стопам Его Величества, я не смею надеяться на большой успех нашего предприятия, но сделаю, разумеется, все, что будет от меня зависеть, чтобы выполнить Его желание и оправдать Его доверенность»¹⁹².

Граф М. С. Воронцов приступил к реализации назначенной ему задачи с внесения сомнения в стан противника. По его указанию уполномоченные им военные чины вступили в отношения с крымским муфтием Эскер Сеид Халил эфенди и его помощниками для того, чтобы убедить их действовать в пользу российской стороны и склонять горцев и стоящих над ними мюридов «расположиться к России»¹⁹³.

Одновременно, по указанию наместника, стали предприниматься усилия по привлечению на российскую сторону наиболее видных наибов Шамиля. Как отмечает М. М. Блиев, «Петербургу, судя по всему, была известна “несклеенность” имамата по его наибской “линии”,

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Дондуков-Корсаков А. М. Указ. соч. С. 435.

¹⁹¹ Цит. по: Кавказская экспедиция в 1845 году. С. 221.

¹⁹² Там же. С. 51.

¹⁹³ ДГСВК. С. 484.

и потому возможность усугубить разрыв между главой государства и его “автономными” образованиями представлялась очень привлекательной»¹⁹⁴.

М. С. Воронцову стало известно, что «среди наибов самой значимой для Шамиля и в то же время наиболее неустойчивой личностью является Даниель-бек»¹⁹⁵. Важность этой фигуры для российского командования определялась не только его влиянием в горах, сколько авантюризмом его характера и непомерно развитым честолюбием. Это позволяло надеяться, что при определенных предложениях, способных стать выше существовавших обстоятельств, этот человек мог бы резко поменять основания своей судьбы.

По мнению наместника, переход Даниель-бека на сторону российского командования был бы весьма важной для Шамиля и юридика потерей¹⁹⁶. Как свидетельствуют документы, представители графа М. С. Воронцова искали путей к установлению связей и с другими наибами – Хаджи-Муратом, Кибит-Магомой, Джемалом Чиркеевским¹⁹⁷.

Тайные сношения российской стороны с наибами Шамиля, однако, не удалось сохранить в секрете, и имам узнал о них. Его реакция была быстрой: чтобы перевесить силу предложений, которые могли сделать русские, имам выложил свои самые важные козыри – он предоставил права чеченским наибам Дубе, Саадуле и Атабаю делать в своих вилайетах «все то, что целесообразно и полезно для веры, не воздерживаясь и не ожидая»¹⁹⁸. Пойдя на такой шаг, имам пытался пресечь намечавшийся в имамате сепаратизм и пророссийские настроения, появившиеся в отдельных горских обществах.

Наместник также обращался с воззваниями к жителям Дагестана, которые представляли для имама не меньшую опасность, чем сношения представителей наместника с наибами. За долгие годы противостояния люди устали от напряжения и нестабильности и могли поверить предложениям русских.

Лазутчики приносили в горные селения воззвания графа М. С. Воронцова, в которых было немало привлекательного для горцев. Наместник писал: «Е.И.В., удостоив меня Высочайшим доверием, соизволил облечь меня полною властью и повелеть мне водворить мир в стране вашей, восстановить порядок и спокойствие, возвратить всем племенам Кавказским тишину и безопасность, которые одне могут обеспечить счастье и благоденствие края.

Многолетний опыт показал вам, что не с оружием в руках и не беспрестанными враждебными действиями вы можете снискать сии благоденствия. Напротив того, упорствуя в дерзком сопротивлении, вы подвергаете опасностям ваши семейства, вы нарушаете благосостояние вашей страны, которую вовлекаете в неизбежные бедствия войны; вы принуждаете правительство употреблять против вас меры строгости, кои будут для вас гибельны.

Жители Дагестана! Подумайте о затруднительном положении, до коего довели вас честолюбие и коварные наущения некоторых людей, употребляющих во зло ваше доверие и вводящих вас в заблуждения. <...> Для меня было бы гораздо утешительнее, чтобы вы, вняв гласу рассудка, доставили мне случай привести в точное исполнение благодетельные предначертания Г. И. Единственная цель их состоит в том, чтобы прекратить претерпеваемые вами бедствия и даровать вам блага, коих вы можете желать. Имейте полное ко мне доверие и знайте, что все, что бы ни обещал я вам от имени Г.И., будет свято соблюдено и исполнено»¹⁹⁹.

Только жесткими репрессивными мерами имаму удалось не допустить гибельного для него воздействия воззваний наместника. Шамиль предписал своим доверенным людям высе-

¹⁹⁴ Блиев М. М. Указ. соч. С. 516.

¹⁹⁵ Блиев М. М. Указ. соч. С. 517.

¹⁹⁶ ДГСВК. С. 484–488; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6582. Л. 6–7 об.

¹⁹⁷ ДГСВК. С. 488.

¹⁹⁸ Там же. С. 484.

¹⁹⁹ АКАК. Т. X. С. 361.

лить из сел Хунзаха сто пятьдесят дворов сторонников нечестивых <...> в местах, где есть наибы²⁰⁰.

Наместник также обращался и к русским перебежчикам, поселившимся на территориях имамата. Им обещано было прощение в случае добровольного возвращения из «бегов»²⁰¹. Зная, насколько Шамиль дорожил этой группой населявших имамат людей, часть которых служила среди личной охраны имама, а также участвовала в производстве орудий, холодного и огнестрельного оружия для войск имама, граф Воронцов надеялся посеять несогласие в данной среде и ослабить общие силы Шамиля.

С точки зрения М. М. Блиева, наместник «верно угадывал наиболее уязвимые стороны политической жизни имамата и пытался ими воспользоваться. Сказывался его опыт политической и административной деятельности. Продолжи он “политическую борьбу” с Шамилем, но без военных акций, сыграй он в оборону, но не так, как это приказал император в 1843 г., и время, так же как и наибы имама, сработало бы на наместника»²⁰².

Шамиль быстро распознал в графе Воронцове опаснейшего противника и действовал безжалостно по отношению колеблющимся в своем стане. По свидетельству К. К. Бенкендорфа, «палачи его не переставали отсекал головы <...> и к этим отсеченным головам привязывались надписи: “Такая же судьба ожидает всякого мусульманина, который заговорит о мире с русскими” <...> Меры эти достигали своей цели: перед мечом и секирой исчезла всякая оппозиция, и мы не только что лишились всех своих партизан, но уже не находили и лазутчиков»²⁰³.

В то же время Шамиль знал, что он не сможет даже серьезно напугать русских, и у него нет реального шанса разбить столь крупные силы русской армии, направляющейся в горы. Но он так же знал и то, на что указывал князь Аргутинский: русские смогут пройти в горы, но не смогут там закрепиться. Шамиль надеялся на своего главного союзника – кавказскую природу. Природно-климатические условия и тяжелейшие условия ландшафта, как и ожидалось, во все продолжение экспедиции русских испытывали на прочность их человеческие качества.

Отдельный Кавказский корпус уже при генерале А. И. Нейдгардте стал усиливаться новыми войсками. Общая численность кавказских войск к 1844 году достигла 107 914 человек (по списочному составу), при 900 орудиях (из них на Северном Кавказе – 359) и 36 378 казаков²⁰⁴.

По указанию из Петербурга туда был направлен еще и 5-й пехотный корпус генерала А. Н. Лидерса, и стрелковый батальон, но ни войска этого корпуса, ни сам генерал, ни его штаб не были знакомы с условиями ведения войны на Кавказе. Таким же было большое число генералов, присланных в тот отряд, составивших большую часть лишь бремя для войск²⁰⁵.

В связи с этим наместник был обязан подчиниться и не назначать в экспедицию наиболее опытных, внушавших доверие кавказским войскам командиров. Кроме того, желая сделать приятное многим влиятельным особам при дворе, граф М. С. Воронцов не хотел противиться приезду из Петербурга для участия в экспедиции значительного числа именитой молодежи, привлеченной его громким именем, которому благоволил император.

Среди искателей воинской славы было много аристократов, и людей влиятельных, их родственников – князь Ф. И. Паскевич, сын фельдмаршала, граф А. С. Строганов, князь А. Голицын, князь Эмилий Витгенштейн, барон Николаи, князь А. И. Гагарин, князь М. А. Дон-

²⁰⁰ ДГСВК. С. 483.

²⁰¹ Там же. С. 486.

²⁰² Блиев М. М. Указ. соч. С. 518.

²⁰³ Бенкендорф К. К. Указ. соч. С. 378.

²⁰⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6464. Л. 98–105; Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 184.

²⁰⁵ Удовик В. А., Кацик В. О. Светлейший князь Воронцов. Человек. Полководец. Государственный деятель. СПб., 2000.

дуков-Корсаков, князь с. И. Васильчиков, князь Яшвиль, граф Чапский, барон Врангель, князь М. Лобанов-Ростовский, князь Трубецкой, С. М. Воронцов, сын главнокомандующего и многие другие.

Аристократ М. С. Воронцов не упускал случая проявить сословную солидарность и оказать услугу представителям аристократических фамилий, помочь им сделать карьеру и тем самым расположить к себе мнение света и придворных кругов, косвенным образом укрепляя свои позиции в обществе, а в отдаленном намерении, на всякий случай, получая себе защитников перед императором. Наконец он следовал традиции и предпринимал то, чему сам был участником в молодости при князе П. Д. Цицианове.

Будучи свидетелем и участником происходящего, Н. П. Беклемишев писал: «Громкая слава и высокое положение графа М.С., заманчивость блестящих подвигов и самый характер Кавказской войны всех увлекали. К числу многих представителей самого цвета русского дворянства, собравшихся под знамена графа М.С., присоединился принц Александр Гессен-Дармштатский»²⁰⁶.

Им всем казалось, что прежняя европейская слава графа М. С. Воронцова, победителя Наполеона в битве при Краоне, превратит их поход в горы, если не в занимательное приключение, то, во всяком случае, обеспечит наградами и славой, укрепит их положение, по возвращении, при дворе они предстанут героями.

Желание нравиться Петербургу и недостаточное знание истинной сути Кавказа привели М. С. Воронцова к непростительным ошибкам при организации сборов к походу в горы. Так, при нем была составлена многочисленная свита из разного рода людей, военных и гражданских, привлеченными разными видами своему будущему. К ним присовокуплен был штаб самого главнокомандующего с походной канцелярией. Одновременно М. С. Воронцов сохранил свиту и штаб своего предшественника генерала А. И. Нейдгардта, вероятно рассчитывая получать от этих людей дельные советы при определенных обстоятельствах, буде в них потребность. Еще ему хотелось своим вниманием к ним загладить негативное впечатление, произведенное отставкой их начальника и свою косвенную к ней причастность.

Все это скопление людей в соединении еще со штабом, адъютантами и ординарцами генерала А. Н. Лидерса, «составляло весьма значительную, небывалую на Кавказе по размерам группу лиц штабов и свиты, требовавшую значительное число вьючных лошадей, что увеличивало обоз, затрудняло его продовольствие и усложняло его прикрытие, в ущерб подвижности, проходимости и боеспособности отряда»²⁰⁷.

Непростительным было соединение кавказских батальонов с полками 5-го пехотного корпуса, частями различных казачьих полков и кавказскими милициями, что, нарушая постоянную организацию частей, повело к полной разнородности состава отряда. Все это не только свидетельствовало о явном просчете главного командования, но и «подало повод остроумцам к шутивому наименованию отряда – “армией Ксеркса”»²⁰⁸. В этой шутке, запущенной в ход острыми на язык кавказскими старожилками, заключался и саркастический намек на исход ксерксова воинства в войне с греками.

М. С. Воронцов полагал, как то мыслилось и в Петербурге, что многочисленность отряда также должна была внушить горцам мысль о всемогуществе российского императора, воочию продемонстрировать его силу, который, если того потребуют обстоятельства, может заполнить горы и леса Кавказа своим воинством, не оставляя шансов непокорным.

²⁰⁶ Цит. по: *Лисицына Г. Г.* Даргинская экспедиция 1845 года в мемуарах современников // Даргинская трагедия 1845 год. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. С. 7.

²⁰⁷ Кавказская экспедиция в 1845 году. С. 50.

²⁰⁸ Там же.

В Петербурге до самозабвения увлеклись идеей захвата резиденции имама, чтобы окончательно сломить Кавказ и заставить его покориться. В основе такого расчета лежала мысль, может быть, правильная по отношению к Европе, но совершенно ложная для Кавказа – захватом столицы противника разом решить исход противостояния²⁰⁹.

Не понимая условий и нравов Кавказа, в Петербурге преувеличивали значение роли резиденции Шамиля. Как свидетельствовал опытный кавказец К. К. Бенкендорф: «В этой стране не существует такого центрального пункта, занятие которого решило бы ее завоевание. Кавказские племена лишь в весьма ничтожной степени находятся в зависимости друг от друга и в политическом, и в материальном отношении. В настоящее время их связывает только власть Шамиля, и его авторитет господствует только там, где он находится лично, не привязываясь, однако, к одному месту более чем к другому»²¹⁰.

Однако, приняв на себя обязательства перед императором выполнить его наказ и предпринять все запланированные меры повредить Шамилю, М. С. Воронцов, даже поняв к концу мая 1845 г. всю неподъемность возложенной на себя ноши, не разрешил себе открыто об этом сказать Николаю I, поскольку ожидания победы и славы, прежде всего для государя, продолжали витать при дворе и в светских салонах. М. С. Воронцов решил довериться Божьей воле и непременно исполнить свой долг: вдруг вывезет!

Вся экспедиция в горы была составлена из нескольких последовательных или одновременных операций и этапов, охватывая территории Чечни и Дагестана. По мнению М. М. Блиева: «Даргинская экспедиция предполагала не только наступление на резиденцию имама, но и имела более широкий фронт действий, направленных на ликвидацию имамата как государственности Шамиля»²¹¹.

Для отвлечения внимания горцев от действий главных сил часть войск была выдвинута по следующим направлениям: Самурский отряд под командованием генерал-майора князя М. З. Аргутинского проводил операцию против неприятельских сил Южного и Центрального Дагестана, прикрывая южный фланг главного отряда; Лезгинский отряд, под командою генерал-лейтенанта Г. Е. Шварца, наблюдал за лезгинскими обществами, находясь в постоянном контакте с Самурским отрядом. Владикавказский комендант генерал-майор Нестеров наблюдал за горскими обществами на северо-западе от главных сил. Наконец, начальник Левого фланга Кавказской линии генерал-майор Р. К. Фрейтаг, «соображаясь с обстоятельствами», должен был отвлекать чеченцев от района действия войск главного отряда²¹².

В походе на Дарго было определено участвовать Чеченскому отряду под командованием генерал-майора А. Н. Лидерса и Дагестанскому отряду под командованием генерал-лейтенанта князя В. О. Бебутова. Официальной датой начала похода на Дарго считается 31 мая, а завершающей – 20 июля 1845 г.

Перед началом выступления в горы, после общего молебна, граф М. С. Воронцов здоровался со всеми войсками, и все отвечали радостными кликами. Поход в горы начался легко и весело и почти без столкновений с горцами. Петербургская молодежь предавалась веселости и самым блистательным надеждам. По свидетельству Э. С. Андреевского, бывшего среди них: «Князь Барятинский, князь Паскевич, флигель-адъютант Бенкендорф, князь Витгенштейн и многие другие вели жизнь беззаботную, собирались часто и веселились, как в столице. <...> Щербинин и Николай были весьма веселы; <...> Веселость характера первого из них разливалась на и других. После обеда он всегда находил средства забавить гостей какою-нибудь фарсою и, между прочим, танцевал несколько раз лезгинку с графом Гейденом и бароном Мин-

²⁰⁹ Огарков В. В. Воронцовы. Их жизнь и общественная деятельность. СПб., 1892.

²¹⁰ Воспоминания графа К. К. Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года. С. 303.

²¹¹ Блиев М. М. Указ. соч. С. 521.

²¹² Кавказская экспедиция в 1845 году. С. 61.

квицем, которая надолго остается в памяти каждого. Нельзя себе представить что-нибудь более комическое»²¹³.

Однако на марше все шли в большом порядке и продвигались быстро. Торопливость была такой, «к которой здесь не привыкли и которая при прежних движениях, особливо в последние годы, считалась невозможной»²¹⁴. М. С. Воронцов по образцам европейской войны старался поскорее выйти на оперативный простор и опередить противника, заняв выгодные позиции. Но Кавказ не допускал торопливости, и понятия оперативного простора здесь не существовало. В конечном счете, торопливость, которой был привержен тогда М. С. Воронцов, невольно усугубила и без того неудачный проект экспедиции.

Первый лагерь разбили у разоренного аула Чир-Юрт. Авангард переправился вброд через Сулак и, заняв противоположный берег, служил прикрытием для саперов, которые устроили мост для переправы орудий и других тяжестей.

В первой половине 1 июня прибыли в Мятлинскую долину. Разбив лагерь и устроившись по обыкновению походной жизни, члены свиты графа Воронцова провели остальную часть дня, как и прежде, «довольно весело, навещали знакомых и обошли все почти сады вдоль по течению реки. До тех пор мы еще не слышали неприятельских выстрелов. <...> Наш поход был не что иное, как прелестная прогулка, оживленная толпою веселых и радушных лиц, из которых мало кто подумывал о предстоящей опасности. Несколько выстрелов в арьергард переранили четырех человек, но почти никто на это не обращал внимания»²¹⁵.

После соединения 3 июня Чеченского и Дагестанского отрядов граф М. С. Воронцов начал лично распоряжаться в качестве главнокомандующего, а до тех пор все распоряжения делались через генерала А. Н. Лидерса, хотя и от имени графа.

Войска по обыкновению, вышедшему из кавказского опыта ведения горной войны, а также из разумной предусмотрительности генерала А. А. Вельяминова, выстраивались длинным четырехугольником, фасы которого составляли авангард и арьергард и два боковых прикрытия.

«Такою живою крепостью отряд и двигался: авангард и арьергард по ущелью или долине, а боковые прикрытия – по горам, и на таком расстоянии, чтобы пули горцев не могли бить в колонну, где были остальные войска и обоз» со штабами, адъютантами и многолюдной свитой главных командиров, а чтобы удерживать боковые прикрытия на своих местах и чтобы цепи стрелков не разрывались в закрытой или пересеченной местности, их часто окликали сигнальными рожками»²¹⁶.

При таком построении движение отряда не могло быть слишком быстрым или маневренным (хотя М. С. Воронцов постоянно поторапливал войска), что давало подвижному неприятелю полную возможность сосредоточивать свои силы в местах, наиболее удобных для обороны. При совершенном знании местности горцы всегда могли предполагать цель и направления российских войск. Однако все их преимущества ослаблялись важным обстоятельством, о котором знала русская сторона – противники ее были обыкновенно слабо обеспечены продовольствием, а потому тяготились медлительностью движения войск. Если же получали повсюду хороший отпор, то скоро падали духом.

Самая трудная роль доставалась арьергарду, а относительно легкая – авангарду. В боковых прикрытиях все зависело от свойств местности. Войска в боковых прикрытиях сильно утомлялись от беспрестанных спусков и подъемов, при которых надо было выбивать непри-

²¹³ Андреевский Э. С. Даргинский поход 1845 г. // Даргинская трагедия. 1845 год. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. С. 486.

²¹⁴ Там же. С. 487.

²¹⁵ Андреевский Э. С. Даргинский поход 1845 г. // Даргинская трагедия. 1845 год. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. С. 488.

²¹⁶ Филитсон Г. И. Указ. соч. С. 469–470.

теля из засад и завалов, которые горцы делали наперед, зная из условий местности, что прикрития не минуют этого места. Если случалось, что отряд слишком растягивался, тогда боковые прикрития усиливались войсками из главной колонны.

Батальоны и роты прикрывали главный отряд с обеих сторон боевыми линиями, которые, в свою очередь, прикрывались боевыми цепями с взводами. Первоначально в звеньях цепей использовалось по 2 человека стрелков, обязанных взаимной поддержкой, но опыт скоро показал, что в кавказских условиях этой численности звеньев было недостаточно – они были очень уязвимы. Поэтому по указанию генерала Р. К. Фрейтага, «лучшего знатока этого дела»²¹⁷, было установлено иметь звенья в составе взвода численностью в 20–30 человек, под командой офицера или унтер-офицера с придачей ему горниста-сигнальщика. Звено такой численности обладало уже достаточной силой сопротивления. Эти взводы не должны были только терять друг друга из вида, внимательно выбирать при расположении на предназначенной им местности пункты, имевшие тактическое значение и согласовывать свои действия при передвижении. В движении батальоны и роты, составлявшие боковые цепи прикрития, как раз и были разделены на группы – взводы, продвигавшиеся или в шахматном порядке, или в затылок друг дружке.

Шамиль, понимая, что для открытого противостояния он не имеет сил, уступал весь атакованный русским отрядом край, разоряя и выжигая селения в надежде вредить русским во время их возвращения в свои крепости. Такой системы ведения войны со стороны горцев в штабе главных сил экспедиционного корпуса не предусмотрели, и она сделалась для главнокомандующего досадной неприятностью, которая стала путать карты военному начальству.

В отряде графа М. С. Воронцова действовали правила, характерные для всей имперской системы: мнения нижестоящих командиров с большим трудом доводились до главного начальства или не доводились вовсе из опасения перечить мнению главнокомандующего.

С другой стороны, возможно, граф М. С. Воронцов был бы не против того, чтобы выслушать доводы опытных людей, но не делал этого, поскольку был связан обязательствами перед императором.

Представляется, что именно эта строгая приверженность графа М. С. Воронцова букве императорского плана действий не позволяла маневрировать и избирать ход действий, наиболее приемлемый в реалиях образующихся обстоятельств. Тем паче невозможно было подвергнуть критическим замечаниям действия главнокомандующего на глазах его свиты, состоявшей из 40 человек, и без которой его трудно было видеть.

По этой причине опытные кавказские командиры не сумели предупредить графа М. С. Воронцова о причудах и превратностях природно-климатических условий горной страны. Потому с 6 по 13 июня русские столкнулись с неприятелем, гораздо опаснее многих Шамилей вместе взятых.

Потоки дождя, которые продолжались по несколько часов или даже целые сутки проникали не только под одежду, но и в палатки, которые стояли в лужах. Многих участников похода неприятное ощущение холода и нервное содрогание лишало сна, что усиливало общую усталость.

Ужасная стужа, мороз и снег в летние месяцы атаковали русский отряд. Лошади и рогатый скот бродили с места на место и старались кое-как из-под снега добыть себе несколько щепоток корма. Многие из них, особенно черводарские лошади (черводары – нанятые для экспедиции проводники из туземцев с месячной оплатой с лошадьёю и выюком), бродившие без всякого присмотра, обрывались с круч и разбивались насмерть²¹⁸.

²¹⁷ Воспоминания графа К. К. Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года. С. 247.

²¹⁸ Андреевский Э. С. Указ. соч. С. 499.

Особенно пострадал от холодов и снега отряд генерала Д. В. Пассека, сначала удачно атаковавший горцев и выбивший их с горы Анчимеер, которую защищало около 3000 мюридов, а затем своевольным изменением операционного плана поспешно занявший гору Зунумеер. Там он оказался практически в изоляции.

Несмотря на «блистательное Анчимеерское дело и на удачные после него перестрелки»²¹⁹, окончательный результат оказался неожиданным. После занятия исполинской горы, покрытой снегами, на которой лошади пропадали с голоду, а люди стояли без дров и без воды, несколько сот человек оказалось с обмороженными ногами, а более половины лошадей, на которых возили провиант, пропали²²⁰.

Среди представителей кавказской армии не было согласия по поводу данных действий генерала Д. В. Пассека. Его обвиняли в чрезмерном честолюбии и безрассудстве, которые привели к тому, что он не только поморозил людей, но оторвал авангард от главных сил, подвергая его опасности быть разбитым до подхода главных сил, хотя предпринимавшиеся горцами против него атаки и были отбиты штыками.

Его однокурсник по Военной академии Н. И. Дельвиц извинял своего друга, так как «отличительной чертой Д. В. Пассека было то, что он не мог идти наравне с другими, а непременно хотел быть впереди»²²¹.

В европейской войне, по мнению К. К. Бенкендорфа, Д. В. Пассек обратил бы на себя внимание и прославил бы русскую армию, но на Кавказе он был именно тем военачальником, каким там не следовало быть. На Кавказе ничем нельзя рисковать и никогда нельзя было рассчитывать «на авось». Здесь, при всяком предприятии, надо было быть уверенным в силе удара: всякое действие должно было быть спокойно и осторожно взвешено, так как в этом крае десять успехов не могли окупить последствий одной ничтожной неудачи²²².

Наконец в действиях Д. В. Пассека не было целесообразности, поскольку прежде занятая позиция на горе Анчимеер уже обеспечивала защиту от горцев, занимавших Мичикал и прямую дорогу в Андию. Потому действия Д. В. Пассека оценивались как тактический просчет и следствие неумеренных амбиций быть первым в войсках²²³.

В силу того, что о прошлом приходится узнавать у живших в нем современников-мемуаристов, следует подчеркнуть, что оценка событий прошлого во многом находится в зависимости от глаз мемуариста, а его пристрастия и антипатии уводят далеко от бывших реалий. Но остается неоспоримым то, что русским дорого обошлась победа Д. В. Пассека.

Как бы то ни было, но первая неделя экспедиции вдохновляла. Захват горы Анчимеер и поспешное отступление противника укрепляли надежды на дальнейшие победы. Начало действий графа Воронцова, «к которому и без того войска имели неограниченную доверенность, было увенчано самым блистательным успехом. <...> Граф поехал по лагерю, здоровался с солдатами и с видимым удовольствием принимал их поздравления»²²⁴.

В свою очередь, взятие Анчимеера произвело в горах потрясающее впечатление. Следствием стало оставление горскими отрядами Мичикальского ущелья. Горцы собрались в значительных силах только уже в Андии.

7 июня снова выпал снег. В лагере все терпели холода, но все были все еще веселы: «весьма часто виднелись меж туманов карикатурные движения плясунов, покрытых грязью с ног до головы. Офицеры нагревали палатки спиртом, пили жженку, бушевали и играли в

²¹⁹ Там же. С. 497.

²²⁰ Там же. С. 507.

²²¹ Андреевский Э. С. Указ. соч. С. 499–500.

²²² Письма князя М. С. Воронцова к А. П. Ермолову // Русский архив. 1890. № 1. С. 167.

²²³ Дельвиц Н. И. Указ. соч. С. 411.

²²⁴ Воспоминания графа К. К. Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года. С. 252.

карты, а потом шли в секреты, на караул, в цепи, на работу. <...> Более всех страдала молодая знать, привыкшая к столичной неге и роскоши, но никто не умел так шумно и казарменно проводить свою лагерную жизнь. Бесконечные рассказы и отрывистый хохот, песни и жженка, завтраки, обеды и ужины, карты и даже одна дуэль, которая, впрочем, к счастью, кончилась после первого выстрела»²²⁵.

13 июня приступили ко второй фазе похода – готовились атаковать неприятельские завалы, устроенные им перед входом в ущелье, и занятие Андии. Шамиль продолжал тактику выжженной земли. Он обманом заставил жителей андийских селений покинуть свои жилища, а потом мюриды все их подожгли. Перед позициями русского отряда появились горские всадники. Они то скакали вперед по направлению к русскому отряду, то вдруг бросались обратно. Скоро стало ясно: они не имели намерения противоборствовать русским, они только хотели отвлечь их внимание от бегства жителей андийских аулов, которые с женами и детьми и со всем имуществом уходили, чтобы скрыться в ущельях и лесистых оврагах.

Это сильно подорвало расчеты графа М. С. Воронцова, который надеялся, что с взятием Андийских ворот, андийцы придут с покорностью, а потом их примеру последуют соседние племена. Таким надеждам сильно способствовали несколько знатных андийцев, которые находились в азиатской свите графа М. С. Воронцова. Все они заверяли русских «в ненависти их соотечественников к Шамилю и в преданности к России»²²⁶.

Сражение с горцами произошло 14 июня. Двумя колоннами войска главного отряда русских двинулись по направлению к селениям Гогатль и Анди. У Шамиля было под рукой около 6000 горских бойцов и выгодная позиция для обстрела с высот всего низменного пространства. Сражение длилось в течение всего дня. Горцы отступили. Войска к вечеру расположились лагерем между селениями Анди и Гогатль, вынужденные приостановить дальнейшее свое движение, так как продовольствие было на исходе.

В Петербурге ликовали: задача захвата Андии была решена. Император, вне себя от радости писал графу М. С. Воронцову: «Господь даровал вам и вашим войскам заслуженный успех и еще раз показал, что ничто не может остановить русских, – когда твердой рукой в его помощь они идут туда, куда посылает их царь <...> я не могу сказать с уверенностью, каковы будут последствия этого успеха, но не сомневаюсь, что он будет долговременным и разрушит доселе неизблемую веру во власть Шамиля»²²⁷.

До сих пор экспедиция проходила успешно, хотя Шамиль не был разбит, но он не давал такой возможности. В ожидании прибытия транспортов войска оставались в течение четырех суток без хлеба, получая только немного водки и мяса, и разделяли один сухарь на десятых²²⁸. По мнению К. К. Бенкендорфа, «снабжение было совершенно расстроено быстротой марша и продолжительным ненастьем», которого не предусмотрели²²⁹.

Не было возможности пополнения запасов за счет местных ресурсов, так как Шамиль разграбил или уничтожил все местные припасы. Даже трава была выжжена, и лошадям было еще хуже, чем людям.

Снабжение войск продовольствием есть одно из важных условий их успешных действий в походе. Главнокомандующий только среди гор понял: чем дальше войска будут углубляться в горные пределы противника, тем сложнее будет обходиться доставка им провианта и следовало бы предусмотреть несколько вариантов такой доставки.

²²⁵ Лисицына Г. Г. Даргинская экспедиция 1845 года в мемуарах современников. С. 11.

²²⁶ Андреевский Э. С. Указ. соч. С. 495.

²²⁷ Цит. по: Баддели Д. Указ. соч. С. 280.

²²⁸ А.-Д. Г. Поход 1845 года в Дарго // Военный сборник. Тифлис, 1859. № 5. С. 33.

²²⁹ Бенкендорф К. К. Указ. соч. С. 353.

Горная война была грозным учителем. М. С. Воронцов отметил этот урок: «Если мы когда-нибудь пожелаем прочно утвердиться в Андии, то не со стороны Чиркея и Внезапной можем мы получать наше продовольствие; это почти невозможно летом и совершенно невозможно с осени до весны. Если обстоятельства заставят нас снова быть обладателями этой страны, то надо начать занятием и укреплением Майортупа, как левой оконечности передовой Чеченской линии, потом прорубить в два ружейных выстрела просеку по дороге от Майортупа к Дарго, устроить хороший форт для 4 или 5 батальонов в Дарго, а оттуда до Анди прогулка»²³⁰.

В сложившихся условиях дело снабжения войск уже нельзя было оставлять за черводарами, которых, к тому же, по причине плохой одежды и обуви, около дюжины умерло²³¹.

По приказу М. С. Воронцова организацию бесперебойной доставки продовольствия, фуража и военных припасов к местам дислокации действующих отрядов было поручено опытным людям – генералу В. О. Бебутову и шамхалу Тарковскому, который выделил для соответствующего транспорта 500 подвод²³².

В ожидании транспортов с припасами 20 и 21 июня специальный отряд от главного войска под командою самого главнокомандующего делал вылазку против Шамиля выдвиганием на перевал Речел, отделявший Андию от Ичкерии.

Эта операция должна была решить несколько задач: 1) дать понять противнику, что перевес сил остается на стороне русских войск, т. е. продемонстрировать свою мощь; 2) отвлечь внимание противника от транспортов с продовольствием, которые направлялись к андийскому лагерю; 3) привлечь на свою сторону тех местных жителей, которые бы захотели получить покровительство от русских; 4) внести исправления в топографические карты, которые, как обнаружилось, были далеки от точности²³³.

Хорошо проявила себя в делах грузинская милиция под командою испытанного храбрца князя Л. И. Меликова. Как свидетельствовал К. К. Бенкендорф: «Грузинские милиционеры резко от нас отличались: превосходные пешеходы, почти все поголовно горные жители, они превосходили наших солдат в умении лазить по горам. <...> Грузины вообще отличались поразительной храбростью, переходящей зачастую пределы благоразумия»²³⁴. В дальнейшем отдельные подразделения от главного отряда участвовали в локальных стычках с горцами, которые совершали вылазки и обстреливали лагерь.

Дождавшись подхода большого обоза с припасами, главный отряд, преодолев все трудности пути, 6 июля достиг конечной цели похода – Дарго. После упорного боя авангард под командою генерала К. Я. Белявского спустился к пылающему аулу и занял его. Вместе с авангардом расположился у Дарго биваком главнокомандующий, прибывший вместе с кавалерией. Остальные войска продолжали спуск в течение всей ночи. Таким образом, М. С. Воронцов в точности исполнил начертания императорского плана. Столица Шамиля была взята, и пока все шло хорошо.

Отступая, Шамиль умышленно поджег Дарго, чтобы не отдавать его в руки русских, а затем всю ночь и утро следующего дня обстреливал с гор позиции своего противника. Больше всего ядер долетало в лагерь русских войск от селения Белгатай.

Чтобы прекратить обстрел, главнокомандующий сформировал отдельный отряд под командою генерала И. М. Лабынцева, который сделал вылазку и выгнал горцев из Белгатая и Цонтери, но как только он начал обратное движение, горцы бросились на солдат в шашки, но были остановлены картечным огнем и штыками.

²³⁰ Цит. по: А.-Д. Г. Указ. соч. С. 34.

²³¹ Бенкендорф К. К. Указ. соч. С. 272.

²³² А.-Д. Г. Указ. соч. С. 33.

²³³ Лисицына Г. Г. Даргинская экспедиция 1845 года в мемуарах современников. С. 14.

²³⁴ Бенкендорф К. К. Указ. соч. С. 258.

Скоро снова ухудшилась погода: лил дождь со снегом, и опять начались проблемы с продовольствием. Чтобы не замерзнуть, «солдаты рыли ямы, в которых теснились по три человека: одна шинель служила матрацем, две другие – одеялом»²³⁵.

Остаться в Дарго не было смысла, но и уйти до прихода транспортов с продовольствием и другими припасами было нельзя. В то же время стало известно, что часть обозов по дороге к Дарго были отбиты неприятелем или потеряны в ущельях. Бывшая резиденция имама превращалась в ловушку для войск. Среди солдат начались болезни от холода, недоедания, умирали от голода лошади, заканчивались боеприпасы. Стало так же ясно, что ожидавшийся транспорт с продовольствием не сможет пройти через лес без окончательной его потери. Главкомандующим было принято решение разделить главные силы на два отряда. Один под командованием генерала Ф. К. Клюки фон Клюгенау отправить навстречу транспорту с припасами, чтобы ускорить доставку продовольствия в лагерь. 10–11 июля случилась так называемая «сухарная экспедиция», которая ознаменовалась большими потерями среди солдат и гибелью генералов Д. В. Пассека и В. М. Викторова и доставлением малого количества продовольствия.

Генерал Д. В. Пассек возглавлял авангард отряда Клюгенау. Это стало большой ошибкой, так как привело, в конечном счете, к катастрофе. Д. В. Пассек, всегда следовавший известной заповеди А. В. Суворова «голова никогда не ждет хвост», оторвался от центра колонны, и враги не замедлили этим воспользоваться и вклинились в образовавшуюся пустоту, расстреливая войска со всех сторон²³⁶.

Бой продолжался весь день, и только на закате остатки колонны при помощи арьергарда вырвались на свободное пространство. Катастрофа случилась на следующий день, когда войскам надо было проделать тот же путь в обратном направлении. Генерал Ф. К. Клюки фон Клюгенау чудом остался в живых. Под ним было убито несколько лошадей, «он растерял всю свою свиту, а вместе с ней и свою репутацию. <...> За два дня потери составили: убитыми – кроме двух генералов, 554 человека, ранеными – 770 человек»²³⁷. «Сухарная экспедиция» произвела тяжелое впечатление на войска.

Не получившему продовольствия и подкрепления отряду во главе с графом М. С. Воронцовым ничего не оставалось, как начать приготовление к переходу в Герзель – аул. Возвращение отряда через дремучие Ичкерийские леса сопровождалось необычайными трудностями, связанными с беспрестанными атаками шамилевских бойцов, отсутствием провианта у русских, отягощенных большим обозом с ранеными. Непримиимые горцы всячески осложняли жизнь отряду Воронцова: «Шамиль портил воду в родниках, отступая, завалив родник трупами лошадей»²³⁸.

Войска вынуждены были пройти 5 верст самого трудного леса и с таким географическим местоположением, что «цепи ни справа, ни слева иметь было невозможно почти на всем протяжении»²³⁹.

Русским пришлось штурмовать 23 завала, устроенными горцами на единственной дороге. Завалы были взяты один за другим, но боковые выстрелы горцев на многих пунктах следования сильно вредили войскам. Личным мужеством и разделяя труды и лишения войск, М. С. Воронцов сумел сохранить в них порядок и бодрость духа. Адъютантам приходилось, чуть ли не силой, выводить командующего из-под огня неприятеля. Только М. С. Воронцов

²³⁵ Воспоминания гр. К. К. Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 го-да // Русская старина. 1910. № 10. С. 282.

²³⁶ Баддели Д. Указ. соч. С. 286.

²³⁷ Лисицына Г. Г. Даргинская экспедиция 1845 года в мемуарах современников. С. 19.

²³⁸ Бенкендорф К. К. Воспоминания. 1845 // Осада Кавказа. С. 357.

²³⁹ Письма князя М. С. Воронцова к А. П. Ермолову. С. 167.

смог справиться с задачей командования в столь критические минуты. Он проявил удивительную выдержку, что много способствовало спасению отряда²⁴⁰.

Русские совершили 8-дневный переход из Дарго к Герзель-аулу в беспрестанных столкновениях с горцами. Арьергардом, составленным из солдат Кабардинского полка, командовал генерал И. М. Лабунцев, и его твердость и хладнокровие определили относительно малый урон этой части русского отряда. По мнению англичанина Дж. Баддели: «Лучшие армии мира вряд ли могли пройти через все эти испытания и сохранить мужество»²⁴¹.

Генерал Р. К. Фрейтаг, предвидя возможность такого исхода Даргинской экспедиции, разместил войска между крепостью Грозной и Герзель-аулом. Он выступил без промедления навстречу отряду М. С. Воронцова, как только посланцы графа принесли ему просьбу о помощи, прорвал окружение шамилевских войск, и, встретившись, оба русских отряда вышли на безопасную территорию. Заслуга в этом случае генерала Р. К. Фрейтага была велика. Запоздай он хотя бы на сутки, может быть, последовало совершенное истребление отряда, изнуренного голодом и отягощенного большим количеством раненых²⁴². Шамиль, померявшись силами с генералом Р. К. Фрейтагом, отошел, злясь на своих наивов за то, что они позволили русским уйти.

Оценивая исход экспедиции, М. С. Воронцов писал А. П. Ермолову: «Конечно, результатов больших нет и без какого-либо особого случая быть не могло, но мы повиновались воле Государя и общему мнению в России, и не показаться сего года в горах было бы стыдно»²⁴³.

А. П. Ермолов в ответ передавал М. С. Воронцову мнения бывших кавказских генералов, живших после отставки в Москве, на Даргинский поход. В Москве считали, что лучше было не ходить в горы, нежели главнокомандующему поставить себя в положение быть преследуемому и окруженному. Неудачное предприятие должно непременно возвысить славу Шамиля и даст ему большую власть.

Если требовалось неотлагательное разрушение деревушки Дарго, лучше было поручить то кому-нибудь из генералов, чтобы оставался бы страх перед приходом самого главного начальника, который поправит, «буде бы что не хорошо было сделано»²⁴⁴.

Многие считали, что М. С. Воронцов проявил недопустимое безрассудство, если пять адъютантов вокруг него были подвержены опасности, а ему самому пришлось вынимать саблю в собственную защиту²⁴⁵.

Сам А. П. Ермолов оценивал результаты Даргинской экспедиции, хотя и сдержанно, но в пользу М. С. Воронцова. Он писал своему другу: «Твое значение, твоя известность служат тебе ограждением и недостижимостью. Между тем слишком ощутительно, что ты исполнителем был предначертанной цели. <...> Для тебя хуже, если, по недостатку доверенности, скрыл от меня, что взятие Дарго требовалось настоятельно и безусловно»²⁴⁶.

М. С. Воронцов в ответ на критику о недопустимой для главнокомандующего неосторожности писал А. П. Ермолову: «Я не искал лично лишений опасности; это бы было не свойственно ни летам моим, ни месту мною занимаемому, хотя я не мог не чувствовать, что офицеру и солдату приятно и ободрительно, когда главный начальник не слишком далеко от них находится. Братское, так сказать, отношение во время огня между начальником и войском, особенно таким, как полки Кавказские, не может не иметь хорошего действия. В Ичкерийском

²⁴⁰ Жиль Ф. А. Письма о Кавказе и Крыме. Нальчик: ГП КБР РПК, 2009. С. 206.

²⁴¹ Баддели Д. Указ. соч. С. 291.

²⁴² Ольшеский М. Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003.

²⁴³ Письма князя М. С. Воронцова к А. П. Ермолову. С. 171.

²⁴⁴ Письма князя М. С. Воронцова к А. П. Ермолову. С. 173.

²⁴⁵ Там же. С. 174.

²⁴⁶ Там же.

лесу, и именно оттого более, что неприятель был не сзади, а впереди и по бокам, это само от себя сделалось, и я могу это приписать своему счастью»²⁴⁷.

Обвинения М. С. Воронцову со стороны его явных или тайных недоброжелателей не подтверждаются уже тем, что его популярность в войсках на Кавказе никогда не умалялась до конца его службы в крае. Никто не мог умалить его личной храбрости. Очевидцы похода сообщали, например, что «когда неприятель несколько раз окружал русских, и все командование вместе с Воронцовым и едва не попало в плен, потеряв много людей, пробыв целый день под градом пуль, русские возвращались в главную квартиру. По дороге ежеминутно свистали пули рассыпавшегося в кустарнике неприятеля. Все, насторожившись, переглядывались и осматривались, один только Воронцов спокойно ехал на своей измученной лошади. А ему в то время минуло за 70 лет, в тот день он, как и все, ничего не ел, не слезал с лошади и все время находился в самом опасном месте»²⁴⁸.

Даргинская экспедиция вышла за рамки обычных событий, а слухи о ней всколыхнули российскую общественность. Всплеск общественного внимания был вызван огромными потерями в войсках: из 12-тысячного отряда около трети было убито и ранено.

Несмотря на то что Даргинская экспедиция не достигла всех предписываемых ей целей и стоила больших потерь, император Николай I был благодарен М. С. Воронцову за то, что тот старался его план реализовать, а затем, после неудачи, не запятнал его имени, приняв всю ответственность на себя. Отсюда высокая оценка действий М. С. Воронцова – княжеский титул за Даргинскую экспедицию.

В то же время официальный Петербург должен был выйти из положения, не роняя престижа. В результате российское общество получило официальное объяснение: несмотря на тяжелые условия и опасности, перенесенные войсками, наконец дано понять горцам, что русские войска способны проникнуть на территорию, считавшуюся до сих пор недоступной²⁴⁹.

Эти выводы, по мнению официального Петербурга, должны были положить конец нежелательным толкам и пересудам, однако они не удовлетворили общество, и интерес к Даргинской экспедиции сохранялся на протяжении еще многих последующих лет.

Почему так много шума было поднято вокруг Даргинской экспедиции в российском обществе и, прежде всего, в Москве и Петербурге? Почему столь острой была реакция на неудачу? Разве не было неудач прежде? Разве неудачи прежних лет, например, 1842–1843 гг., были менее чувствительными, а потери в людях или материальной части лишь немногим уступали тем, что были в 1845 г.?

Дело, как кажется, заключалось в том, что к 1845 г. совпало несколько составляющих одновременно:

– во-первых, поход в горы был связан с назначением на Кавказ известного своими успехами на прежних поприщах графа М. С. Воронцова, призванного кардинально улучшить положение дел на Кавказе. К 1844 г. многие чувствовали, что «наше дело было проиграно, и мы стыдились своего бессилия. Все желали, надеялись и с нетерпением ожидали события, которое изменило бы это печальное настроение умов»²⁵⁰.

Этим событием сначала стал приезд на Кавказ наместником М. С. Воронцова, который в данном случае выступал в роли «спасителя», что уже само по себе рождает пристрастное внимание как доброжелательной, так и злорадной публики;

²⁴⁷ Там же. С. 180.

²⁴⁸ Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания. Л.: Художественная литература, 1988. С. 508.

²⁴⁹ Лисицына Г. Г. Даргинская экспедиция 1845 года в мемуарах современников. С. 24–25.

²⁵⁰ Воспоминания графа К. К. Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года // Указ. соч. С. 228.

– во-вторых, широкомасштабные приготовления и большие материальные затраты порождали завышенные ожидания непрямого успеха и перелома ситуации однозначно в пользу имперских целей в регионе;

– в-третьих, что являлось самым главным, экспедицию инициировал, вдохновлял и курировал император, чья заинтересованность проявлялась настолько ярко, как того никогда не было ранее.

Вокруг итогов экспедиции так же развернулась борьба мнений и эмоций, что, в частности, вылилось в споры по численности войск, участвовавших в походе, или понесенных сторонами потерях; о степени успеха или предрешенности негативного финала²⁵¹.

Даргинскую экспедицию рассматривали как трагедию, предрешенную обстоятельствами, или как фиаско Петербурга и графа М. С. Воронцова лично. Многие видели в ней катастрофу. За всем этим стояла досада и разочарование одних и злорадное торжество других²⁵².

Следует признать, что Даргинская экспедиция 1845 г. явилась серьезной военной неудачей российских войск. Веселой прогулки в горы не получилось. Но видеть в ней катастрофу или только негативные результаты было бы чрезмерным преувеличением. Не удался конкретный план действий, далекий от реальностей кавказских условий, и тот только в последней фазе его реализации, но последствий позитивных приобретено было так же предостаточно. Странным кажется данное отношение к важному событию Кавказской войны, ставшему ее поворотным моментом, своеобразной точкой отсчета новой эры в кавказских делах.

Ход и последствия экспедиции привели к коренному пересмотру стратегии и тактики командования Кавказской армии в борьбе с «немирными» горцами, став суровой школой, в которой получили свои уроки все.

Разбирая эти уроки даргинского похода, Р. А. Фадеев указывал: «Частная цель экспедиции была достигнута, но вместе с тем оказалось, что подобный успех не ведет ни к чему. Нравственного потрясения подобное занятие не производило, потому что неприятель знал, что чем дальше мы зайдем, тем скорее должны будем воротиться. Материальных результатов тоже не могло быть, потому что нашему отряду принадлежало только место, на котором он стоял. Пройденное пространство смыкалось за нами враждебным поясом. <...> Углубившись в горы, мы не могли оставаться в занятых пунктах, так как неприятель стоял на наших сообщениях; самая страна не представляла никаких средств для продовольствия войск, а посылать за провиантом отдельные колонны, в виду горцев, стороживших каждый наш шаг, значило по большей части посылать их на гибель <...> Вторжения в горы, даже с многочисленным войском, постоянно оказывались бесплодной военной прогулкой, стоившей каждый раз нескольких тысяч жертв»²⁵³.

М. С. Воронцов в ходе экспедиции убедился, что «не горы Дагестана, а обладание плоскогорьем Чечни служит ключом к водворению спокойствия и нашей власти в восточной части Кавказа; что до совершенного занятия Чечни всякое движение в Нагорный Дагестан будет существенно вредно и опасно для нас, как влекущее за собой убыль в людях, нерешительность действий экспедиционного корпуса и увеличение нравственных сил неприятеля»²⁵⁴.

Чечню же можно покорить, только прорубив широкие просеки в ичкерийских лесах, чтобы иметь возможность открытого пути во все ее части.

²⁵¹ *Блиев М. М.* Указ. соч. С. 521; *Баддели Д.* Указ. соч. С. 278; *Лисицына Г. Г.* Поход гр. М. С. Воронцова в резиденцию Шамиля Дарго и «сухарная экспедиция» (1845 год). Приложение // *Гордиш Я. А.* Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000. С. 347.

²⁵² «Даргинская трагедия. 1845 год» / сост. текстов Г. Г. Лисицыной. Комментарии, указатели Б. П. Миловидова. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001.

²⁵³ *Фадеев Р. А.* Кавказская война. М.: Эксмо, 2003. С. 130.

²⁵⁴ *А.-Д. Г.* Указ. соч. С. 34.

Каждая из различных местностей Кавказа имеет свою, только ей присущую природу, свойства, тип, которые требуют и особых способов ведения войны. «На Кавказе, прежде чем действовать, надо изучать ту или иную местность – местодействия»²⁵⁵.

Неразбериха со снабжением войск – это вина штабов, следствие поверхностной мысли и игнорирования реалий горной войны. К штабной работе нельзя допускать тех, кто не проходил школы Кавказа.

Не допускала горная война и нервной торопливости, неосмотрительности, отсутствия маневра и обусловленной обстоятельствами и природой края подвижности.

На Кавказе все специализируется: как свойства и качества войск, так и офицеров, что является необходимым по причине различия природы и свойств разных местностей края и условий войны. Не понимая этого, граф М. С. Воронцов понапрасну изнурял войска, посылая апшеронцев и навагинцев драться в лесах, тогда как они были мастерами горного маневра, а специалистов по лесным маневрам – солдат Куринского и Кабардинского полков изнурял в горах. Попадая в непривычные условия, солдаты, несмотря на свои старания и храбрость, быстро уставали, а их действия теряли необходимую эффективность²⁵⁶.

Немалую выгоду получила российская сторона от тех процессов, которые были рождены Даргинской экспедицией в Имамате. Несмотря на успех, которого добился Шамиль на брани, его так же постигли как немалые людские и материальные потери, так и еще большие потери политического характера.

Гибель нескольких особо доверенных имаму наибов, таких как Суаиб – наиб Большой Чечни, Мухаммад-мулла – наиб Мичиковский, Мааш – наиб Шубутовский, Саад-Уллу – наиб Малой Чечни привела к политической нестабильности в управлении Имаматом и ослабляла позиции самого имама в чеченских обществах. В боях погибли также и дагестанские наибы – Лабазан Андийский, Шахмандар Технуцальский, Хаджи-бек Салатовский²⁵⁷. Можно констатировать, что имам лишился большей части наиболее мотивированных идей мюридизма пассивариетов, носителей и реализаторов этой самой идеи.

Каждое такое сражение сокращало абсолютную численность наиболее активных и знаковых фигур Имамата, критически истощало силы и возможности мюридизма.

Кроме того, произошло общее ослабление централизации, к которой так стремился имам. Шамиль своими руками отнимал у себя власть, предоставляя наидам неограниченные полномочия в своих вилайетах. Усиление жестокости и репрессий по отношению горского населения накануне начала Даргинского похода русских увеличило число несогласных и личных кровников имама, ждавших своего часа и случая, чтобы совершить долг мщения.

По существу, Даргинский поход по своим последствиям в горах был сродни с социально-политическим переворотом, поколебав социально-политические основания горской государственности.

Этот поход и для русских явился завершающим аккордом в затянувшемся поиске приемлемого политического курса, который предпринимало правительство на протяжении последних десятилетий в регионе. Цена этого опыта была велика, но иных рецептов решения проблемы тогда не нашли.

Император с воодушевлением благодарил М. С. Воронцова за его усилия и преданность и высоко оценил действия войск и наместника, несмотря на все известные результаты Даргинской экспедиции. Следует думать, Николай I считал себя обязанным перед Кавказским наместником, потому что М. С. Воронцов взял на себя всю ответственность и отвел от имени императора все порицания. Это во многом объясняет ту степень доверия и благодарности, которую М.

²⁵⁵ Бенкендорф К. К. Воспоминания. 1845 // Осада Кавказа. С. 334.

²⁵⁶ Бенкендорф К. К. Указ. соч. С. 253.

²⁵⁷ АКАК. Т. X. С. 397.

С. Воронцов получил от монарха, уверившегося окончательно в правильности своего выбора. Без всех этих факторов еще долго не наступило бы перемен в кавказских делах.

После Даргинской экспедиции было принято решение отказаться от масштабных наступательных действий в северной части Кавказа. Ставка была сделана на медленное и поступательное преобразующее продвижение в горы, сооружение постоянных укреплений, постройку дорог, мостов и другой инфраструктуры, а также вырубку лесов.

Таким образом, Даргинская экспедиция сыграла важную роль в определении приоритетов и стратегии по умиротворению Кавказа.

В Петербурге, где до самозабвения увлекались идеей захвата резиденции Шамиля, что должно было повести к прекращению горского сопротивления и гибели мюридизма, увидели всю ошибочность ее, поскольку данная трактовка выросла из недостаточного знания условий Кавказа и нравов его обитателей. Петербург был озадачен тем обстоятельством, при котором несмотря на то, что цели экспедиции были достигнуты, не было получено ожидавшихся результатов.

Наконец, М. С. Воронцов своим хладнокровием и распорядительностью в сложных условиях отступления обескровленных войск сумел сохранить в них порядок и даже бодрость духа, что способствовало спасению остатков отряда.

2.3. Военные действия на Кавказской линии

Поняв ошибочность прежней стратегии и доверяя гораздо больше князю М. С. Воронцову, Николай I избавил его от мелочной опеки и дополнительных обязывающих инструкций, предоставив ему полную свободу действий и обещая отказаться от практики руководства военными операциями из центра, но за ситуацией на Кавказе продолжал внимательно следить.

После встречи в Севастополе летом 1845 г. император согласился с М. С. Воронцовым, что необходимо не просто отказаться от обанкротившейся стратегии «штурма» в покорении Кавказа, но перейти к более эффективному варианту, ростки и пробы которого уже прежде были в арсенале прошлых лет, но по разным причинам не приобрели приоритетного значения. Князь имел в виду использовать «осадную» стратегию методического и постепенного завоевания. «Отказавшись от каких-либо иных обещаний, кроме как посвятить всего себя предстоящей долгой и тяжелой работе, Воронцов оставил царю единственный выбор – запастись терпением»²⁵⁸.

И, хотя в ближайшие годы после Даргинского похода, заметного перелома в ходе Кавказской войны не произошло, однако наместник строго придерживался избранной им линии. Сначала без больших трудов перевел войну в «позиционное» русло²⁵⁹ и, не отвлекаясь на организацию больших экспедиций, принялся методически осаждать имамат с трех сторон, отделив Северо-Восточный Кавказ от Северо-Западных территориями, прочно контролируемые российскими властями.

В глубины Дагестана русские стали проникать без особенной торопливости, но зато это было движение безвозвратное. На правом фланге Кавказской линии наместник возводил новые кордонные линии и расширял их районы. Помня уроки прошлого, М. С. Воронцов повел наступление на имамат с территории Чечни.

Российская сторона очищала местность, рубила просеки, разбрасывала дороги по стратегически важным направлениям, одним словом, стремилась «раскрывать неприятельскую страну так, чтобы впоследствии можно было проходить ее без больших усилий»²⁶⁰. Горцы, лишавшиеся таким образом своих естественных прикрытий, должны были либо покориться, либо уходить все дальше в горы, что они и делали.

Наместник довольно скоро, однако, понял, что даже при достижении отдельных и частных целей нельзя было коренным образом переломить ситуацию в свою пользу, так как нельзя было «расчистить все ущелья, занять все аулы такой обширной страны – это превосходило средства самой многочисленной армии и требовало веков для своего исполнения»²⁶¹.

В данном случае следует согласиться с мнением М. М. Блиева, что для российской стороны имело значение не только определение принципов ведения войны с Шамилем, но и установление главного направления силового давления на имамат²⁶². Вопрос был чисто стратегический и состоял в том, «чтобы, не раздробляя сил и не рассыпаясь в достижении частных целей, <...> уметь отыскать самые чувствительные для неприятеля места и бить в них массой»²⁶³.

Для того чтобы приступить к покорению гор, надо было заранее продумать и взвесить все свои шаги в их строгой последовательности. М. С. Воронцов это также хорошо помнил со времени все в той же злополучной экспедиции в Дарго. В горах и лесах дороги прокладывались

²⁵⁸ Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: Русская панорама, 2001. С. 179.

²⁵⁹ Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: Русская панорама, 2001. С. 179.

²⁶⁰ Фадеев Р. А. Указ. соч. С. 131.

²⁶¹ Там же.

²⁶² Блиев М. М. Указ. соч. С. 526.

²⁶³ Фадеев Р. А. Указ. соч. С. 132.

медленно и с громадными усилиями и затратами (материальными и людскими), потому «ошибочный выбор направления одного только отряда стоил бы года потерянного времени и многих напрасных жертв»²⁶⁴. Чтобы не ошибаться, надо было предвидеть ход событий на несколько лет вперед. Именно в этой связи верное стратегическое направление было не только главным, но «исключительным условием успеха»²⁶⁵ для русских.

Таким направлением стала Чечня, так как для М. С. Воронцова (это приходится повторять от раза к разу) уже во время Даргинской экспедиции слишком очевидной стала большая зависимость имамата от Чечни. Школа и уроки Дарго прочно отпечатались в памяти наместника.

В соединении с той внутренней и нравственной ответственностью перед императором и российским обществом, которую он приобрел, добившись беспрецедентной свободы действий, осуществление данной стратегии требовало не только большого таланта и сосредоточенности, но неиссякаемой энергии, предпочтения эффективным, но малополезным тактическим победам, проведения длительной и каждодневной работы по созданию предпосылок для полного покорения Кавказа в будущем.

По приказу наместника стали возводиться на всех территориях, граничивших с немирными горцами, крепости, прокладываться дороги и рубиться просеки в дремучих лесах, чтобы иметь возможность свободного доступа в районы военной активности горцев и их блокады.

Разъясняя действия М. С. Воронцова, Р. А. Фадеев впоследствии писал: «Имея дело с неприятелем, силы которого состояли не в армии, а в самом населении <...> мы должны были заставить его постоянно быть под оружием, чтоб отнять у страны работников, а стало быть, и средства к довольствию и возможность постоянно содержать сильные сборы пред нашими аванпостами. <...> Постоянно оттесняемые нашим наступлением, не имея времени работать в поле, теряя каждый месяц часть своих пашен и пастбищ, выгоняемые зимой на мороз с семьями, горцы стали видеть в войне уже не удалую потеху, а бедствие»²⁶⁶.

Добиваясь своими действиями понимания среди горцев, что их положение день ото дня будет становиться только хуже, русские надеялись, в конце концов, сломить их сопротивление.

Вместо разовых экспедиций предшествовавшего периода времени с конца 1845 г. началось общее, непрерывное наступление на позиции горцев, «отчего вдруг явно выказалось преимущество постоянной армии» перед военной организацией горцев, которые не могли выдерживать слишком продолжительных походов, потому что должны были «сами содержать себя полевою работою»²⁶⁷.

При этом покорение кавказских гор, как восточных, так и западных, по мнению Р. А. Фадеева, требовали не только «необычайной энергии со стороны руководителей, и не только мужества, и опытности, но еще безграничного самопожертвования со стороны войск»²⁶⁸.

Горские общества, воинственные, сильные именно отсутствием всякой централизации, которых «потому невозможно было сокрушить одним ударом, а приходилось покорять человека за человеком». Люди эти «мужеством равнялись европейцам, а превосходство регулярной армии оказывалось часто бесплодным в дикой местности, где нельзя было действовать сомкнутым строем. <...> Кавказ <...> был в военном отношении открытием особого рода», а сложные местные природные условия «сбивали с толку самых опытных военных людей»²⁶⁹.

²⁶⁴ Фадеев Р. А. Указ. соч. С. 132.

²⁶⁵ Там же.

²⁶⁶ Там же. С. 132–133.

²⁶⁷ Фадеев Р. А. Указ. соч. С. 135.

²⁶⁸ Там же. С. 129.

²⁶⁹ Там же. С. 128.

Природные и климатические условия Кавказа были одним из главных «противников» русской армии в Кавказском крае, а также одной из существенных причин поддержания продолжительности войны в регионе. Природа Кавказа была «противником» русских, всецело стояла на стороне горцев. То, что «русским приходилось преодолевать и разрушать, для горца служило защитой и прикрытием»²⁷⁰.

Природные условия Кавказа ставили перед русской армией новые и неожиданные задачи, которых прежде почти не возникало вовсе. Русское командование столкнулось с необходимостью раздробления сил из-за невозможности или чрезвычайных трудностей использования больших воинских контингентов в условиях горнолесной местности.

Армия в лесу становилась «слепой» из-за незнания местности и отсутствия надежных карт, а также неумения ориентироваться и действовать в лесных чащобах. Горцы вынуждали каждого солдата на единоборство, к которому тот был плохо подготовлен и технически, и психологически. В горнолесной местности регулярная армия теряла свое преимущество над иррегулярными неприятельскими отрядами²⁷¹.

В гористой и покрытой лесами местности война усложнялась и требовала большого искусства от каждого солдата и офицера. В лесу мало пользы было и от пушек. Бой там раздроблялся на массу индивидуальных стычек, в которых горцы, виртуозно владевшие холодным оружием, получали заметное преимущество.

Движение войск по горнолесной местности на Северном Кавказе изматывало войска, потому что во многих случаях солдатам приходилось все необходимое нести на себе. Дорог, пригодных для колесного транспорта, почти не было, а там, где они существовали, из-за неровности рельефа на каждом подъеме или спуске солдатам приходилось втаскивать или удерживать на руках обозную фуру или пушку, чтобы они, раскатившись, не покалечили лошадей и не свалились в пропасть²⁷².

В Кавказской войне леса, таким образом, становились одним из неудобнейших и опаснейших препятствий для русских войск. Неприятель, хорошо знавший свои леса, выросший в них, умел стойко обороняться и наносить ощутимый урон войскам, вынужденным действовать в горных лесах обстоятельствами войны.

Из всех горских народов, по словам М. О. Ольшевского, участника тех событий, «чеченцы были наиболее искушенными защитниками своих лесов»²⁷³.

Много солдат пало во время знаменитого сражения на речке Валерик в 1840 года в прибрежных зарослях, «куда по излишней горячности влезли атакующие полки»²⁷⁴.

В дебрях, у селения Шали чеченцы устроили кровавую баню отряду генерала Галафеева в 1841 г. Огромные потери понес и отряд генерала П. Х. Граббе в Ичкерийском лесу в 1842 г. В истории завоевания Кавказа лесные бои с чеченцами по важности уступали лишь горным боям с дагестанскими племенами. Они даже обошлись России дороже и привели к значительно более тяжелым последствиям²⁷⁵.

Перечисленные события и трудности ведения военных действий в условиях горно-лесистой местности только подчеркивали и подтверждали то мнение, что лесной бой принадлежал к числу труднейших и опаснейших операций на войне, а картина боя в вековом чеченском лесу представлялась просто ужасающей.

²⁷⁰ Лапин В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008. С. 109.

²⁷¹ Там же. С. 111.

²⁷² Лапин В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008. С. 114.

²⁷³ Ольшевский М. Я. Указ. соч. С. 184.

²⁷⁴ Лапин В. В. Указ. соч. С. 112.

²⁷⁵ Баддели Д. Указ. соч. С. 37.

По мнению А. Юрова, «здесь управление войсками невозможно, и начальству оставалась одна надежда на беззаветную доблесть и боевую сметку солдата. Неприятель был невидим, а между тем, каждое дерево, каждый куст грозили смертью. Едва разорвется цепь или часть ослабеет от убыли, как точно из земли выростали сотни шашек и кинжалов, и чеченцы, с потрясающим даже привычные натуры гиком, бросались вперед. Хороший отпор – и все снова исчезает, только пули градом сыпятся в наши ряды, но горе, если солдаты терялись или падали духом: ни один из них не выносил своих костей из лесной труппы»²⁷⁶.

Подобного рода события помогли М. С. Воронцову выработать более целесообразный план войны, при котором уже не могло быть таких страшных жертв, как прежде, а также найти действенное противоядие упорству горцев, стремившихся превратить свои леса в неприступные крепости. Краткая формула этой новой борьбы была такова: Кавказ нужно покорять не одним штыком, но и топором²⁷⁷.

М. С. Воронцов был уверен, что непроходимость путей сообщения составляла одну из главных преград для покорения края. Кроме того, горцы, чтобы снизить негативный эффект от уничтожения русскими их хлебных полей, стали располагать свои поля на небольших участках, расчищенных в глубине лесов, перейдя от культивирования пшеницы или проса к возделыванию кукурузы. Кукуруза давала с небольших участков очень высокие урожаи и обеспечивала людей необходимым продуктом, а скот – прокормом. В результате сводилась на нет возможность принуждения чеченцев к покорности с помощью голода²⁷⁸.

Еще одним неприятным результатом для русских властей стал уход горского населения с открытых пространств в леса в ответ на опустошительные экспедиции войск. В глубине лесов или за их труднопроходимой стеной обустраивались новые чеченские хутора, становившиеся базами для всех непокорных и непримиримых противников русских. Этого не предусмотрели, несмотря на опыт прежних сношений с горцами, или не сумели предотвратить такой ход событий из-за нераспорядительности. Хотя для самих горцев данное положение вещей не стало панацеей и имело скорее отложенный эффект, затягивая, но не предотвращая негативную для них развязку.

Для того чтобы отнять у горцев «все их способы к спасению и сопротивлению, необходимо было открыть их лесные твердыни», а потому, «признавая, что вернейшее средство к постепенному покорению всей Чечни есть проложение путей, дабы доставить возможность отрядам нашим двигаться во всякое время и по всем направлениям, после военных действий 1845 г. приступлено было зимою с 1845 на 1846 г. к рубке лесов и расширению просек»²⁷⁹. Экспедиции предпринимались в Чечню осенью и зимою, «когда лист спадет с дерева», а в Дагестан, «где рано падает снег и движение становится невозможным – летом»²⁸⁰.

Реализация этой системы позволяла наместнику медленно, но верно «отрывать от имамата части Чечни»²⁸¹. В данное время борьба шла еще за чеченскую плоскость, и дело ограничивалось отдельными участками.

Войска начали планомерную рубку просек, которые позволяли проникать вглубь неприятельской территории. Просеки прорубали для прохода войск шириной в 400–600 метров, достаточной для того, чтобы неприятель не мог причинить им вреда своим ружейным огнем. Войска передвигались посередине такой просеки, что уберегало их от внезапных нападений со стороны горцев, могли эффективно использовать артиллерию и действовать сомкнутым

²⁷⁶ Юров А. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // Кавказский сборник. Тифлис, 1886. Т. 10. С. 305–306.

²⁷⁷ Огарков В. В. Воронцовы. Указ. соч. С. 88.

²⁷⁸ Лапин В. В. Указ. соч. С. 90.

²⁷⁹ Шербишин М. П. Биография генерал-фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова. СПб., 1858. С. 278.

²⁸⁰ АКАК. Т. X. Введение. с. IX.

²⁸¹ Покровский Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: РОСПЭН, 2009. С. 474.

строим, т. е. пользоваться преимуществами открытой местности, которых они лишались в лесах.

Князь М. С. Воронцов поставил это средство борьбы с непокорными горцами на систематическую основу с 1846 г., сначала в Малой, а потом в Большой Чечне. Каждая масштабная операция в лесных районах сопровождалась устройством просек, как в Европе штурм крепости предварялся рытьем осадных траншей²⁸². Наиболее важные просеки приходилось регулярно прочищать, поскольку за 5–6 лет они снова зарастали густым кустарником.

В декабре 1845 г. назначены были рубить просеки два отряда. Первый – под командою генерала Р. К. Фрейтага, состоявший из 10 батальонов и 14 орудий, имевший назначение рубить просеку в Гойтинском лесу; второй – под командою генерала П. П. Нестерова, состоявший из 8 батальонов, 1 рабочей роты, 10 сотен кавалерии, 8 орудий и осетинской и назрановской милиции²⁸³.

Таким образом, рубка просек была не простой работой, а разновидностью войсковой операции. Российская сторона такими действиями имела целью «лишить Шамиля опоры в чеченских обществах»²⁸⁴.

Российские войска с помощью просек «систематически оказывали вооруженное давление на местное население, вынуждая его переселяться к Тереку и Сунже»²⁸⁵. За сравнительно короткое время удалось «покорить» «до 3 тысяч семейств», многие из которых были поселены рядом с российскими укреплениями – Воздвиженским, Грозной, Назрановским, Нестеровским²⁸⁶.

Неприятель не оставался спокойным зрителем вреда, наносимого ему русскими. Большой отряд во главе с Яхья-Хаджи, одним из лучших набов Шамиля, окружил лагерь, в котором располагались русские войска. Командиру Навагинского пехотного полка барону И. А. Вревскому на возвратном пути с Фартранги пришлось выдержать отчаянное нападение неприятеля, но все его натиски были войсками удачно отражены. Не меньше пришлось потрудиться и барону П. П. Меллеру-Закомельскому, стоявшему во главе колонны, возвращавшейся с подъемными лошадьми в отряд из крепости Воздвиженской. Однако и тут все усилия Яхья-Хаджи были тщетны, и даже отчаянная храбрость чеченцев не смогла поколебать стойкости солдат²⁸⁷.

И хотя, по мнению Н. И. Покровского, чеченские столкновения, по сравнению с дагестанскими, кажутся мелкими и имеющими второстепенный характер, «на самом деле именно здесь решаются судьбы имамата»²⁸⁸. Шамиль не мог не понимать опасности, происходившей от действий русских. Князь Воронцов постепенными мерами стремился «разрушить его влияние и оторвать от него чеченцев, без которых он ничего не будет значить»²⁸⁹.

М. С. Воронцов не был первопроходцем в деле рубки просек, но кровавый опыт его предшественников и общий опыт горной войны указал необходимость такого рода действий. При войне в горной местности никогда нельзя заходить в ущелья, предварительно не овладев господствующими высотами. Это помогало избежать засад, на которые были горазды чеченцы, угрожая истребить войска, опрометчиво вошедшие в горнолесные чащобы.

Печальным примером для князя Воронцова служила уже поминавшаяся экспедиция генерала П. Х. Граббе 1842 г.²⁹⁰ и его же собственная Даргинская экспедиция 1845 г., когда

²⁸² Латин В. В. Указ. соч. С. 113.

²⁸³ АКАК. Т. X. С. 472.

²⁸⁴ Блиев М. М. Указ. соч. С. 526.

²⁸⁵ Там же.

²⁸⁶ АКАК. Т. X. С. 474.

²⁸⁷ АКАК. Т. X. С. 473.

²⁸⁸ Покровский Н. И. Указ. соч. С. 474.

²⁸⁹ Там же. С. 475.

²⁹⁰ РГВИА. Ф. 62. Генерал от кавалерии П. Х. Граббе. Оп. 1. Д. 79. 1811–1861 гг.

русские войска понесли весьма чувствительные потери, а горцы воодушевились результативностью своих действий в лесах.

Безжалостный противник преподал уроки, которые князь Воронцов хорошо усвоил. Чтобы проходить через леса с меньшими потерями и иметь возможность проникать в их глубины, необходимость указала средство – прорубать просеки в лесных чащобах.

Ранее князя Воронцова так поступали генералы А. П. Ермолов и А. А. Вельяминов при первоначальном покорении Чечни. Однако прежде, при Ермолове и Вельяминове, рубка лесов производилась только в тех местах, где встречалось со стороны неприятеля особенное сопротивление. Так рубили лес в Ханкале, возле Герменчука, Гельдигена и Майортупа, «потому что в тех местах встречались с неприятелем, собиравшимся в большом числе, и что, по густоте леса, нельзя было пройти через него. Притом вырубался орешник и кустарник на расстоянии ружейного выстрела. Рубки такого рода были непродолжительны и производились, по мере движения наших войск, летом и зимою»²⁹¹.

Совсем иначе производилась рубка лесов при князе М. С. Воронцове. Просеки прокладывались не для прохода только войск в определенный момент, или для известного случая, а служили постоянным и надежным сообщением. По этой причине уже нельзя было прокладывать просеку как-нибудь, а нужно было срубить деревья до основания. Ширина просеки также была иной – в две-три версты, чтобы обеспечить безопасность проходящим по ней колоннам не только от ружейного, но и от артиллерийского огня со стороны неприятеля²⁹².

Опытность кавказских офицеров подсказала князю М. С. Воронцову, что рубка просек должна производиться не иначе как зимой. Неприятель зимой «по своей ветхой одежде и обуви», при отсутствии подножного корма и при недостатке продовольствия не мог оставаться долгое время в сборе и препятствовать силой рубщикам леса.

Зимой безлиственный лес не позволял неприятелю неожиданно и скрытно подбираться к войскам, быстро обнаруживался и был менее опасен «нам нечаянными нападениями». Наконец, «лес скорее рубился и уничтожался рубщиками именно зимой, необходимый для костров, особенно при больших морозах»²⁹³.

Войска обычно приступали к рубке просек после предварительной рекогносцировки. Войска выступали за два часа до рассвета с тем, чтобы в темноте не только дойти до места намечаемой просеки, но и беспрепятственно занять ту часть леса, которую, в продолжения дня, можно было вырубить. Для ускорения работ отряд рубщиков располагали при начале вырубки внутри леса. Рубщики прорубали просеку в избранном направлении от центра к окраинам лесного массива, работая под прикрытием вооруженных команд, которые отражали неприятеля, стремившегося не допустить порубки леса.

На таких основаниях производились рубки просек в Гойтинском и Гехинском лесах, а также в Шалинском лесу. Просеки прорубались в стратегически важных направлениях, соединялись в систему коммуникаций, позволявших войскам быстро достигать тех мест, присутствие войск в которых было необходимо.

Таким образом, рубка просек была опасным и тяжелым делом, сопровождавшимся жаркими перестрелками и атаками конных отрядов неприятеля на российские войска, располагавшиеся в лесах. Обе стороны несли большие потери в людях. Особенно опасным был момент выхода войск и команд рубщиков из леса. При выходе колонны из леса неприятель преследовал ее с особенным ожесточением и даже «покушался броситься в шашки», но картечь русских пушек останавливала его²⁹⁴.

²⁹¹ Ольшевский М. Я. Указ. соч. С. 184.

²⁹² Ольшевский М. Я. Указ. соч. С. 184.

²⁹³ Там же. С. 185.

²⁹⁴ Там же. С. 188.

Опыт противодействия русским отрядам привел к тому, что для эффективности отражения покушений на рубку просек горцы стали стараться занимать леса ранее подхода к ним рубщиков и открывать огонь по русским командам, находившимся на открытых местах, скрываясь за деревьями. Сделав залп из ружей, они бросались со своими длинными кинжалами и пашками на «урусов», но отбрасывались назад штыками. Эти атаки после ружейных залпов повторялись несколько раз, и только стойкость и не меньшая решимость русских войск, приносивших большую потерю нападавшим горцам, заставляла, в конечном счете, их отступить.

Потому, как уже отмечалось ранее, новая стратегия наместника представляла гораздо больше опасности имамату, чем все прежние ширококомасштабные экспедиции. Она как нельзя лучше была понята Шамилем и «вызвала его на самые энергические против нас действия»²⁹⁵.

В 1846 г. Шамиль начал тайную подготовку большой операции против русских²⁹⁶. Во второй половине апреля в Шали и Шубуте по его приказу собирались большие силы горцев²⁹⁷. В то же время российское командование, хотя и получило сведения об этом сборе, не имело точного представления о направлении, по которому намеревался нанести удар Шамиль. М. Гаммер считал, что имаму удалось ввести в заблуждение князя М. С. Воронцова и М. З. Аргунтинского, которые были убеждены, что «главной целью Шамиля станет Акуша в Центральном Дагестане»²⁹⁸. В результате, почти неожиданно для русских, Шамилю удалось продвинуться далеко на запад.

В 1846 г. имам, пройдя Осетию, вторгся в Кабарду с целью поднять ее против русских. И хотя такой поход представлял для имама немалый риск, он решился на него, так как раззадоренные «феноменальными успехами Шамиля, некоторые из вождей феодальной Кабарды выразили желание принять его на своей территории»²⁹⁹.

Гаджи-Али указывал, что к имаму приезжали с письмами из Кабарды около 10 человек, «прося, чтобы он пришел туда с войском»³⁰⁰. Кроме того, к имаму в Чечню посылали своих людей и закубанцы после проведенного совещания, собранного эфендиями Али Кугихакановым и Хаджи-Умаром. Они отправили в Чечню муллу Идриса Глоупова с письмом к Шамилю, «прося его, чтобы он с сильной партией пришел в Кабарду», обещая ему свою поддержку и военную помощь³⁰¹.

Риск для имама состоял в том, что, «покидая привычную горную местность, где мюриды диктовали неприятелю свои условия, имам лишался многих преимуществ и становился крайне уязвимым»³⁰². При складывании неблагоприятных обстоятельств он мог рассчитывать только на «проворство лошадей и, разумеется, на Аллаха»³⁰³.

Пускаясь в данное предприятие, имам поставил на карту не только свою судьбу, но также судьбу имамата и мюридизма. Шамиль хорошо понимал, что «попади он в руки к русским, итогом экспедиции мог бы стать крах всего, что создавалось им в течение многих лет и являлось смыслом его жизни»³⁰⁴. Такое рискованное предприятие могло диктоваться только крайней политической необходимостью.

²⁹⁵ АКАК. Т. X. Введение. с. IX.

²⁹⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6595. Л. 219.

²⁹⁷ Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. С. 230.

²⁹⁸ Там же.

²⁹⁹ Баддели Д. Указ. соч. С. 296.

³⁰⁰ Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1873. Вып. 7. С. 35.

³⁰¹ ЦГА РСФСР-А. Ф. 290. Оп. 1. Д. 20. Л. 83 об.

³⁰² Дегоев В. В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М.: Русская панорама, 2001. С. 207.

³⁰³ Там же.

³⁰⁴ Там же. С. 207–208; Покровский Н. И. Указ. соч. С. 475.

Имам собрал громадные силы – 20 тысяч хорошо вооруженных конных воинов, составивших армию вторжения, и стремительно ворвался на неприятельские территории, бросив вызов року и русским. Шамиль предпринял это «по-своему грандиозное военно-политическое предприятие»³⁰⁵, побуждаемый неблагоприятными со стороны действий русских войск обстоятельствами и стремлением отодвинуть границы Имамата далеко на запад, «чтобы в перспективе присоединить и Черкессию, где активно действовали его эмиссары»³⁰⁶.

По мнению некоторых исследователей, аппетиты Шамиля выросли настолько, что «со своего горного трона он надеялся властвовать над всеми народами Кавказа, как пророк и независимый государь»³⁰⁷. Это хорошо понимали и современники имама. После неудачи русских в 1845 г. его притязания выросли до «панкавказских» масштабов³⁰⁸.

В подтверждение данной идеи В. В. Дегоев приводит слова одного из наибов Шамиля, который, давая характеристику действий своего патрона, писал: «Цель его состоит в том, чтобы поработить все разноязычные племена, населяющие пространство от владений Шамхала до Анапы, над которыми он хочет сделаться султаном и эмиром»³⁰⁹.

Однако скоро выяснилось, что «глобальные» планы Шамиля не имели под собой больших оснований из-за несоответствия целям военного потенциала, которым на то время обладал имамат. Кроме того, «как раз в Кабарде данных для восстания против царизма в этот момент было очень мало. <...> Кабардинские князья договорились с самодержавием, получили от него, что могли выторговать, и больше всего теперь боялись “народных волнений”»³¹⁰.

Шамиль обратился к кабардинским владельцам, приглашая их принять участие в «истреблении кяфиров и прочих им помогающих лиц переменчивых»³¹¹. Переправившись через Терек вблизи от Минаретского брода, имам приобрел позицию, «с которой он мог наблюдать за всей Кабардинской равниной»³¹².

Эта позиция была его целью, потому что, используя ее как «стратегическую базу своей операции», Шамиль «мог командовать в Кабарде, в соседней Осетии и воздействовать на сообщение между Северным Кавказом и Грузией»³¹³.

Скоро, по приказу имама, из Малой Кабарды мюриды стали выселять в имамат местное население. Одновременно мюриды ограбили и сожгли богатый аул князя Бековича и все остальные аулы, располагавшиеся вдоль реки Курпы³¹⁴.

Этого нападения никто не ожидал, напротив, от Шамиля ждали «освобождения от повинностей и российского административного режима»³¹⁵ но, «когда увидели, что их грабят и жгут и что пятьсот арб, нагруженных их имуществом и семьями, под прикрытием тысячи человек при двух орудиях, под начальством Саибдулы, направлены в Чечню <...> они убедились, что ошибались в своих ожиданиях»³¹⁶.

³⁰⁵ Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. М.: Росет, 1994. С. 459.

³⁰⁶ Блиев М. М., Дегоев В. В. Указ. соч. С. 459; Гаммер М. Указ. соч. С. 231–232; Бобровский П. О. История 13-го Лейб-Гвардии Эриванского Его Величества полка за 250 лет. 1642–1892 гг. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1895. Ч. 4: Карабинерный полк. Предисловие. с. III.

³⁰⁷ Дегоев В. В. Указ. соч. С. 136.

³⁰⁸ Дегоев В. В. Указ. соч. С. 207; Казамбек М. А. О значении имама, его власть и достоинство // Русское слово. 1859. Кн. 3. С. 306; Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов. Тбилиси, 1953. С. 281.

³⁰⁹ Цит. по: Дегоев В. В. Указ. соч. С. 207.

³¹⁰ Покровский Н. И. Указ. соч. С. 476.

³¹¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6595. Л. 219; ДГСВК. С. 504.

³¹² Гаммер М. Указ. соч. С. 232.

³¹³ К. Обзор событий на Кавказе в 1846 году // Кавказский сборник. Тифлис, 1895. Т. XVI. С. 336–337.

³¹⁴ Горчаков Н. Вторжение Шамиля в Кабарду в 1846 г. // Кавказский сборник. Тифлис, 1879. Т. IV. С. 21.

³¹⁵ Блиев М. М. Указ. соч. С. 530.

³¹⁶ Горчаков Н. Указ. соч. С. 21.

На сторону имама перешла небольшая группа кабардинских князей – М.-М. Анзоров, М. Кожохов, М. Тахтарев, М. Куденетов и эфенди Гаджи Берцов, которые тем не менее не могли обеспечить имаму широкую поддержку в Малой Кабарде³¹⁷.

Наиб Магомет-Мирза Анзоров взялся собрать партию в 1000 доброконных, чтобы в конце августа 1846 г. сделать набег на Сунжу или в Кабарду. Он там намеревался действовать против русских совместно с главными силами имама Шамиля, но из-за предупредительных мер русских не преуспел³¹⁸.

Не преупели сторонники имама и в Большой Кабарде, где «за исключением нескольких князей и немногих неблагонамеренных лиц все народонаселение <...> скрылось в горы и леса»³¹⁹.

Князь Воронцов был весьма обрадован таким поворотом событий, чем не замедлил поделиться в своем письме к А. П. Ермолову. Князь писал: «Войска его (Шамиля. – С.Л.), собранные из всех частей Дагестана (между пленными есть аварцы и унцукульцы), в последние дни совершенно голодали. Кабардинцы не могли или не хотели давать ему хлеба и с большим принуждением только делились рогатым скотом...»³²⁰

³¹⁷ Покровский Н. И. Указ. соч. С. 478; ЦГА РСО-А. Ф. 290. Оп. 1. Д. 20. Д. 53.

³¹⁸ ЦГА РСО-А. Ф. 290. Оп. 1. Д. 20. Д. 88.

³¹⁹ АКАК. Т. X. С. 584.

³²⁰ Письма князя М. С. Воронцова к А. П. Ермолову // Русский архив. 1890. № 2. С. 183.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.